

№ 14. Г. АКМОЛИНСКЪ. БЕРЕГЪ Р. ИШИМА И ГОРОДСКОЙ САДЪ.

Сергей Виниченко

ТИХИЙ ИШИМ

Сергей Виниченко

ТИХИЙ ИШИМ

Очерки истории гражданской войны
в Северном Казахстане. 1919-1922 гг.

Костанай
2026

Я взглянул, и вот,
конь бледный,
и на нём всадник, которому имя
смерть:
И ад следовал за ним
Откровение.6:8

И слышу, как за мной ползут—
Пожары, казни и разгромы...
*Стихи неизвестного автора
(Париж, 1924)*

УДК 94(574)
ББК 63.3 (5Каз)
В 50

Виниченко С.Н.
В50 Тихий Ишим. Очерки истории гражданской войны в Северном Казахстане. 1919-1922 гг. / Сергей Виниченко. – Костанай, 2026. – 154 с.

ISBN 978-601-12-8119-5

В книге рассказывается о трагическом периоде истории Казахстана – колчаковщине и крестьянских восстаниях 1919-1922 годов в Кустанайском, Петропавловском и Кокчетавском уездах.

Автор использовал большой массив документов из различных архивов, проанализировал и обработал источники и воспоминания очевидцев трагических событий того времени. В книге исследованы биографии ряда участников боевых действий – командиров партизанских отрядов, крестьянских вождей повстанческого движения, офицеров Красной и Белой армий.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей. Она будет полезной для исследователей трагического периода истории Казахстана.

ISBN 978-601-12-8119-5

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Каз)
© Виниченко С.Н., 2026

К читателю

Во всемирно известном романе Михаила Шолохова развернута широкая картина установления советской власти на Дону. В нашем Степном крае происходили события ничуть не уступающие по накалу и драматизму великому роману. Недаром масштаб Западно-Сибирского восстания 1921-го года историки сравнивают с Вандеей – крестьянским мятежом, направленным против реформ Великой французской буржуазной революции конца XVIII века. На основе документального материала я попытался показать основные моменты, связанные с карательными экспедициями белых в 1919 году и рассказать о действиях повстанцев против большевиков в 1920-1922 гг.

Документальные источники в книге подтверждаются воспоминаниями свидетелей, приведенных в приложениях. Возможно, они покажутся чересчур объемными, но сократить их невозможно из-за потери эмоционального воздействия на читателя.

В целом, книга формирует определенное представление о трагических событиях вековой давности, происходивших в Тоболо-Ишимском междуречье, которые остались в памяти народа. Факты, изложенные в книге, словно кричат нам: «Нет ничего страшнее гражданского противостояния!».

Благодарю за помощь в работе над книгой Олега Александровича Винокурова, Николая Валентиновича Дрофу, Константина Владимировича Сергеева.

Тень Ванягина: от Кургана до Атбасара

Во многих посёлках Северного Казахстана выросли глубоко в землю красноезвездные обелиски. Они – словно вехи на пути карательных отрядов белой армии. В ушедшие семидесятые годы прошлого столетия бабушки ещё пугали детей именем одного из наиболее одиозных фигур периода гражданской войны в нашем крае – Ильи Ванягина. Мрачной тенью приходит к нам штабс-капитан 4-го Тюменского полка с пожелтевших страниц рапортов, из воспоминаний очевидцев. Погоню за этой тенью автор начал давно, с целью выяснения судьбы Ванягина, но, как и положено всякой тени, он всегда неуловимо ускользал.

5 марта 1919 года Верховный правитель Сибири адмирал Колчак объявил полную мобилизацию молодежи в белую армию. Желаящих воевать было немного, и приказ получил жёсткое противодействие – появились целые группы дезертиров, уходивших в леса и труднопроходимую местность. У многих было оружие, принесенное с фронтов Первой мировой войны.

Барон Алексей Павлович Будберг (1869-1945), сподвижник адмирала Колчака, в конце марта записал в дневнике: «В тылах неблагополучно, серьезное восстание расплзается в Кустанайском уезде, туда послан казачий генерал Волков, известный своей решительностью, сегодня он уже доносит, что две главные банды им достигнуты и истреблены...»[1,с.124].

Барону вторит управляющий Петропавловским уездом, докладывающий в Акмолинск 10 апреля 1919 года.

«Село Всесвятское занято большевиками. Милиция пятого участка разогнана. Восставшие, продвигаясь, отбирают подписки на сходах от населения о присоединении и раздают оружие. Из Кургана идет карательный отряд, две роты с пулеметами, все меры принимаются. Станица Звериноголовская занята большевиками. По сведению ее атамана, отряд огромный. Они отбирают у населения, стражи, оружие и скот. Направляются на Пресногорьковскую. Если казаки не отразят наступление, направление будет на Петропавловск. Прошу содействия ввиду отсутствия войск гарнизона. Гославский»[2].

На подавление восстания во Всесвятской волости Петропавловского уезда (ныне райцентр Сарыколь Костанайской области – прим.С.В.) из Курганского военного округа генералом Константиновым был направлен особый карательный отряд во главе со штабс-капитаном 4-го Тюменского полка, входившего в Уфимскую кадровую бригаду, Ванягиным. Отряд состоял из двух рот, численностью 359 человек пехоты и 15 сабель, которыми командовали 15 офицеров. Отряд имел на вооружении два пулемёта. 12 апреля каратели вошли в станицу Пресногорьковскую, расположенную в 120 верстах на юг от Кургана. Поручик Спиридонов повел полуроту на уничтожение партизан Дмитрия Ковалёва, а полурота Богоявленского направилась к Ксеньевке и Федоровке [3,с.64].

У меня были данные о расстреле в Федоровке тринадцати человек, но в центре большого кладбища у современной трассы Костанай-Петропавловск под высоким красноезвездным обелиском лежат шесть расстрелянных. Долгое время было загадкой – где были похоронены еще семеро убитых? На этот вопрос я получил ответ из воспоминаний ксеньевского крестьянина Ивана Штанько: «Колчаковцы свирепствовали. В воскресный день, когда все жители отдыхали, они установили на площади три пулемёта. Офицеры с адъютантами и солдаты подошли к зданию сельского Совета, к сборне, как мы называли этот дом. В селе началась облава. Через некоторое время каратели подвели двух наших односельчан – Василия Ивановича Титова и Василия Савельевича Левченко. Следом за ними сюда были доставлены еще трое: мой брат георгиевский кавалер Р.Л.Штанько, Ф.С.Щербак и председатель Ксеньевского сельского Совета Лаврентий Федорович Чипенко. Они были арестованы за то, что прятались от колчаковцев, а Л.Ф.Чипенко – за укрытие своих товарищей. Выдал их некий Андрианов.

Обелиск в Ксеньевке. Фото Р.Штанько

Недалеко от Ксеньевки он встретил отряд колчаковцев. Те были рады случаю и под страхом расстрела выпытали, где в селе скрываются мужчины, уклоняющиеся от мобилизации. Андрианов смалодушничал и привел белогвардейцев к месту, где находились В.И.Титов, В.С.Левченко и И.М.Воина. Когда солдаты стали издеваться над братом и товарищами, я не выдержал и бросился в здание Совета. Там меня били прикладами винтовок. Выскочив на улицу, в толпе я заметил еще несколько мужиков. И среди них брата Михаила. Быстро сообщил им, чтобы немедленно уходили, так как их могут арестовать. Через некоторое время на крыльце дома появился писарь. Он зачитал приказ о том, чтобы жители приготовили колчаковцам семь подвод для перевозки арестованных в Федоровку. Мне было не безразлично, кто поедет сопровождать людей на бричках, и я вызвался поставить свою подводу, чтобы в дороге организовать побег брата и его друзей.

Планы мои сорвались, когда в мою подводу посадили трех карателей, и я ничего не мог сделать. В дороге все молчали. На половине пути один

солдат пересел на другую подводку. С двумя оставшимися я завел разговор. Те стали объяснять, что они не хотят воевать против народа. Поверить им было трудно. Тем более что они все спрашивали, где находится партизанский отряд. По их словам выходило, что они хотят примкнуть к нему. В свою очередь я спросил:

– Что сделают с арестованными?

– Расстреляют, – ответил один из них.

Я находился в таком положении, что ничего не мог придумать, как спасти людей. Время шло, и дорога была короткой. От Ксеньевки до Федоровки всего 18 километров. На пути только один лес, который мы уже проехали.

Когда до Федоровки остались считанные километры, я пересел на подводку, где сидел мой брат и его друзья. Здесь им передал свой разговор с солдатами и предложил в Федоровке с наступлением темноты сделать побег.

Но каратели, по-видимому, заметили мое волнение и, когда до Федоровки осталось всего два-три километра, они усилили охрану. Бежать было невозможно. Мы вернулись домой, не совершив задуманного. Наутро узнали, что наших односельчан расстреляли на берегу Федоровского озера. После этого сообщения я запряг лошадей и поехал к месту расстрела. Подъезжая к озеру, я увидел трупы людей и около них охрану.

– Можно забрать домой? – показывая на убитых, спросил я у солдат.

– Нужно взять на это в штабе разрешение, – ответил один из них.

В штабе сидели три офицера. Я объяснил им цель моего прихода. Они начали расспрашивать, кто я, откуда приехал, где находится партизанский отряд. На последний вопрос я им ответил, что не знаю. Тогда один офицер, вероятно, старший, дал разрешение забрать тела односельчан. Когда подъехал к Федоровскому озеру ближе, увидел зловещую картину. Трупы были страшно изуродованы. Исколотые штыками, изрубленные шашками, они лежали на берегу как попало». Иван Штанько сложил убитых на телегу и повез в Ксеньевку. Так оказались в одной братской могиле Чипенко Л.Ф., Штанько Р.Л., Щербак Ф.С., Воина И.М., Титов В.И., Левченко В.С., Гора И.

Обелиск на братской могиле в Фёдоровке. 2025 (фото Н.В.Дрофа)

А в центре фёдоровского погоста появился хорошо видимый с шоссе Петропавловск-Костанай обелиск с фамилиями местных жителей – И.И.Бужинский, В.Ф.Пеньтюхов, М.Г. Глатенко, В.Е.Шниткин, И.В.Тястов, А.Тырнов. Об этих событиях рассказывала Клавдия Савкина, жена одного из расстрелянных: «К приходу карателей многие жители успели укрыть в надежных местах всех, кто не хотел служить в белой армии. Муж с четырьмя товарищами прятался в бане на окраине села. Колчаковцы вызывали на допрос каждого жителя и спрашивали, где спрятано оружие и дезертиры. П.Г.Лабковского так избили, что вскоре он скончался от побоев. Потом началась облава. К нашему дому подъехали пятнадцать верховых и окружили двор. Офицер стал спрашивать, где прячется муж и бил меня плеткой по голове, кричал, что не пожалеет сына. От удара я потеряла сознание и очнулась в церкви. Старичок-староста не отпускал меня, сказал. Что видел, как группу мужчин вели к озеру. Отец с матерью уговорили меня спрятаться с маленьким сыном в погребе на огороде. Муж мой, Владимир Акимович Шниткин, и его товарищи были изрублены шашками и брошены в заброшенном огороде». В Сретенке белые расправились с Андроном Черноротом, фронтовиком, бывшим унтер-офицером.

Допросы вел сам начальник отряда Богомолов. По всему селу поднялся переполох, беляки рыскали в домах, сараях, скирды сена, соломы протыкали штыками – искали спрятавшихся беглецов. Чуть не задели штыком Лукьяна Наконечного, зарывшегося в скирду. Последним допрашивали Чернорота, но результатов от него не добились. Андрон хорошо знал, что на вверенной ему территории скрываются беглецы, знал и где они находятся, но никого не выдал. Богомолов расвирепел от неудачных поисков и безрезультатного допроса и всю злобу свою выместил на председателе земуправы. Андрона Чернорота вывели из дома, повели к церкви и там, выстрелом в спину, убили. «Весь день село находилось на осадном положении: все сидели по избам и ждали чего-то страшного. В волости, особенно в Стретенке, Королевке и глухих аулах скрывалась целая армия дезертиров-односельчан. Все ждали расстрелов...Похороны Андрона состоялись через два дня. Впереди похоронной процессии большой красный крест. За ним гроб на санях, потом поп в рясе, родственники и народ, растянулись по всему переулку до кладбища. Тут и дезертиры на лошадях с оружием. В середине процессии красный флаг. Жалобно играет музыка, тонко и тоскливо ноет скрипка. Расстрел и похороны Андрона взволновали всех, теперь все называли колчаковцев бандитами» (Дучкин С.С). Автор воспоминаний пишет, что в праздники на небольшой площадке у Грицковой избы, где казнили Андрона Чернорота устраивались митинги, исполняли народную песню:

Не гром гремел зимой в ночи,
Когда по избам люди спали,
То колчаковцы-палачи
В Андрона залпами стреляли.

Из ран ударили фонтаны,
На снег по вееру легли,
Потом сочились его раны
До самой утренней зари

В Троицком расстреляли дезертировавшего из армии крестьянина Александра Владимировича Купко. В Исаевке (ныне Чапаевка) за околицей у болота были убиты и похоронены в братской могиле Яков Кубрак и Савчук.

Известный краевед Валерий Стародуб приводит свидетельство М.И.Карпеты, тогда 14-летнего паренька, о Ванягине: «Одетый в черный костюм, а не в армейскую форму, высокий, красивый мужчина со сросшимися бровями, великолепный кавалерист и хороший оратор».[4, с.90] 17 апреля рано утром карательный отряд вошел во Всесвятское.

Здесь с помощью купца Н.Климова ваянгинами был составлен список недовольных новой властью. На другой день жителей села согнали к церкви. Штабс-капитан произнес речь с паперти, назвав Всесвятское «большевистским кублом». Речь была завершена пулеметной очередью над головами жителей, сделанной со звонницы. «Каратели разбрелись по поселку, мародерствовали, творили беззаконие, пили и гуляли»[4, 92]. Вечером 19 апреля за околицей села проводились массовые расстрелы, которыми руководил поручик Попов. Пьяный караул всю ночь добивал штыками раненых. Спаслись трое – «вылезли из тел» – Сиренко отполз в залитый водой кладбищенский ров, Степан Ерошенко, Анисим Васильченко ушли в лес. Наутро были посчитаны расстрелянные и начались безуспешные поиски пропавших. По свидетельству очевидцев событий, во Всесвятском убиты 123 жителя. «Карательный отряд капитана Ванягина, проходивший после подавления восстания, реквизировал хлеб, масло, поросят, мясо, брички, скот и прочее, не платя ни за что денег. Насиловал женщин и даже выпорол священника о. Лобановского, признавал начальник Петропавловской уездной колчаковской милиции»[3,с.66]. 20 апреля каратели выступили в ближайшие поселки.

Сохранились воспоминания свидетеля, хранящиеся в музее Весёло-Подольской школы: «В апреле 1919 года налетела на наш район банда карателей под командованием штабс-капитана Ванягина. В нынешнем райцентре Урицком палач Ванягин приступил к казням. В поселке Ананьевка, где по списку имеющимся у него были вызваны Рыбкин Кирилл, Комарницкий и ещё один человек и тут же на площади были расстреляны. Того же дня, перекрыв все дороги, не заезжая в Весёлый Подол, неожиданно оцепили Всесвятское. Никто из местных жителей этого не ожидал. Было собрано всё мужское население и по спискам торговца Климова всех собрали в один дом. Вечером 19 апреля все арестованные мужики были выведены за поселок, около ста человек, и расстреляны. Семь или восемь человек упали вместе с мертвыми и, дождавшись темноты, вылезли из-под тел. Ушли в леса и спрятались в населенных пунктах – Ерошенко Степан, Васильченко Анисим. На следующий день каратели кинулись искать всех сторонников

красных по поселкам. Расстреляв по несколько человек в Ермаковке, Сорочинке и Севастополе, банда двинулась к Ишиму...».

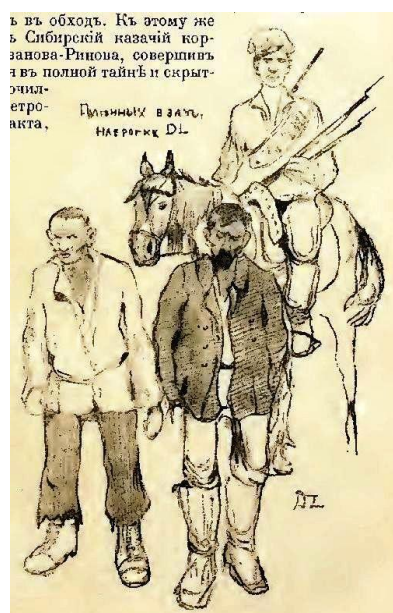

Рисунок из книги К.В.Сахарова «Белая Сибирь»

В Анновке нещадно секли нагайками все население – не пожалели даже священника Рожкова. В Ананьевке были расстреляны Комарницкий П., Зименко П., Ванжа А.Е., Дьяченко Е.М., Шмегельский М., Зименко П.А., Мамонов Ф., Рыбкин К.Р. Раненых добивали штыками. Родственников расстрелянных высекли нагайками. Штабс-капитан пригрозил: «Если кто еще выступит против власти, то семья будет уничтожена, а дома сожжены». В окрестных аулах и хуторах ваягинцы проводили расстрелы. Об этом Ванягин докладывал в рапорте: «Большая часть большевиков поймана. Расстреляно 75 человек комиссаров и красноармейцев, взято много оружия»[5].

По пути к Мариинскому ваягинцы убили в Сорочинке семь человек, в Ермаковке семь, в том числе руководителя повстанцев Александра Миронова, в Севастополе – шестнадцать, в Златоусте около сорока. Сорочинцы решили послать навстречу карателям Ивана Логвиновича Бурду, который между Крыловкой и Сорочинкой вручил отряду хлеб-соль. Принимая подношение, Ванягин заявил, что таким поступком жители спасли от огня своё село. Штабс-капитан обожал лошадей и в селах, лежащих на пути карателей, местные жители приводили ему лучшего скакуна, надеясь на милость со стороны Ванягина.

Карандашова Василиса Васильевна, 1903 г.р. (девичья фамилия Морозова), проживала тогда в п. Сорочинском. Она рассказывала внуку Валерию Кармелюку: «Каратели приехали вечером в канун Пасхи на подводах, казаки на лошадях. В наш дом встало на постой несколько казаков, все пожилые, обходительные, с отцом табачком делились. В селе тихо, когда

стемнело, девки и молодые бабы собрали узелки с куличами и пошли в церковь на всенощную службу, вышли на площадь... и тут от церкви по ним застрочил пулемет. Бежали так, что порастеряли все куличи. Дома казаки посмеялись, сказали, что это часовые приняли баб за партизан, служба будет утром. Утром действительно служба состоялась, все вместе с карателями отстояли, на выходе похристосовались, по домам разговелись, пошла общая гульба с гармошкой, братания, говорили, что ничего не будет, всем прощение, кто прятался – повылазили, короче расслабились. Так продолжалось два дня, на третий день Пасхи всё и началось...".

«Казаки были... из недалёких станиц, они потом угоняли себе забранный скот. Бабуля рассказывала, что когда стояли у них на подворье, то им сильно понравилось её кушанья, т.н. курники с мясом и печеный хлеб. Когда начался грабеж, то стали свозить на их подворье продукты, пригонять скот, часть тут же резали и её заставили печь курники и хлеб. Говорила, что замаялась эту ораву кормить, пока не уехали. Ей было всего 16 лет, мать болела. Бабуля понравилась одному казаку, он говорил молодка хорошая хозяйка и хочет её в снохи взять за сына, пригрозил отцу, чтоб не отдавал ни за кого, мол, как сын со службы вернётся приедут сватать, вот похоже это и спасло их семью от грабежа и насилия...».

«В первую очередь прошлись по дворам со списком красных, были взяты восемь человек активных партизан, в их числе мой будущий дед, Карандашов Григорий 1898 г.р. и его отец Андрей. Бабушка говорила, что он был военкомом всей сорочинской группы, воевал в Первую мировую. Пошли по всем дворам с обысками, искали красных и уклонистов от призыва, пальба, стреляли собак, кто-то побежал в лес, вдогонку...крики, плач, маты, согнали на площадь. Кого-то нагайками порют, этих восьмерых человек тут же конные погнали за околицу – там была скотомогильная яма прикрытая досками, содрали доски, одну положили посередине, на неё поставили всех. Дед вспоминал: Стоим на этой доске, а каратели напротив... команда – «Готовсь!», затворами клацают, отец мне говорит – «Гришка, убивать будут», я на него глянул, а он весь белый как лунь и тут залп, мне как будто кто шепнул "Падай", я и упал первым, на меня другие, замер, стоны, голоса сверху – живые еще, шевелятся, опять залп, удар в левую руку, невыносимая боль, дернулся, помутнение, сверху – шевелятся. «Патроны не трать, потыкай штыками». Замер, слышно было, как тыкали и кровь на меня текла, потом слышу: «Всё, все готовы» и команда "На конь!", потопали... Сколько пролежал – не помнит, выбрался из-под убитых, позвал: «Живые есть?». Никто не отозвался. Глянул на руку – оторван безымянный палец и выше ладони пулевое отверстие, несквозное. Хлещет кровь, зажал полрой куртки, тихонько выглянул – никого. Чуть вдалеке отара пасётся, давай махать, звать пастуха, тот понял, отару подогнал и так пригибаясь между баранами до села, до первого дома, там родня проживала, перепугались: «Гришка, уходи и нас постреляют, их молодая сноха не испугалась, умыла, перевязала, сообщила родным, спрятали. У деда была целая эпопея: скрывался, прятался с раненой

рукой, однажды за ним верховые с собаками погнались. Он в камыши на озере, тонкий лед, залез по грудь, лошади преследователей проваливаются в тине, лёд под собаками тоже не держит, не идут, те давай стрелять по камышам, дед погрузился в воду, дышал через камышину, пока не уехали. Потом пришли красные, рука у деда распухшая, пуля сидит, его тут же в госпиталь в Челябину (выражение бабушки), а там врачи бывшие белые, саботируют, раненых не лечили, пока ЧК не разобралась... пулю вытащили, руку спасли. Красных встречали как родных, избавителей от карателей и у них отношения к народу было хорошее, потом, правда, появились части ЧОН. Ну а дед женился на нашей бабушке, сваты от казака так и не появились, да и она не пошла бы после всего что творилось (В.Кармелюк).

По воспоминаниям старожиллов ваягинцы построили у церкви сельчан и по составленному местным священником Мансветовым списку арестовали десять человек. Убежать удалось Григорию Карандашу и Николаю Сидоренко. Среди расстрелянных Андрей Карандаш, Порфирий Писарьков, Андрей Петренко. Были висечены шомполами за неявку на площадь Семён Мамаев и Афанасий Котляров. Оба скончались от побоев[14,с.249].

В конце пасхальной недели отряд Ваягина, ушел на север, в станицу Пресногорьковскую, откуда он доложил в Курган итоги своей экспедиции. Мне удалось разыскать в архивах телеграмму подполковника Иванова, начштаба Курганского военного округа на имя начальника Западной армии. Привожу ее текст полностью. «Челябинск. 22 апреля. Начальник Всесвятского карательного отряда доносит, что: 17 апреля военная организация Всесвятского уничтожена в корне. Главный руководитель Миронов пойман и расстрелян. Из Всесвятского послан отряд в Сорочинское и Ермаково. В первом было отделение штаба Всесвятской организации, каковое уничтожено, расстреляно 8 человек (семь, один спасся – прим.С.В.). Второе оказалось меньшевистским, здесь расстреляно 2 сбежавших из Кустаная комиссара, много отобрано оружия. С отрядом расположился по квартирам в Ермакове, где провел несколько дней Пасхи, так как, благодаря распутице, движение дальше невозможно. Отсюда могу только послать небольшой конный отряд в ближайшие селения, таковой вышлю ночью 20 апреля в Севастопольское, где жители отказывались выдать зачинщиков. Как только можно будет двинуться – двинусь в дальние окрестности Всесвятского для восстановления твердого порядка и правильной работы местной администрации. Моя решительная расправа так подействовала на окрестность, что жители сами арестовывали большевиков и дезертиров и под конвоем привозили ко мне. Земская управа и милиция не пользовались никаким авторитетом. Теперь же им население оказывает полное подчинение и все распоряжения выполняются беспрекословно. Настроение отряда не заставляет желать лучшего. Слух, о том, что в 150 верстах от нас к западу большевики опять зашевелились, требует проверки. Подпись: капитан Ваягин». 28 апреля Ваягин вновь направился в южные районы Тургайской

области, в район Надеждинское-Семиозерное-Чулаксай. Согласно его докладу «красные отсюда ушли, за экспедицию расстреляно 350 человек».

9 мая карательный отряд из Чулаксай отправился на подавление Мариинского восстания. Надо сказать, что опасения штабс-капитана по поводу активизации большевиков имени основания. Уже 7 мая в Всесвятское вошел отряд одного из вождей кустанайского восстания Андрея Жилиева, численностью до семисот человек. Сразу были арестованы заведующий подрайоном Лапшин и почтовый служащий Радишев, которые после ходатайства жителей были помилованы, а врача Троицкого как «офицера, кадета» и его жену увезли с собой.

Донесение управляющего Петропавловским уездом управляющему Акмолинской областью от 12 мая 1919 года.

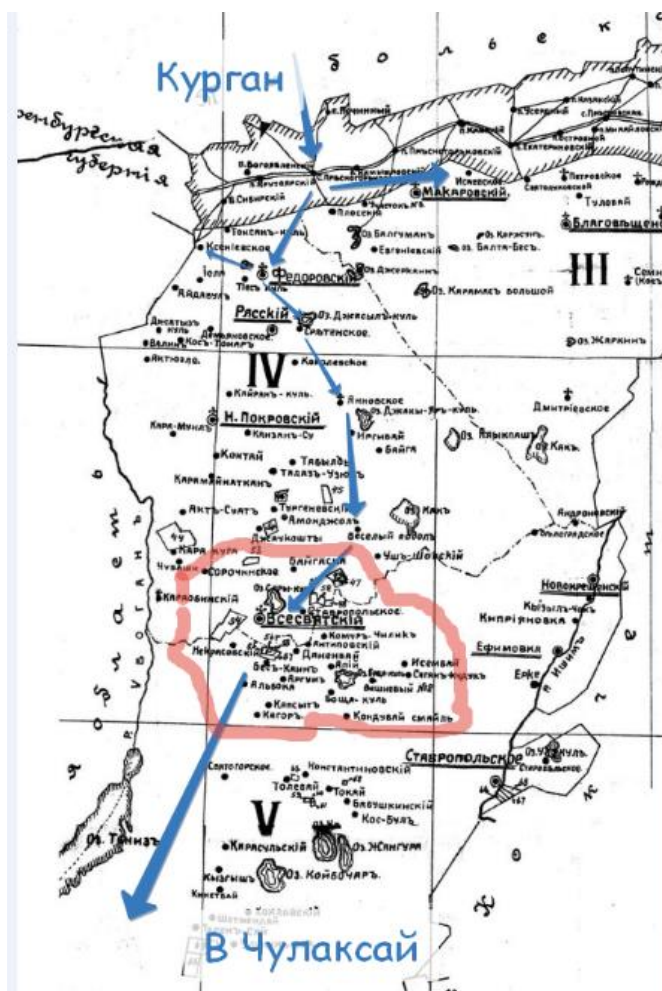
Медведский телеграфировал из Пресногорьковки: «Во Всесвятском вновь штаб большевиков. Банды до пятисот человек, передовые части их 8 мая прошли Севастопольское в направлении Федоровки Кокчетавского уезда на двухстах подводах. Сам послал в Пресновку за сотней казаков подкрепления. 6 мая в восемь вечера Анновку окружили большевики в значительном количестве, коих население уже ждало и к ним присоединилось. Медведский предупрежден из Анновки нарочным. Меры принимают. Вчера утром генерал Волков выехал в Атбасар. Гославский»[6].

О бесчинствах отряда Жилиева писал 23 мая начальник колчаковской милиции Петропавловского уезда управляющему Акмолинской области: «Жилиевцы ограбили переселенческий медицинский пункт на 10 тысяч рублей, Всесвятский племенной рассадник на 50 тысяч рублей, убили врача Троицкого и его жену. Осмотром трупов установлено, что над врачом Троицким и его женой были пытки. Троицкого совершенно раздели, вырвали глаза, перерезали тупым орудием горло, нанесли штыковые раны в грудь и спину, жену изнасиловали, перерезали горло тупым орудием и нанесли семь колотых ран в грудь. Дальнейшим исследованием установлено, что жители Всесвятской волости ограблены на 1 млн.500 тысяч рублей»[7].

Повстанцы ограбили почту на 25 300 рублей и реквизировали сто лошадей и восемьдесят бричек. После ухода Жилиева белогвардейский отряд латыша Бресмана окончательно разорил некогда зажиточный волостной центр Всесвятское, ограбил церковь и выпорол священника.

Генерал-майор Волков был недоволен действиями этого карательного отряда: «По моим достоверным сведениям, латышский отряд... показал себя с наихудшей стороны по отношению к жителям Петропавловского уезда и особенно в отношении жителей села Всесвятского. В то время как банда Шилиева находилась 7 мая в селе Всесвятском, латышский отряд под командой капитана Бресмана находился всего в 30 верстах к западу от Всесвятского, в деревне Крыловское. Латышский отряд должен был немедленно выступить против красной банды, но он 8-го повернул на восток и только 9 мая, узнавши, что банда Шилиева оставила Всесвятское, направился в это село, которое и занял 11 мая. В с. Всесвятском латышский

отряд оставался до 16 мая, ограбив за это время церковь, творя насилия над жителями, в особенности женщинами и незаконно требуя непомерно больших налогов. Жители, которых ограбили большевики, ждали помощи от правительственных войск, но теперь они вторично ограблены и поэтому сильно возмущены. После появления во Всесвятском высланного мною казачьего отряда, латышский отряд упустил всякую возможность поимки шиляевской банды и ушел на юг...»[8].

Действия Ванягина в западной части Петропавловского уезда (12.04-28.04.1919). Карта 1912 г. Авторская реконструкция

Приказ Колчака о подавлении крестьянских восстаний в Тургайской и Акмолинской областях от 1 мая 1919 года застал отряд Ванягина южнее Всесвятского:

1. Общее руководство по ликвидации беспорядков в Акмолинской области возложить на комкора Сводного казачьего корпуса генерала Волкова, находящегося со своим штабом в Петропавловске.

3. Для операций в пределах Акмолинской области назначить части: Петропавловский конный дивизион войскового старшины Алейникова, первый и второй дивизионы Сибирского казачьего войска, отряд капитана

Ванягина, оперирующего в районе озера Сарыкуль, и две роты (не менее трехсот штыков)...[9].

Движение отряда Ванягина к Атбасару отмечено рядом преступных злодеяний. В Луганском в его штаб явились шестьдесят дезертиров из Давыдовки, Чернозубовки, Сурков, Ново-Михайловки и Разгульного. Они поддались на обещание белых амнистировать всех добровольно явившихся. После допроса всех вывели на берег Ишима на расстрел. За секунду до крика Ванягина: «Пли!» Иван Кординцев из Давыдовки прыгнул с кручи в реку. За ним прыгнул еще один. Кординцев переплыл Ишим, а его товарищ был убит. Оставив Луганское отряд двинулся по левому берегу Ишима через Разгульное и Дальнее на Ивановку. В Разгульном каратели выпороли 60-ти летнего Петра Степановича Плескача, в Ивановке расстреляли Ивана Раевского, Федора Чернышева и Михаила Полтавцева. В Красивом в общественном амбаре были расстреляны два партизана, в Богословском до полусмерти заповороли Данилевского. Отряд продвигался к Мариинке, оставляя за собой кровавый след. К этому селу были стянуты крупные силы белых. В Мариинке собралось около трех тысяч партизан. Сюда шли партизаны из многих мест. Из Келлеровки Петропавловского уезда, преодолев 380 верст прибыл отряд немцев-партизан, состоящий из девяноста человек. Еще в апреле у мариинских партизан была идея пойти на помощь восставшему Кустаная, но поход запоздал – восстание было подавлено. Для защиты Мариинки было сформировано четыре батальона и эскадрон кавалерии в 120 сабель. Батальонами командовали Николай Марченко, Константин Ирченко, Иван Белокобыльский, Иван Белозеров, командовал кавалеристами Овчинников. Командовал всеми силами Никифор Ирченко, начальником штаба был Белаш. Вооружение повстанцев составляли 120 винтовок, 70 наганов, 75 пашек, 1082 охотничьих ружья, десять ящиков бомб, пики, штыки [Кумач И., с.41]. Отряд Ванягина прибыл в Атбасар 11 мая. В его отряд вошли еще две роты Уфимской кадровой бригады, вышедшие из Кургана 2 мая – восемь офицеров, 480 штыков и два пулемета. Теперь под началом Ванягина были 839 штыков и 23 офицера.

13 мая четыре пехотные роты отряда приняли активное участие в наступление на село Мариинское, расположенного на Ишиме, восточнее Атбасара. Две роты наступали в «лоб» повстанцам, две роты под командованием поручика Гаврилова совершали обход. Общее руководство взятием мятежного села осуществлял генерал Волков.

Из Атбасара 20 мая 1919 года командиру Тюменского полка ушло донесение, подписанное капитаном Ванягиным:

«12 мая от полковника Катанаева, начальника всех карательных отрядов, я взял задачу ликвидировать красные банды, засевшие в селе Мариинском, численностью 3000 человек.

13 мая атаковал на рассвете Мариинское и, несмотря на упорное сопротивление красных, уничтожил в корне всю банду, расстреляв своим отрядом не менее 1500 человек.

Лихое действие офицеров и солдат лично видели полковник Катанаев и генерал Волков, за что выразили большую благодарность. Генерал Волков разрешил представить к боевым наградам... Подробности о ходе боя шлю пакетом с нарочным»[10].

За участие в атаке на Мариинское ваягинцы получили 15 Георгиевских крестов и 10 медалей (как известно, на Южном фронте А.И.Деникин не награждал отличившихся в боевых действиях бойцов Георгиевскими крестами, считая, что на гражданской войне вручение этого знака отличия невозможно – прим.С.В). После окончания гражданской войны главных действующих лиц чекисты искали по фотографии, сделанной фотографом Василием Паниным в Атбасаре в мае 1919 года и подписанной им.

Во втором ряду справа налево: уездный воинский начальник штабс-капитан Вознесенский, командир 3-й сотни подъесаул Шайтанов, полковник Катанаев, жена Шайтанова, капитан Ванягин. Справа в верхнем ряду справа Телелев, рядом Шкурдодо. Сидит внизу слева Погорелов, рядом Де...х. Подпись «Шайтанов, Ванягин и Катанаев зверски расправлялись с большевиками и красными партизанами села Мариинское в 1919 году, расстреляв более двух тысяч человек, в том числе женщин, стариков и детей». (Фото представлено Сергеевым К.В). Снимок использовали для поиска после окончания гражданской войны (см. с.20).

20 мая 1920 года на заседании Чрезвычайного революционного трибунала при Сибирском революционном комитете говорилось: «Особенно много пострадало восставших и случайных жертв – стариков, женщин и детей в селе Мариинке, ввиду отданного генералом Волковым приказания – большевиков расстреливать, имущество конфисковать в казну, а дома их сжигать... ворвавшиеся в Мариинку солдаты отряда капитана Ванягина сами определяли виновных, расстреливали их, бросали бомбы в дома, сжигали их, выбрасывали семьи расстрелянных на улицу и отбирали у них все. Сгорело тогда свыше 60 домов, погибло около 2000 человек. Ванягин был удостоен личной похвалы верховного правителя».

Во взятии Мариинки принимали участие сибирские казаки 1-й сотни 2-го отдельного Сибирского казачьего дивизиона под командованием подъесаула Набокова. Десять из них были награждены георгиевскими медалями за то, что: "не щадя своей жизни врвались в дома, откуда был открыт оружейный огонь и уничтожали на месте засевшего противника, другие же, несмотря на сильный пулеметный и ружейный огонь, быстро передавали приказания...". Георгиевскими крестами были награждены десять казаков за то, что: "во время конной атаки первыми ворвались в деревню, где под ними были убиты лошади, и после чего, бросив лошадей, бросились в атаку в пешем строю, уничтожив более 30 человек. После выбития красных из деревни кинулись преследовать за реку Ишим, для чего им пришлось переплыть реку, и там завязали бой, продвинулись с выстрелами к

Стемнело. Зажглись костры, закипели чайники и котлы. Выпивая и закусывая, белые «судили» и расстреливали. Все население Марииновки выгнали к сопке и поставили на колени. Насиловали женщин и малолетних девочек. Сотня Шайтанова с пиками и обнаженными пашками носилась по селу, ловила участников восстания. Атбасарцы Д.Няшин, Д.Паутов и А.Безъязыков бегали с факелами, поджигая дома. Крестьян заставляли запрягать лошадей, складывать все имущество на брички, а скот выгоняли к сопке [16, с.49].

«Творились дикие, исступленные бесчинства. Вот вывели из избы восемь человек. Белоказак Няшин стреляет в упор из винтовки в лоб Лупачу, Кононенко и приканчивает остальных, подлетает к дому Белозерова и в три окна бросает бомбы. Прокопию Манюку отрезали нос, а его брату ухо и пальцы на руках, их мать Мария Манюк, тут же умерла от разрыва сердца. Петра Козырева подняли на пятнадцать пик, а его жену Марию заporоли до полусмерти...Людей расстреливали пачками. Отводили в сторону, выстраивали в шеренгу по 30 человек, и весело упражнялись – стреляли в ухо, испытывая, скольких человек может поразить одна пуля. Шеренгу рубили и кололи с левого и правого фланга. Во дворе начальника штаба Белаша расстреляли партизан Д.Жайворонка, А.Голованова, И.Ванюка, П.Малюка, И.Овчинника, С.Рябова, В.Горлова, М.Маслова... У дома Чеснокова облили керосином раненых и сожгли. Подбирать и зарывать трупы белые запрещали. Свиньи и собаки таскали убитых по улицам.

По Атбасарскому тракту поднимались клубы пыли, скрипели арбы, гремели брички, ревели быки. Белый карательный отряд увозил награбленное в Мариинке имущество. На сопке Курган праздновали победу. Вино и самогонка лились вовсю...Ишим краснел от крови. Над селом клубились столбы дыма – село горело. Многие участники восстания скрылись в казахских аулах. В седьмом ауле Амантайской волости у казаха Утеева скрывался кузнец Потапенко. В ауле Саргуль у Мухамеджана Сыздыкова скрывались С.Кирпо, и братья Василий и Федор Редовские, в ауле Сатпая скрывались И.В.Белозеров и И.Е.Ященко. Калюту и Стрельцова укрыл казах Шайке. Калюту он завернул в кошму и положил рядом с больной матерью[16].

В Мариинке было сожжено 120 домов, погибло три тысячи человек. Осталось 500 вдов и 926 сирот. Генерал Волков докладывал 13 маяб «Селение Мариинское уничтожено. Потери красных 940 человек расстрелянными и убитыми, не считая утонувших в Ишиме. Наши потери – два легкораненых».

Через три дня 15 мая генерал Волков, Катанаев, Ванягин и Шайтанов возвратились с отрядами в Атбасар. Несколько дней подряд гарнизон был вповалку пьян. Для охраны внутреннего порядка в Марииновке остался отряд под командованием офицера Васильева. 16 мая в Атбасаре расстреляли отца и сына Басенковых, Луку Белаша, Сокирко, Стрельцова. Были арестованы десять человек, в том числе из Марииновки Кучеренко, Анашкин. По приказу

Васильева они должны были быть расстреляны, но стрелки отказались стрелять, тогда 18 летний Дмитрий Бойко выхватил винтовку у конвойного и перестрелял всех арестованных. Константин Ирченко застрелился из нагана, труп его Семен Бойко проткнул пикой. Ирченко не разрешили хоронить в селе, зарыли в двух верстах, на красносельской дороге.

После 20-го мая отряд Ванягина отправился в обратный путь, на север.

Памятник в Мариинке. 1936 год

Боец отряда Дмитрия Ковалева Яков Кириллович Рыбкин вспоминал:

«Основные силы карателей были настигнуты отрядом Ковалева в поселке Ставрополка. Утром мы ударили по селу, занятому карателями. Они начали отстреливаться. Но, не выдержав натиска, отступили, и вплавь стали перебираться через реку Ишим. Здесь было уничтожено, по подсчету оружия, 75 колчаковцев. Остатки белогвардейцев отошли к Федоровке Кокчетавского уезда. Нашелся местный житель, указавший ковалевцам брод через реку» (очевидец). После переправы Ковалев дал приказание первому и второму взводам под командованием Якова Рыбкина и Спивака обойти ваныгинцев с тыла, сам с основными силами наступал в лобовой атаке. Каратели ушли на Белоградовку Кокчетавского уезда, где, по словам Якова Кирилловича Рыбкина «мы одержали победу, которую в те годы, да еще в условиях партизанской войны, можно считать крупной. Взяли Белоградовку, захватив тачанки с пулеметами. Был убит Ванягин – одним палачом стало меньше на нашей родной земле»[11, с.24].

Рыбкин ошибся – штабс-капитан остался жив. 25 августа 1919 года бывший карательный отряд штаб-капитана Ванягина (легкий отдельный батальон), состоящий из 3 офицеров и 141 солдата прибыл на фронт в состав конной группы 2-й армии во 2-ю Сибирскую казачью дивизию, где начал формироваться 4-й Уфимский егерский батальон под командованием штабс-капитана Рогожкина. Батальоном в октябре командовал полковник Лебедев. А где же сам Ванягин? Он занимается привычной для него работой. Управляющий Акмолинской области в августе 1919 г. сообщил в

Министерство внутренних дел список 115 расстрелянных отрядом Ванягина в селах уезда [12]. Ванягин был удостоен личной похвалы адмирала Колчака.

В воспоминаниях красноармейца А.П.Коляды мы вновь встречаемся с ним. « В августе 1919 года моего отца призвали в Красную армию в деревне Зубаревка, Звериноголовского района. Через неделю он попал в окружение на реке Алабуга (приток Тобола – прим. С.В.) у деревни Ясная Поляна. Красноармейцев заставили готовиться к смерти. Они стали копать самим себе могилы штыками и саблями, так как лопат не было. Матери сообщил об этом урядник Василий Бондарь. Она из Зубаревки на лошади с грудным Федей на руках приехала к месту расстрела. Мама хотела попрощаться с мужем. Ямы были выкопаны, смертники сели покурить, а урядник подошел к отцу взять кисет с табаком. Отец у него попросил попить воды, которая находилась в будке. Он попил воды и шепнул матери: «Я побегу!». Бежал зигзагами, чтобы не попали в спину. Впереди выскочил заяц, так отец не отстал от него. Сразу приговоренных не расстреляли, потому, что ждали штабс-капитана Ванягина, чтобы он зачитал смертный приговор. Догнать отца не могли – лошади белых были спутаны и паслись. У матери отобрали ребенка и стали избивать шомполами, но урядник заступился и ее отпустили. Вскоре подоспели красные и освободили остальных семь человек. Ванягин так и не приехал. Вместе с отцом были солдаты из Ксеньевки – Штанько, Маевский, Безродный...» [из письма автору Клавдии Алексеевны Дорошко-Коляда]. Федор Алексеевич Коляда, грудной ребенок в этом страшном эпизоде, окончил Пресногорьковскую школу. В 70-х годах служил военным советником от Советского Союза при президенте Г.Насере во время войны Египта с Израилем, генерал-майор. Внук беглеца – известный на весь мир драматург Николай Владимирович Коляда (1957-2026).

Появись Ванягин чуть раньше и ...Но, судя по кровавому следу, штабс-капитан отличался звериным чутьем на опасность и вовремя уходил от нее.

Существует другой вариант, записанный журналистом областной газеты в 1968 году. Приведу его полностью. «Шел 1919-й. В Кустанайских степях время было беспокойное. С наступлением вечера жители Зубаревки наглухо запирали ставни домов. Знали привычки колчаковцев – стрелять в освещенные окна. Часто среди ночи слышались глухие удары и крики.

...Алексей Коляда проснулся от сильного стука в дверь, сел на постели. Жена испуганно метнулась к полугодовалому сыну и крепко прижала его к груди.

- За мной пришли, – Алексей успокаивающе погладил Татьяну по плечу.

- Красный! Собирайся! – заорали, вваливаясь в дверь казаки.

- Куда вы ведете его? – заплакала Татьяна.

- Разве сама не знаешь? – прищурил в улыбке недобрые глаза есаул. –

В волость, на расстрел...

Алексей взглядом попрощался с женой и шагнул за порог. Путь был недалек, и каждый километр укорачивал его жизнь. Проехали километра

четыре. В лунном свете синели степные травы, отчетливо виднелся каждый кустик на краю оврага. «Неужели это все?..» – билась мысль в мозгу Алексея.

Казакі остановились поить и кормить утомленных лошадей. Черными силуэтами все они, двенадцать человек спускались к речке. Часовой сел спиной к телеге, поставил ружье между коленками и, свертывая цыгарку, сказал:

- Ну вот, красный, настает твой смертный час... Страшно, да?

Алексей промолчал, глядя на светлеющую полосу горизонта. Часовой, наконец, склонил голову и задремал. «Пора» – решил Алексей и тенью метнулся в овраг, затем бегом через пшеничное поле к лесу. Услышав, как рядом свистят пули, упал на землю, примяв теплые колосья. Так пролежал остаток ночи и весь день...

Домой Алексей не пошел – знал, что там засада. Побродив по лесу, направился к отцу, дом которого был в стороне от Зубаревки.

Татьяна ждала Алексея, беспокоилась. Колчаковцы пытались выведать, где муж. «Не знаю» – твердила та. Она, конечно, догадывалась, где может быть Алексей, но виду не подавала.

Бывший солдат вернулся домой, когда остатки белогвардейцев были сметены. Начал плотничать, поднимать свое хозяйство. Когда организовывался колхоз, пришел одним из первых.

Сейчас Алексей Павлович припоминает эти дни, как самые лучшие в своей жизни. Работали с удовольствием. Каким легким и послушным был топор даже после целого дня работы! Радовали дети, которых в семье становилось все больше. Вместе с женой Татьяной Кузьминичной они проработали в колхозе 26 лет, вырастили десять детей» [Цветкова Л.Счастье семьи Коляда//Ленинский путь.1968].

Согласно исследованиям историка Олега Александровича Винокурова (Москва) на основании документов РГВА ко дню Пасхи 19 апреля отрядом Ванягина было расстреляно 93 человека: Ксеньевка и Федоровка -13. Сретенка -1, Троицкое -1, Исаевка - 1, Островка -1. Во Всесвятском согласно докладу Ванягина -75 человек. Винокуров предполагает, что 48 человек были расстреляны латышским отрядом Бресмана. Общая цифра расстрелянных во Всесвятском двумя карательными отрядами-123 человека. Во время следования к Чулаксаю было убито 182 человека, а поход к Атбасару унес еще 24 жизни. Всего расстреляно 374 человека до прихода в Мариинку.

[Данные РГВА приведены в письме Винокурова О.А. автору].

15-16 сентября 1919 года, во время первого этапа Петропавловской операции, казаки перебили около шестидесяти человек в Анновской волости. 17 сентября крестьяне-делегаты пришли в Звериноголовское за оружием и помощью. Известно, что 21 сентября 1919 года, в самый разгар боев, отряд из 60 человек под командованием Ванягина находился в Анновке Петропавловского уезда, занимаясь проведением мобилизации в белую армию. Возможно, Ковалев вновь сражался с ним. К этому времени его отряд

выполнял задания красного командования – разведка в тылах колчаковских войск.

«Большая часть веселоподольских мужиков двинулись в Зверинку, где были перехвачены Дмитрием Алексеевичем Ковалёвым и стали наступать левее Зверинки (так в документе – прим.С.В). Уже орудовали оружейники, каптёры и другие лица, необходимые при организации воинских частей. Ковалев Дмитрий Алексеевич как более развитой солдат был назначен командиром конного отряда и поучил в своё распоряжение человек 60, двинули по тылам белых. Первый бой был недалеко от Зверинки. Отряд, состоявший из жителей Анновки, Н-Семёновки и В-Подола, побывал и в Анновке, где столкнулись с белыми карателями. Несколько белых были убиты, но и отряд Ковалёва потерял двух бойцов. Побывав в Н-Семёновке и В-Подоле отряд ушел на восток. Так он тревожил белых до Красноярска, где был расформирован. Часть бойцов вступили в ряды регулярной Красной Армии» [Воспоминания из музея Весело-Подольской СШ, неизвестный свидетель].

Неведомо, где обретался штабс-капитан весь 1920-й год, но в начале 1921 года небольшой отряд Ванягина после скитаний по казахским степям присоединился к отряду есаула Кайгородова в местности Оралго на реке Кобдо, что в Западной Монголии. Видимо, позже Ванягин партизанил с Кайгородовым, который закончил ту же школу прапорщиков в Тифлисе, в Горном Алтае, до весны 1922 года или же остался с оренбургскими казаками Бакича, и был расстрелян или убит в боях. В списках белоэмигрантов в Маньчжурии его нет. Нет его и в списках офицеров-бакичевцев, попавших в плен в декабре 1921 года. Не исключено, что штабс-капитан умер в глубокой старости где-нибудь в Австралии или в США. Кто знает... Тень неуловима.

Надо отметить, что карательные отряды действовали на всех территориях, подвластных Верховному правителю. Так, в соседних волостях Курганского уезда, современных Половинском и Глядянском районах, карательный отряд поручика Гурского в селе Хлупово расстрелял Николая Климантова и выпорол шомполами 15 неблагонадежных. В соседней Башкирке расстреляли Кузьму Постовалова и Иллариона Корюкина. Под шомполами оказались 23 человека. В Нижней Алабуге Глядянского района расстреляли братьев Никиту и Ивана Жуниных и выпороли 40 человек. На должность командира карательного отряда отбирали людей жестоких, не знающих пощады. Исследований психических черт этих лиц не проводилось, но думается, что все они имели садистские наклонности.

Ванягин Илья Иванович. 1-я Тифлисская школа прапорщиков 1915. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; весной 1919 командир пешего батальона при подавлении Мариинского восстания; в начале 1921 начальник отряда в Западной Монголии. Капитан. /138-8; 308/. Теперь известны имя и отчество. Надо добавить, что Ванягин – прапорщик армейской пехоты, из унтер-офицеров 18-го Туркестанского стрелкового

полка (1915 г). В июле 1917 года служил в 32-м Туркестанском стрелковом полку, поручик [База данных историка С.В.Волкова].

Кайгородов Александр Петрович (1887-1922) воевал на Кавказском фронте. Закончил в 1917 году Тифлисскую школу прапорщиков. После скитаний в 1920 году в пределах Монголии и русского Алтая в начале 1921 года осел со своим небольшим отрядом на реке Кобдо вблизи русских зимовок Никифорова и Мальцева, там к нему присоединились отряды Смолянинова, Шишкина, Ванягина [13]. Убит при задержании в апреле 1922 года.

Кем были люди с фотокарточки Василия Панина?

Подъесаул Шайтанов Вениамин Алексеевич, из семьи учителей. Начальник гарнизона в Атбасаре, снискал у горожан прозвище «черный комендант». По его приказу в селе Борисовка, в пятнадцати верстах от Атбасара, была расстреляна семья Лаврентия Игнатьевича Тарана. Были убиты и сожжены родители, братья, сестры и дети. Лишь один брат выжил и остался инвалидом на всю жизнь. 20 июня 1919 года шайтановцы расстреляли заместителя председателя уездного Совета Адильбека Майкотова. Он был убит на улице Атбасара на глазах толпы [16]. Тела Майкотова, Ковалева и трех неизвестных были найдены через несколько месяцев, после прихода Красной армии. Шайтанова искали. Было известно, что левое плечо у Шайтанова было сковано при движении, и на нем остался шрам от сабельного удара. Лишь через несколько лет после окончания гражданской войны следы Шайтанова привели чекистов в Свердловск (ныне Екатеринбург). Он работал в губисполкоме. Судили Шайтанова в 1926 году в городском парке Атбасара, во время ярмарки. В длинном списке преступлений «черного коменданта» отдельной строкой стояло обвинение в подготовке офицерского заговора в Екатеринбурге и селе Колчедан с целью поддержки восстания 1921 года. Заговором руководил генерал Александр Петрович Перхуров (1876-1922), поднявший в 1918 году мятеж в Ярославле. К слову, последний в августе - сентябре 1919 года воевал с красными в отряде Бориса Константиновича Фортунатова (1886-1936, Карагандинская область) в Кустанайском уезде. Отряд насчитывал пять эскадронов, две пулемётные команды и артиллерийский взвод. Потерпев ряд поражений, отряд ушёл из уезда на запад, на соединение с уральскими казаками, выдавая себя за красноармейцев.

Полковник Катанаев А.В.

Полковник Катанаев Аполлос Всеволодович (1890,ст. Котуркольская – 1930). Племянник историка Георгия Ефремовича Катанаева. Участник. Первой мировой и гражданской войн. В 1918 году командовал 1-м Сибирским казачьим полком. Активный участник установления диктатуры адмирала Колчака. Покинул Марииновку в начале июня 1919 года – был отозван в Сибирскую казачью дивизию. В должности начдива 4-й Сибирской казачьей дивизии был награжден Георгиевским оружием за действия в районе станицы Кабаньей 12 сентября 1919 года. Принимал участие в Великом Сибирском ледовом походе на Восток. Эмигрировал в Китай с последними частями белой армии. В 1930 году убит в перестрелке на границе с Советским Союзом.

Список казаков, награжденных георгиевским крестом IV-й степени при подавлении Мариинского восстания:

Мефодий Щелканов, Сергей Пичугин, Василий Власов, Илья Кузнецов, Петр Емин, Иван Иванов, Петр Аркашев, Петр Усков, Александр Чегаев, Кирилл Белов.

Список казаков, награжденных георгиевской медалью 4-й степени:

Антон Прокопьев, Аркадий Власов, Пантелеймон Колмагоров, приказный Алексей Карбышев, Иван Вомогалов, Константин Верябин, Куприян Беляев, Пантелеймон Егоров, Федор Лифанов, Иван Симонов.

Воспоминания Якова Кирилловича Рыбкина (1889-1975) о создании отряда Ковалева.

Было нас сначала не очень много. В Анновке к Ковалеву и его брату Ивану Алексеевичу пришли Василий Петрович Сова, Афанасий Евгеньевич Кнурев, Петр Спивак, Василий Васильевич Шапошников, Петр Зименко, Ефим Мирошниченко, Комаха и я.

Жена Дмитрия Ковалева и сестра его Нина почти всю ночь дежурили на улице возле дома. Пришло им, бедняжкам, померзнуть, но иначе нельзя – в селе немало было богатеев, яро ненавидящих «Советы», коммунистов и прочую «голытьбу».

Унтер-офицер Ковалев Д.А.

- Надо активно разъяснять населению обстановку и в каждом селе и ауле призывать серьезно о том, чтобы сколотить партизанский отряд, то придется в первую очередь, любой ценой доставать оружие.

Горячие слова, идущие от человека, которого мы уже тогда считали своим вожаком, волновали каждого, западая в сердце, как искры в порох.

Дела предстояли нелегкие. Было решено – с односельцами вести себя осторожно, осмотрительно, чтобы не нарваться на предателей до поры до времени не обострять противоречия среди населения. Тогда же определились, что кому делать.

- В каждом селе и ауле подбирайте надежных мужиков, верных товарищей, настроенных против Колчака и богатеев. Ищите оружие, лошадей... А после нового года соберемся в поселок Воскресеновка у Василия Шапошникова. Подсчитаем наши силы, и как только установятся дороги, выступим, – закончил Д.А.Ковалев.

На первое боевое крещение небольшого партизанского отряда состоялось гораздо раньше.

Приехали казахи – Дикибай Севгузов, Шаяхмет Кожахметов и Шаяхмет Давлетов. Они сообщили, что в селе Всесвятском расположились на постой жандармы. Их человек семнадцать.

Дмитрий Ковалев велел нам подобрать из аулов человек 15 джигитов и ночью собраться в Анновке.

Разведать обстановку во Всесвятском поехали Комаха и Шаяхмет Давлетов. Вернувшись оттуда, Давлетов рассказал, что жандармы чувствуют себя в безопасности, пьянствуют. Он также доложил, что Комаха остался там наблюдать.

Наш отряд – 25 всадников – направился к Всесвятскому. На окраине села нас встретил Давлетов, проскакавший вперед. Он подтвердил, что жандармы по-прежнему «гуляют».

Произошла внезапная, решительная схватка, и перепуганные, еще не протрезвевшие после выпитого самогона жандармы, были арестованы и обезоружены. Взяли 17 винтовок, столько же наганов, сабель, больше тысячи патронов. Правда, пленных мы отпустили.

В тот же день вернулись в Анновку. Дмитрий Ковалев наказал джигитам, чтобы они пока помалкивали, никому не рассказывали о нашем выступлении.

- Так лучше будет, понятно? – напутствовал он их.

- Жаксы! – ответили казахи и потихоньку разъехались по своим аулам.

Оружие взял на хранение Василий Васильевич Шапошников.

В середине апреля по сигналу Дмитрия Ковалева из окрестных сел собрались крестьяне, решившие стать партизанами, - из Анновки 25 человек, Чеховки – 7 человек, Новосеменовки – 8 человек, Королевки – 5 человек, Ананьевки – 2, Воскресеновки – 8, Веселого Подола – 5, Новопокровки – 3 и двое из Севастополя. Из казахских аулов приехало пятеро. Таким образом, всего в нашем отряде насчитывалось 70 человек. Лошадей и седла дали

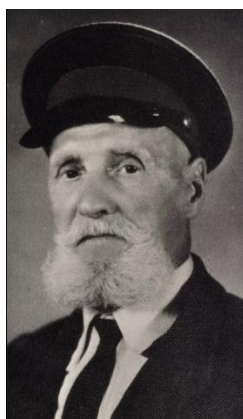
казахи Дикаба Севгузов, Шаяхмет Давлетов, Шаяхмет Севгузов, Салык Шалабаев, Усмагамбет Макышев, Самак Шалабаев. Собрали они и продовольствие. Прибавилось и оружие – полсотни винтовок, две тысячи патронов, 24 сабли, два десятка наганов и даже 5 гранат. Вот с этим оружием мы и приступили к боевым действиям. В апреле 1919 года отряд расположился в лесу, в сорока верстах от Анновки.

Однажды вечером в наш партизанский лагерь прискакал Усмагамбет Макышев и сообщил, что в Анновку прибыли жандармы.

- В доме у татарина Ахметжана остановилось 6 человек и у богача Стахеева – столько же, сказал он.

Через день жандармы были уничтожены. Но мы потеряли Даниила Тисленко – он был убит в перестрелке.

Вскоре в Анновку прибыл отряд карателей под командованием Медведева. Началась расправа над мирными, безоружными жителями. Колчаковцы не щадили ни старого, ни малого. Даже священника из нашего села Григория Васильевича Рожкова не пожалели – всыпали старику около тридцати плетей.

Рыбкин Яков Кириллович

В ауле Севгузово каратели нещадно хлестали нагайками казахов, все допытываясь, где партизаны. Ответ был один: «Не знаем». Старика Севгузова расстреляли, а его старшего сына повесили. Но не нашлось в ауле ни одной подлой души, которая выдала бы местонахождение нашего партизанского отряда.

К концу июля 1919 года наш партизанский отряд насчитывал 160 бойцов. (В конце сентября 1919 года отряд Ковалева насчитывал 300 штыков и 40 сабель, располагаясь у озера Торангул (прим. С.В).)

Станица Звериноголовка, села Новопокровка, Павловка, Ряжское, Федоровка, Аксеновка, Крутоярка – этапы боевого пути нашего партизанского отряда. Ночные поход на конях по степи и в лесах, перестрелки, атаки, бои. Партизанские действия в те годы имели свои особенности. Тогда не столько важным было, освободив, удержать какое-

либо село на более длительное время. Бить врага, уничтожать колчаковцев, не давать им покоя ни днем, ни ночью – вот в чем была задача.

Об авторе воспоминаний

Рыбкин Яков Кириллович (1889-1975, Костанай). 2 октября 1938 года арестован УНКВД по Кустанайской области. Приговорен к высшей мере наказания за троцкистскую деятельность. Провел несколько лет в ИТЛ. Автор воспоминаний о партизанском движении.

Воспоминания Ивана Тарасенко

Весной 1919 года в села Урицкого района стали создаваться партизанские отряды. Они поставили перед собой цель – способствовать укреплению Красной гвардии, героически громит белогвардейцев. В это время в село Всесвятское прибыли представители уездного комитета большевиков. Они провели здесь большую организаторскую и подготовительную работу. По их призыву в начале апреля вспыхнуло восстание красных повстанцев. Его возглавил штаб, которым руководил А.И.Миронов. Против колчаковцев выступила беднота, к ней присоединились и середняки, ненавидевшие белогвардейцев. Весть о начале восстания дошла до всех населенных пунктов волости. В Урицк двинулись партизанские группы.

Все они были недовольны тем, что колчаковцы вербовали новобранцев в свои отряды, отнимали у крестьян лошадей и повозки. Бывшие фронтовики призывали односельчан уклоняться от мобилизации в колчаковскую армию, скрываться где возможно. Было принято решение помочь кустанайским повстанцам, но последние были разгромлены белыми. Поэтому уричане остались на месте и решили давать отпор карательному отряду капитана Ванягина, который двигался из Кургана в Кустанайский уезд.

Крестьяне под командование А.И.Миронова направились в село Долбушинку. Несмотря на плохое вооружение, они мужественно отражали атаки белогвардейцев.

Одним крупным конным повстанческим отрядом руководил Дмитрий Алексеевич Ковалев и его брат Иван. Первое боевое крещение партизаны приняли у казахского аула вблизи Анновки. Разведчик Иван Подоба, Ефим Мирошниченко и Петр Спивак пробрались в село, захватили в плен белоказака и выяснили обстановку. Затем отряд успешно атаковал колчаковцев.

Следующий день для отряда Ковалева был также удачным. На Петропавловском тракте они перехватили 25 подвод из обоза белых, забрали продукты. Когда ковалевцы двигались в Анновку, их встретили партизаны, скрывавшиеся от карателей. Они сообщили, что в селе хозяйничают белые. Ковалевцы обрушились на колчаковцев и уничтожили 40 беляков.

В Дмитриевке располагался крупный гарнизон противника. Ковалевцы связались с местными большевиками, узнали, что там не менее 300 человек, из них половина – кавалеристы. В отряде Ковалева было бойцов в несколько раз меньше – открытый бой не принес бы победы. Ковалев решил атаковать врага ночью, неожиданно. После боя утром партизаны

увидели почти две сотни трупов белых. Битва в Дмитриевке не была последней для ковалевцев. Они дошли до самого Омска, соединились с частями Красной Армии, освобождали многие деревни от войск кровавого адмирала Колчака.

Участник этого партизанского отряда И.Рыбкин жив. Он находится на Дону в хуторе Чебачий. Пишет следопытам-пионерам Ново-Урицкой восьмилетней школы:

«Я родился в селе Анновка Урицкого района. Состоял в отряде Дмитрия Ковалева. За то, что мы, четыре брата были красными повстанцами, белогвардейцы расстреляли на площади отца Кирилла Рыбкина. А позднее они жестоко расправились с младшим братом – комсомольцем Семеном. Во время ночного нападения он подстрелил коня атамана.

В отряде Ковалева я был разведчиком. Зная казахский язык, часто переодевался в национальную одежду и проникал в расположение колчаковцев.

Но однажды белогвардейцы задержали меня в Макишевом ауле. При допросе пытали меня, били шомполами, бросали в яму. Но я не раскрыл тайну. Несколько месяцев болел.

Позже белогвардейское командование послало в Урицкий карательный отряд капитана Бресмана. Об этом не знали жители Всесвятской волости. На рассвете 17 апреля белые ворвались в село, начали расправу. На площади были расстреляны руководители партизанского отряда. Однако А.И.Миронову удалось бежать в Ермаковку. Но его разыскали в квартире Зубко. Сюда же доставили активистов из сел Севастопольского и Ермаковки. Всего 16 человек. Белые заставили их вырыть могилу и в день Пасхи расстреляли. А.И.Миронова похоронили в Ермаковке.

После расстрела руководителей отряда, каратели стали вызывать по списку партизан, составленному каким-то предателем. И.Г.Тарасенко, арестованный с братом Василием, вспоминает: «Нас собрали в старой избе, всего 72 человека. Вечером белый офицер Попов отсчитал 25 граждан. Их увели за село и расстреляли. Случайно уцелел лишь М.Сиренко. Он уполз в лес».

Однажды колчаковцы доставили в Урицкий много лекарств. Их названия они не знали. В 12 часов ночи они вызвали И.Г.Тарасенко, фельдшера. Спрашивали, что он знает о повстанцах. Он ответил: «Я прибыл недавно с германского фронта и ничего не знаю». Утром отпустили его домой.

Той же ночью бандиты, опасаясь народного возмездия, расстреляли остальных партизан. Тогда погиб и Василий, брат И.Г.Тарасенко.

Затем карательный отряд двинулся в Сорочинку. Но некоторые большевики и красногвардейцы успели скрыться в лесах. Остались старики, женщины и дети. Однако и их колчаковцы выстроили в четыре ряда поставили на колени в снег, смешанной с водой и грязью. Перед собравшимися выставили четыре пулемета, запугивали их. Но никто из

жителей не назвал имен красногвардейцев и большевиков. Тогда главарь карателей достал список и начал зачитывать фамилии членов комитета бедноты и партизан. И тех, кто не успел скрыться, вечером расстреляли.

Такая же расправа была в селе Севастопольском. Здесь белые арестовали 12 человек. Увезли их в Ермаковку и там расстреляли. Свирепствовали колчаковцы и в Лихачевке. Тут они неподалеку от церкви соорудили виселицу и полумертвых вешали. Большевики перед смертью пели «Интернационал» и выкрикивали, что они умирают за власть Советов. Но расправиться со всеми лихачевцами белые не успели. В село нагрянул отряд Дмитрия Ковалева и уничтожил большую часть карателей.

Источники

1. Будберг А.П. Дневник//Архив русской революции. – Берлин, 1924.
  2. Центральный Государственный Архив КазССР. Ф.1145. Оп.6. Д.89а. Л.19
  3. Козыбаев М.К. Кустанайский государственный педагогический институт. Ученые записки, т.1. с.64.
  4. Стародуб В.В. Исторические, памятные, культурные места Сарыколя. – Костанай, 2011. – 152 с.
  5. Государственный Архив РФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 34. Л. 81 .
  6. ЦГА КазССР. Ф.1145. Оп.6. Д.89а, л.32.
  7. ГАРФ. Ф. р-147. Оп. 8. Д. 14. Л. 275-275об.
  8. Гоппер К.Я. Четыре катастрофы. – Рига, 1920.
  9. ЦГА КазССР. Ф.1145. Оп.6. Д.89а. Л.30-40.
  10. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т.1. М., 1963. – 640 с.
  11. Рыбкин П.С. Родные дали. – Костанай, 2001.
  12. ГАРФ. Ф. 176. Оп. 10. Д. 106. Л. 266.
  13. Серебrenников И.И. Гражданская война в России. Великий отход. – М., 2003. – 696 с.
  14. Пахмурный П. Коммунистическая партия – организатор партизанского движения в Казахстане. – Алма-Ата, 1965.
  15. Самсонов Б. Разоблачение// Чекисты Казахстана. – Алма-Ата, 1971.
  16. Кумач И., Калюта Ф. В Акмолинских степях. – Алма-Ата, Москва, 1936, – 89 с.
- Воспоминания И.Штанько, Я.Рыбкина, К.А.Дорошко, И.Тарасенко, В.Карандашовой, С.С.Дучкина – личный архив автора.

Красная стена. Кустанайское антиколчаковское восстание

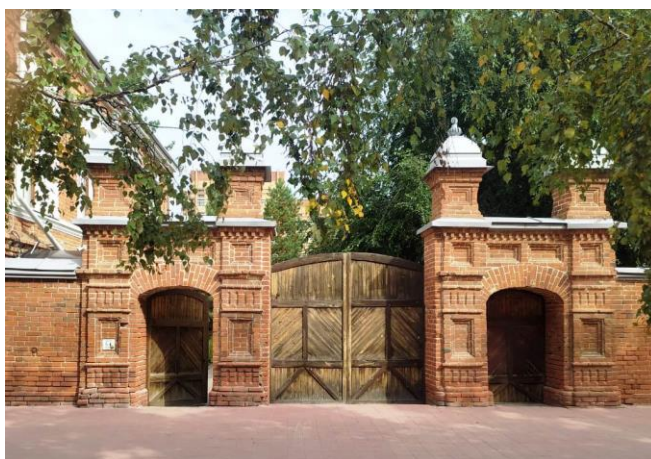
В центре города Костаная, во дворе областного историко-краеведческого музея, бывшего пассажа купца Яушева, высится стена из красного старинного кирпича. Помню свои детские впечатления от первого посещения этого места. В 70-е годы вход в уютный дворик был открыт со стороны улицы Ленина, через массивные ворота бывшего Народного дома. Стена была скрыта от глаз посетителей мощными клёнами, в тени которых располагались скамейки. В воскресные дни находилось много желающих спрятаться здесь от летней жары, тем более что к северной стене Народного дома был пристроена палатка кафе-мороженого. Однако не все посетители тенистого сквера знали трагическую историю красной стены, и уж совсем не предполагали, что двухэтажный особняк некогда был местом пыток и казней горожан и жителей окрестных селений. Будучи любознателен, я с интересом прочитал надпись на мраморной плите, свидетельствующую о расстреле партизан в апреле 1919 года, и представил себе, с какого примерно места производили стрельбу колчаковцы. Тогда меня удивил тот факт, что стена была выщерблена пулями значительно выше человеческого роста – лишь позже я понял причину – многие из расстрельной команды вели огонь поверх голов, не подчинившись приказу стрелять в людей. Немало утекло воды с той поры. Клены выпилены. На их месте лежат пушки петровского времени, а стена стоит, как молчаливый памятник погибшим возле нее людям. По рассказам бабушки убитых везли на телегах на кладбище, ныне парк Победы, и сваливали в ров... Про восстание, в колчаковских документах – мятеж, написано много, существует целый пласт воспоминаний. Мне хотелось бы обратить внимание на некоторые неточности в трактовке восстания и ошибке в установлении личности начальника белогвардейского карательного отряда. Итак, источники.

Стена. Фото автора. 2025 год

«За 8 и 9 апреля до 5 часов пополудни убито свыше 1000 красноармейцев, расстреляно 625 и взято в плен 2000. Остальные бежали из Кустаная в свои села, не подозревая, что они встретят на пути новые карательные отряды, к тому времени уже занявшие все очаги восстания. Расстрелы в Кустанае продолжались 10, 11, 12 и 13 апреля» [1]. Однако, существует иная интерпретация событий в Кустанае в начале апреля 1919 года, с которой невозможно согласиться, так как многочисленные факты свидетельствуют о жестоких репрессиях со стороны белых против жителей города и уезда.

«5 апреля 1919 года собранные в Кустанае мобилизованные (около 3 тысяч человек) вышли из повиновения и захватили город. Повстанцы освободили из тюрьмы политических и уголовных преступников, разгромили несколько магазинов и богатых домов, учинили расправу над пленными. Пойманных белых офицеров, казаков и солдат избивали нагайками и прикладами винтовок, кололи штыками и пиками. Весть о перевороте быстро разнеслась по уезду, и в Кустанай с разных концов устремились крестьяне на подводах, чтобы пограбить и развести захваченное имущество по домам. Город от полного разграбления спасло только быстрое освобождение его правительственными войсками.

Ворота Народного дома. Фото автора. 2025 год

Из частей 1-го Волжского корпуса Каппеля был срочно создан сводный отряд под командой подполковника Н.П. Сахарова. Отряд легко рассеял и разгромил плохо организованных повстанцев.

Съехавшиеся в Кустанай зажиточные и пожилые крестьяне преподнесли Сахарову хлеб-соль. Один из руководителей восстания Жилиев был повешен белыми на центральной площади Кустаная (Недоразумение связано с воспоминаниями Ивана Никитича Смирнова, написавшего в воспоминаниях, что «руководителя восстания Жилиева повесили на площади» [7, с.242]. На самом деле Андрей Иванович Жилиев, 1885 г.р. пос. Боровское, ныне Мендыкара, был расстрелян по приговору ревтрибунала Туркфронта 28 августа 1919 года на судне в Аральском море. В Кустанае был

повешен брат Жилиева – прим.С.В.). Однако в целом каппелевцы продемонстрировали "похвальную сдержанность" по отношению к жителям, причастным к восстанию и "христианское снисхождение к участникам бунта" (если повальный террор, происходивший в городе и уезде можно так назвать, то каков же настоящий террор? – С.В.). Благоразумная часть крестьянства восприняла такое поведение "карателей" очень доброжелательно. 12 апреля сход крестьян Кустанайского уезда постановил вынести благодарность за "отменное поведение" всем чинам отряда подполковника Сахарова. Благодарные жители уезда, довольные тем, что легко отделались, собрали и передали в штаб 1-го Волжского корпуса 100 тысяч рублей на обустройство и улучшение питания чинов корпуса» [2,с.308]. Откупились от реквизиций, но ров кладбища, ныне парк Победы, был завален трупами и в городе не было семьи, так или иначе не пострадавшей от зверств.

Иван Грушин писал иначе: «10 апреля в 8 часов вечера город Кустанай был занят белыми. Снова началась полоса жуткого белогвардейского террора. Партизан, взятых плен, закалывали штыками, вешали на воротах, расстреливали во дворе Народного дома (ныне музей). Башкирский полк, сочувствующий партизанам, был перебит из пулеметов. Много было расстреляно призванных в армию Колчака новобранцев. Белые убивали даже женщин и детей»[3,с.26].

Грушин Иван Алексеевич

Показателен один из приказов начальника Кустанайского гарнизона подполковника Томашевского от 23 апреля 1919 года, в котором говорится о наказании женщин-партизан:

«Считаю совершенно неприменимым и слишком почетным расстреливание и повешение такого рода преступниц, а посему предупреждаю, что в отношении означенных лиц будут применяться мною исключительно розги, вплоть до засечения виновных. Более чем уверен, что это домашнее средство произведет надлежащее воздействие на эту слабоумную среду, которая по праву своего назначения исключительно займется горшками,

33

кухней и воспитанием детей будущего, более лучшего поколения, а не политикой, абсолютно чуждой ее пониманию».

Народный дом – колчаковская контрразведка. Выход к стене. 2025 год

В источниках подполковника Николая Павловича Сахарова (1893-1951, Сан-Франциско), будущего генерала, участника боев в Приморье, нередко путают с командующим 3-й белой армией К.В. Сахаровым.

История с «другим» Сахаровым кочует из книги в книгу – очевидец событий Иван Грушин писал: «С утра 8 апреля белые повели наступление. Чтобы решительно и скоро покончить с красными, Колчак снял с фронта самые надежные части: каппелевцев, 11-й Бузулукский офицерский полк и три школы прапорщиков. Командовал отрядами полковник Сахаров, произведенный Колчаком в генералы за подавление кустанайского восстания и затем ставший военным министром Колчака»[3,с.28]. 31 марта сводный отряд Волжского корпуса вышел из Кургана, второго апреля прошел через Куртамыш, и далее через станицу Усть-Уйскую, на Боровое (ныне Мендикура). Состав: батальон пехоты, артиллерийский взвод, кавалерийский эскадрон, учебная команда 11-го кадрового полка, 2 пулемета, 20 казаков (О.А.Винокуров).

Полковник Сахаров Николай Павлович (1893-1951)

Читаем в книге "Борьба за власть Советов в кустанайских степях": «Под Кустанай был послан Бузулукский офицерский полк, шесть рот под командой капитана Дементьева из отряда генерала Гопнера и несколько подразделений, подготовленных к отправке на фронт из Троицка и Челябинска. Общее командование всеми этими силами было возложено на полковника Сахарова, будущего военного министра Колчака»[4,с.105].

Петр Максимович Черныш пишет: "О масштабах событий говорит и тот факт, что адмирал Колчак лично распорядился снять с фронта лучшие части и под командованием генерала Сахарова, ставшего потом военным министром у Верховного, направить их в Кустанай"[5,с.83]. Далее: "На разгром восстания были брошены и части генерала Гопнера, который будучи в эмиграции вспоминал, как неожиданно отложили отправку его соединения на фронт: "два восстания были подавлены карательными экспедициями, причем "каратели" не забыли пополнить свой обоз, как лошадьми, так и повозками и иным имуществом, взятых из домов "караемых". Такие деревни, из которых добровольцы ушли в Красную армию, даже сжигались"[5,с.84].

И в первом томе отлично написанной коллективом авторов книги об истории Костаная, повторяется та же неточность – начальником белого отряда назван К.В.Сахаров[6]. Похоже, что моряк-балтиец Иван Грушин, очевидец событий и автор воспоминаний, дал всем последующим историкам не совсем точную информацию.

Надо также отметить, что ни тот, ни другой Сахаров военным министром в правительстве Колчака не был.

Скажу несколько слов о «Гопнере». Эту фамилию часто неверно упоминают в связи с подавлением восстания. Правильно будет говорить о генерале Гоппере Карле Яновиче (1876-1941, расстрелян НКВД в Риге). С февраля 1919 он занимался формированием 21-й Яицкой стрелковой дивизии в городе Троицке, части этой дивизии шесть рот под командованием Дементьева и были брошены по железной дороге в Кустанай уже в конце апреля, когда там вновь объявился Жилиев. Гоппер командовал дивизией до конца сентября 1919 года. После гражданской войны в Риге написал воспоминания под названием «Четыре катастрофы». Воспоминания генерала о 1919 годе были опубликованы в Кустанае в 1957 году под названием «Начало и конец Колчака» и давно стали библиографической редкостью.

Генерал Константин Вячеславович Сахаров (1881-1941, Берлин) командовал Западной армией (3-й), после падения Омска – Московской группой войск. Эмигрировал.

Иван Алексеевич Грушин (1897-1964), прибывший в Кустанай в отряде моряков-балтийцев для установления советской власти, трижды был осужден этой самой властью и освобожден только в 1956 (см.: А Тихановский. КН.14.07.2009). Оставил для потомков интереснейшие свидетельства эпохи (см.: областная газета «Ленинский путь» за июнь-июль 1957 года).

Гоппер Карл Янович (1876-1941)

Давно это было, но немая стена из красного кирпича во дворе Костанайского областного краеведческого музея и братская могила на старом кладбище не дают целым поколениям забыть о жертвах страшного апреля 1919 года, напоминая об ужасах гражданской войны. В определённом смысле стена стала символом, разделившим людей на живых и мёртвых, на своих и чужих, на красных и белых.

О братской могиле, размеры которой говорят о массовом терроре, пишет Ольга Горай: «Еще один памятник того времени – Братская могила Героев Гражданской войны, которая находится в Парке Победы. В ней захоронено около 7 000 человек. Братская могила представляла собой две земляные насыпи (40 м на 6 м). В 1930-е гг. был установлен деревянный обелиск. В 1951 году деревянный обелиск заменен на железобетонный. В 1979 году, к 100-летию юбилею города, на месте железобетонного обелиска установили стелу. В 2008 году при благоустройстве территории Парка Победы холмы братских могил разровняли, на этом месте разбили цветники и выложили тротуарную плитку. В память о событии установили новую стелу, на которой высечена надпись на казахском и русском языках: «Вечная память погибшим в годы Гражданской войны».

Приложение. После публикации очерка я получил от Сергея Александровича Степанова (Москва) интересные воспоминания его бабушки Марии Ивановны Миляевой – во время восстания погибли её братья Николай и Андрей. Николай Иванович Миляев был одним из организаторов восстания.

Из воспоминаний Евгении Павловны Александровой о восстании. «Из рассказов моей мамы, старших братьев и сестер я помню некоторые моменты из событий, происходящих в Боровом 25 марта (по старому стилю) т.е. 7-го апреля 1919 года. К этому числу к Благовещению мама делала уборку в доме, ходила в церковь поминать убиенных. Она начинает рассказывать «В это время наше Боровое пережило много страшного горя. Напал карательный отряд белых. Перебил много людей, грабили, насиловали девушек, жгли дома. Кровавые ручьи текли в Зоново озеро. В это время был расстрелян и наш отец. Шел слух, что скоро придут каратели в Боровое, мужики стали прятаться, где кто мог. Отец с Медведевыми уехали на Мокрое озеро-Аксуай, прятались в камышах. Им помогали казахи. До них дошел слух, что белогвардейцев в Боровом нет. Приехали домой. Раздался тревожный звон колоколов, по улицам поскакали верховые на лошадях белые казаки. Кто подался им навстречу, тут же расстреливали. Стали рыскать по дворам, дома грабить. У нас в доме все перевернули, что получше все утащили. Тятя был спрятан в сарае в соломе. Сестры Мариша с Зиной убежали к старшей сестре Устюше к Медведевым, прятались в подполе. Были расстреляны братья Чернышovy, их некому было сразу убрать с улицы, боялись подойти. Только свиньи не побоялись, начали их трепать и грызть.

Казаки стали гнать людей к церкви. Объявили каратели, что Боровое будет сожжено, народ поднял плач, люди встали на колени вместе с батюшкой Симеоном. Он стал просить белых офицеров «помилуйте православных христиан, не убивайте, не сжигайте мой приход». Они «пожалели и помиловали». Начали по списку выкликать из толпы мужчин, а кого и без списка выводили на возвышенное место к озеру напротив церкви, заставляли ложиться на землю, голову держать выше. В упор стреляли в голову. А Павел Ильич Медведев не поднял головы, выстрелили, снесли весь череп.

Андросов Дмитрий вышел на улицу. В это время ехал на лошади белый казак с листом бумаги со списком. Узнал, что это Андросов. Напротив их избы у забора выстрелил в затылок. Пуля пролетела насквозь, застряла в заборе, а отец замертво упал на землю. У них осталось семеро малых детей. На ихней улице расстреляли Землянского.

На улице стихли выстрелы. Наш отец вылез из соломы, вошел в дом, сел на лавку, сказал «Слава Богу, остался жив». Вдруг подъезжает на лошади казак, быстро вбегает в дом, спрашивает «Ты Павел Александров? – Да, я! Выйди во двор!» Мама, Егорова жена с новорожденным ребенком и я (мне было 1 год и 3 месяца) лежали на печке под занавеской. А Ваня, брат, ему был девятый год, выскочил сразу под навес, спрятался за веялку. Говорит,

смотрю, казак скомандовал тятю «Отойди подальше, стань прямо». А тятя хотел перекреститься, склонил голову набок в миг выстрела. Тятя упал, казак подскочил, пнул ногой, убедился что мертв, вскочил на лошадь и ускакал. Ваня подбежал к отцу, кругом лужа крови. Вбегает в дом «Мама, тятю убил каратель». Ваня опять подбежал к отцу, увидел, что он пошевелился, вбегает в дом «Мама, не плачь, тятя жив». Мама была больна и сноха Ариша еще слаба после родов, с Ваниной помощью втащили отца в дом, спрятали его под кровать. Вечером прибежала Ариша, сбегала к ветеринарному врачу Жасмагамбетову, упростила его помочь отцу. С лампой под кроватью, сделал перевязку. Сказал «Разрывная пуля угодила в сонную артерию. Помогу». Несколько дней был еще жив. По словам мамы у отца приключился Антонов огонь и он умер. Приезжали его хоронить казахи-киргизы, которые прятали их в камышах.

Каратели накладывали на крестьян контрибуцию. Кто не мог выплатить, расстреливали или избивали до полусмерти. А дядю Гришу Вещикова (маминого брата) били плетьюми и шомполами, что он впоследствии оглох.

Сестра Устюша рассказывала – она вышла замуж в 1914 году. Вскорости мужа Илью Ильича Медведева, мобилизовали на империалистическую войну. Сестра жила со свекровью и деверем Павлом Ильичем Медведевым. Он был одаренным человеком, хорошо рисовал, музыкант-самоучка, хорошо играл на скрипке и пел. В это время были в Боровом сосланные царским правительством из Петрограда революционеры. Молодежь часто собиралась в доме Медведевых. Играла музыка, пели революционные песни, писали прокламации. Устюша ночью бегала, расклеивала их на воротах. Наш отец тоже к ним похаживал. Приходил от них домой и говорил «Мать, я слышал скоро у нас будет советская власть»...

И.И. Медведев с фронта пришел больной, отравленный газами. Брат Егор служил в Красной Армии. Шутил, что вместе со Сталиным гнал белогвардейцев от Царицына. Много горя было. В 1920 году была повальная холера. Много осталось детей сирот. У Медведевых Павла Ильича расстреляли, жена умерла от холеры, пятерых детей определили в детский дом, потом их взяла Евгения Васильевна Говорухина, учительница. Она их воспитывала и учила. Евгения Васильевна была культурным человеком на селе. Многие боровчане учились у нее. Она проучительствовала в Боровом 50 лет...

После холеры в 1921 году голод, ели крапиву, колючки, другие травы и даже кошек. Помню, мама водила меня в массовую школу, где была организована для детей столовая. Мы стояли в очереди со своей чашкой и ложкой. Ложили поварешку каши. Однажды мама принесла сколько-то фунтов муки, сказала – это нам Америка помогает. Была большая радость. И много поумирало детей в то время от голода. Приехал брат Егор из Красной Армии. Вместе с дядей Василием посеяли десятину проса. Урожай оказался небывалый. Уродило 200 пудов с десятины. Люди стали оживать.

В нашем доме с начала установления советской власти, был Госбанк, потом школа, лесничество. Мама работала уборщицей, а мы жили на кухне, на печке и на полатах.

Мы, дети, отцы которых были расстреляны, с 1-го по 7-й класс учились в одном классе, сидели за одной партой-столом: Медведевы Сима и Зоя, Андросова Тоня, Летунова Надя и я. Учителями в первом классе были Говорухина Е.В., в старших классах – Иван Васильевич Говорухин, мой брат Иван Павлович Александров и его жена Мария Ивановна Миляева (воспитанница детского дома). Ее два брата Миляевы были революционерами и расстреляны белогвардейцами. Наша школа ШКМ была культурным центром на селе. Наша любимая учительница Мария Ивановна Миляева готовила с нами литературные вечера, ставили инсценировки, пьесы. Был хор. Вместе шили костюмы. Выступали в школе, в клубе. Взрослые с удовольствием приходили на эти вечера, где пели «Гарун бежал быстрее лани», «Не ветер бушует над бором»...

Наши учителя Е.В. и И.В. Говорухины, Андрюков, Панков, Анна Павловна Говорухина. Были в Боровском учительские курсы, которые закончила моя сестра Зинаида. В юности она закончила Кустанайскую гимназию. Много лет работала в школе...».

Источники

1. Голуб П.А. В застенках Колчака: правда о белом адмирале. – М., 2010. – 134 с.
2. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917-1920 гг. т.1, – М., 2004. – 747 с.
3. Грушин И.А. За власть Советов. – Кустанай, 1957. – 36 с.
4. Борьба за власть Советов в кустанайских степях. – Кустанай, 1959. – 162 с.
5. Черныш П.М. Очерки истории Кустанайской области. – Кустанай, 1995. – 271 с.
6. Кустанай-Костанай: очерки истории. – Костанай, 2012.
7. Смирнов И.Н. Последняя схватка// в сб.: Борьба за Урал и Сибирь. – М., 1926. – 390 с.

«Военный коммунизм» и «зелёные»

В годы моей юности были живы и находились в доброй памяти многие очевидцы и участники гражданской войны и последовавших за ней восстаний против советской власти. Однако я почти ничего не мог узнать от них об этих событиях – рассказчики всегда уходили от воспоминаний о войне между старым и новым мирами, один из которых был приговорён.

Много позже прочёл у известного поэта Наума Коржавина, эмигрировавшего на запад в 1973 году: «Тотальное выпадение памяти походило на какой-то пассивный заговор. Уже через много лет мне с двумя журналистами пришлось разъезжать по целине, в том числе по землям

Сибирского казачьего войска, составлявшим теперь северные районы Северо-Казахстанской и Кустанайской областей. Люди разговаривали с нами охотно, помнили многое, но все – от сидящего на завалинке в синей казачьей фуражке очень старого казака Петровича в станице Пресноредуть до пожилой учительницы из Пресногорьковки, тоже местной уроженки (С.В.-Татьяна Дмитриевна Меринова. 1898-1985), ничего – ну, совершенно НИЧЕГО! – не помнили о Гражданской войне. Петрович помнил войну Германскую, помнил, как попал в плен в Мазурских болотах, помнил, как решал: "Или себя прекратить, или как?" Был слух, что германцы казаков в плен не берут и всячески издеваются над ними. Учительница помнила, как Казачьим обществом в Пресногорьковке была открыта гимназия и как она в ней училась. А вот, как дело доходило до событий Гражданской, оба они, да и все остальные, обрывали любой сердечный разговор: «Не помню. Ничего не помню». Не помнили, а внуки уже и впрямь не знали»[8,с.58].

Они «забыли» о гражданской, и о восстании 1920-1921 годов не говорили долгие десятилетия, хотя многочисленные обелиски в каждом селе, деревне и ауле служили молчаливым напоминанием для очевидцев о страшных событиях первых лет советской власти.

После отступления на восток колчаковской армии, в январе 1920 года новой властью был издан приказ по станревкомам Пресногорьковской волости Петропавловского уезда: «Переживаемый грозный момент и продовольственный кризис требуют от всех честных граждан исполнения долга перед революцией – выполнить разверстку хлебную. Никакие обстоятельства не могут служить препятствием для выполнения этой задачи. Все продработники несут полную ответственность за своевременную сдачу хлеба. Поселки и станицы, не исполняющие приказ, будут судиться так же строго, как судят за отказ идти в бой, продработники, не делающие своего дела, будут караться по закону военного времени»[7, д.115].

Партизанский отряд Дмитрия Ковалёва, имевший боевой опыт в боях гражданской войны в Петропавловском уезде, послужил основой для создания отряда ЧОН по реквизиции зерна у населения уезда. Его укрепили за счет прибывших из Петропавловска рабочих, бывших фронтовиков Данилевича, Дерябина (погиб под Лопушками, похоронен в Пресногорьковке), Костыкина, Черновикова, Ивана Петухова (убит, похоронен в Федоровке), Николая Федина, Петра Ефимова (погиб под Новорыбинкой, похоронен в Ершовке).

Кроме конфискации хлеба в казачьих станицах и крестьянских селах отряд гонялся за многочисленными отрядами, не желающих подчиняться советской власти. В середине лета 1920 года в Горелом ауле, что в 35 верстах от Анновки, появился отряд «батьки Махно». Красный партизан Яков Рыбкин вспоминал: «20 апреля 1920 года нас, 36 человек, в основном моих земляков, демобилизовали из Кустанайского полка. В Анновку я добирался в июне – передвигаться-то приходилось попутными подводами,

или чаще всего пешком. В наших краях было беспокойно – то тут, то там вспыхивали кулацкие мятежи, налетали банды белых.

Отряд Дмитрия Алексеевича Ковалева продолжал боевые действия. Мои братья Тимофей и Семен находились в партизанах.

Дмитрий Ковалев в центре

В начале июля 1920 года в Горелом ауле (верст 35 от Анновки) появилась банда, атаманом которой был какой-то головорез, присвоивший себе кличку «батька Махно». Дмитрий Ковалев выделили 120 бойцов из своего отряда, к ним присоединился и я. 11 июля партизаны охватили аул, ударили с двух сторон огнем из винтовок и пулеметов. Бандиты яростно отстреливались, а потом, видя, что дело кончится для них худо, прекратили огонь и поскакали наутек.

На другой день мы заняли поселок Дмитриевку Петропавловского уезда и продолжали преследовать бандитов, которые отстреливаясь, ушли по направлению к Рузаевке.

Ковалев дал мне приказание выехать со взводом партизан в Карасу, где свирепствовали бандиты. 15 июля мой взвод занял аул Талды (теперь усадьба третьего отделения Майского совхоза), но опоздали. Бандиты успели натворить кровавых дел – расстреляли 11 казахов-коммунаров. Вот имена и фамилии расстрелянных: Нургали и Жусуп Абдрахмановы, Мамбет Шутпанов, Шекан Махметов, Жолымбет Агибаев, Баймагамбет Саммурзин, Баймагамбет Мустафин и Рсалды Шагалов. О них припомнили и рассказали мне карасуские аксакалы Кежибек Ракпанов и Бопатай Жусупов, Баялы и Сердалы Шутпановы – братья расстрелянного бандитами Мамбета Шутпанова – ныне проживают на четвертом отделении Карасуского совхоза.

Рамазанов, из Карамана, поспешил рассказать где расположились бандиты в Карасу, сколько их. Наш взвод внезапно напал на бандитское гнездо. Было уничтожено около 30 головорезов. Двое пленных признались, что бандиты должны были расстрелять здесь коммунистов и активистов.

Партизан Никифор Антонович Земцов поскакал со своим отделением к амбару, где сидели арестованные карасусцы. Пристрелив двух часовых, он

сбил запоры на дверях. Таким образом были освобождены Аким Абрамович Ладыженко, его брат Владимир, Архип Самойлович Прокопенко и другие. Помню, Федору Ивановичу Мехову и Максиму Тимофеевичу Рыбалко еле-еле удалось избежать ареста и расправы. Бандиты после разгрома их в Карасу двинулись по направлению Святогорки.

Когда весть о зверствах бандитов дошла до Ковалева, Иван Алексеевич, наш комиссар, выступил с речью, рассказал партизанам об одиннадцати расстрелянных казахах. Отряд принял решение беспощадно уничтожить бандитов.

Ковалевцы пошли на деревню Шелушок, потом на Ново-Семеновку. Бандиты схватили ехавшего в Кустанай судью из Всесвятского товарища Ивашина и зарубили его. Перехватили они и нашего разведчика Комаху. Бился Комаха яростно, но бандиты одолели его, нанесли тяжелые ранения и почти мертвого бросили под кустами ракиты возле села Королевки. Мы разыскали товарища. Ковалев тут же велел на тачанке отвезти его в больницу. Врачом Всесвятской больницы тогда был товарищ Горский. Он дал слово сделать все, чтобы спасти нашего разведчика. Комаха выжил, хоть и остался инвалидом – руки его покалечены. Жил он до 1957 года. Похоронили его в Королевке.

Наш отряд продолжал преследование бандитов, и 28 июля шайка так называемого «батьки Махно» была полностью уничтожена между деревней Шибаево и станицей Пресногорьковской».

Кровавым преступлениям «зелёновцев» вскоре был положен конец. Из Кустаная вышел отряд красный бойцов. Они отрезали путь к отступлению бандитам, а ковалевцы ударили с тыла. Между селами Сундуки (ныне поселок Свердловка Урицкого района) и рекой Убаган банда была уничтожена.[15, с.27]. В Карасу занимались продразверсткой комиссары Повидайкин и Ильин, приехавшие из Москвы. Бандиты схватили их и расстреляли в ауле Капсыт (теперь 4 отделение совхоза имени Ильича). Повстанцы схватили ехавшего из Всесвятского в Кустанай судью Ивашина и зарубили его. После этих случаев жители села Всесвятского на общем собрании единогласно приняли резолюцию к докладам Ильина, Ковалева и

Макарова, в которой говорилось: «Доклады о бандитско-грабительских набегах на села Петропавловского уезда и село Всесвятское тронули наши сердца и мы, крестьяне, теперь ясно видим, что таким бандитским организациям нет места среди трудового крестьянства. «Зеленые» бандиты ограбили склады райпродкома, Петросоюза и кассы учреждений. Мы, крестьяне, должны поставить себе в обязанность следить за тем, чтобы искоренить всех дезертиров, провокаторов и все огнестрельное и холодное оружие. Резолюция должна быть не на бумаге, а на деле, и все, кто позволит укрыть дезертира, провокатора, оружие, тот должен караться беспощадно, Смерть мучеников, замученных в поселке Капсыт т.т. Повидайко и Ильина должна быть последней. Память о них должна оставаться в наших сердцах. Долой бандитов, наемников кулацких!» [31, л.27]. Событие, связанное с гибелью продработников было отмечено в докладе Омской губЧК, из которого следует, что ситуация на местах напряженная и может привести к взрыву.«Но, как видно, продовольственная разверстка дает себя почувствовать, первая вспышка с лозунгами : «Долой хлебную разверстку!» была на границе Петропавловского и Кустанайского уездов, где был обезоружен продотряд, убиты двое продработников, но принятыми мерами таковое было быстро ликвидировано»[39, с.328]. Мобилизацию в Красную Армию саботировали в Пресногорьковской станице, «но все уладилось мирным путем, и все ранее не явившиеся пришли добровольно»[39,с.291].

«Зелёной крестьянской армией» руководили Макар Чумак и Андрей Ярославцов. Задача восставших крестьян состояла в свержении советской власти на местах и захват Петропавловска и Кустаная. «Зелёные» провозгласили лозунги: «Долой коммуны и коммунистов-узурпаторов!», «Да здравствует учредительное собрание!». Крестьяне и казаки все беды видели в продотрядах. В Крыловке был застрелен бедняк Тлеубет Каракучуков, а у Всесвятского убит милиционер Коршун. В ночь с 24 на 25 августа 1920 года «зеленые» захватили Всесвятское (ныне Сарыколь), обезоружили 42 красноармейца и арестовали партийно-советский актив [21,с.33]. Райпродкомиссар, петроградский рабочий Медведь дал телеграмму в станицу Пресногорьковскую: «Срочно примите меры помощи Всесвятскому. Зеленые обезоружили красноармейцев, касса взята, все оружие взято. Расстреляны продработники. «Зеленые» выбыли на Убаган в сторону Кустаная. Силы отряда до 100 человек» [21,36]. Отряд ушел на Сорочинку, Медведя и начальника милиции Сараева. Позже ими были разоружены 30 красноармейцев уездкома Мешкова. Отряд особого назначения Д.Ковалёва после ухода «зеленых» прибыл во Всесвятское из Федоровки. Шестеро сочувствующих восставшим без суда были расстреляны у озера Сарыколь [восп. Кудрявцева С.И.]. В отряды особого назначения принимались только коммунисты и комсомольцы. Их усилиями 29 августа крестьянская армия была разбита. Она распалась, стала действовать мелкими группами, напоминая о себе до конца 1920 года. Об этих событиях документы

сообщают сухим языком, но в строчках и сегодня чувствуется нечеловеческое напряжение того жестокого времени.

26 августа председатель Акмолинского губревкома В.Барлебен послал телеграмму из Петропавловска в Омск: «В селе Всесвятское неожиданно напали на двух ответственных сотрудников по заготовкам продовольствия, расстреляли районного комиссара (Медведя), толпа арестовала и обезоружила красноармейцев. За этим во Всесвятское введены дополнительно 50 человек с двумя пулемётами и умелым ведением боя восстание подавлено»[11, с.25].

Об этих выступлениях в Сорочинке, которые подавил отряд Ковалёва и прибывший из Петропавловска отряд 189-го стрелкового полка, начдив-21 писал: « В районе села Всесвятского на почве продразверстки вспыхнуло контрреволюционное восстание. Приказываю комполка тов. Серову выделить из состава полка отряд в составе 50 хорошо вооруженных и вполне надежных красноармейцев, придав к нему 2 пулемёта. Снабдив отряд продовольствием на 10 дней, отправить его походным порядком (на подводах) через ст. Пресногорьковская в село Всесвятское. По прибытии получить все данные у райпродкомиссара и, объединив ближайшие отряды, работающие по заданию наркомпрода, немедленно подавить восстание. О ходе подавления доносить с ближайших пунктов, имеющих телеграф»[19, д.34...эл.рес.29].

Вслед за ковалёвским отрядом для проведения следствия прибыл из Петропавловска чекист Лука Николаевич Дульский, проводивший следствию по заговору «зеленых». Зерно было отнято у населения в полном объёме.

1 сентября Дульский докладывал из станицы Пресногорьковской: «Восстание подавлено, некоторые зачинщики арестованы. Красноармейский отряд прочесал степь, бандиты спаслись бегством, продолжаем преследовать. Самому необходимо задержаться еще, выяснить, сколько осталось в деревнях бандитов»[11, с.24].

В аналитической сводке Омского губисполкома о состоянии Петропавловского уезда за период 1-15 ноября говорится: « Говоря о настроении крестьян и казаков, приходится отметить широкое распространение контрреволюционной агитации кулацкого и казачьего населения, которая направлена к разложению комячеек и комсоюзов молодежи, обессиливая этим работу на местах. Исключительно указывают как причину на разверстку – видите, у нас все отбирают, а нам ничего не дают и забирают мобилизацией последних работников из домов и нас хотят оставить голодными. Местные комячейки обессилены. Крестьянство грозит – если вы будете у нас так отбирать, то мы вас всех уничтожим. Такие явления наблюдаются в большинстве в казачьих станицах. Во Всесвятской волости было неорганизованное восстание на почве хлебной разверстки. Все эти недовольства сосредоточиваются на неправильном распределении разного рода разверсток и подводной повинности, так как все тяготы несут бедняки наравне с кулаками. Кулаки приспособились и ввели свою систему: каждую

разверстку распределяют со двора. У кого две скотины – берут одну, кулак имеет 10 – тоже одну. И подводная повинность налагается не по размеру хозяйства, а с каждого двора. Такие действия местных сельских исполкомов ставят беднейшее крестьянство под влияние кулака. Члены таковых исполкомов сильно поощряют варение самогонки, в котором усердно принимают участие сами, и милиция не в состоянии с таковой бороться, так как набрана из ненадежного элемента, вступившего в милицию с целью наживы и спасения от воинской повинности»[19, д.26].

Зажиточные семьи. Пресногорьковка

В декабре 1920 года, объехав весь Петропавловский уезд в качестве уполномоченного по продразверстке, Л.Дульский докладывал: «Кулачество определенно сказала товарищам – посмотрим, что вы теперь возьмете у нас и как мы будем с вами считаться (из слов партийных товарищей станицы Пресногорьковской). В селе Всесвятском узнаю, что было продовольственное восстание в Сорочинском. Захожу в райпродком, чтобы узнать подробно и получаю ответ от Воеводина: «Такая история будет не только в Сорочинке, но и в каждом селе нашего района, что неизбежно это должно быть при наших работах». Меня удивил этот ответ... решил созвать партийных товарищей Всесвятского и узнать, в чем именно дело и как они смотрят на происходящее. На собрании оказалось, что ни один из товарищей не знал продовольственной политики Советской власти, т.е. никто им не говорил, что значит сия разверстка: не указывают норм на семена и корм, забирают весь хлеб, сырье – словом, выходило, что приходят к крестьянину, берут хлеб молча и все, дальше крестьянин спрашивает у «своих» коммунистов деревни: «Как это так, забирают все, как же будем жить потом?» Свой коммунист ответа не находил, и естественно, создавалась постепенная злоба, этим воспользовалась кулаческая контрреволюция и

произошло Сорочинское восстание... На собрании было решено создать «тройки» и приступить к работе без продагентов и «штыка». По Всесвятскому была выполнена минимальная разверстка имеющегося наличия. Товарищ Медведь, продкомиссар Всесвятского района, сказал: «Я тоже не совсем знаю продполитику, ибо работаю по приказам и телеграммам, вам же лучше там, в городе известно, что и как». Самый корень восстания в селе Сорочинском, на мой взгляд, в бестактности, непонимании и необъяснении продовольственной политика гражданам и даже местным ячейкам. Неумение завербовать эту массу своевременно выливалось в нежелательные последствия. Правда, здесь руководили, может быть эсеровцы (так в документе – прим.С.В), но почему такой революционный район как Всесвятский, где сотни могил расстрелянных Колчаком покрыли дороги, пролетариат этих мест пошел с кулаком? При желании и энергии можно взять массу под свой коммунистический контроль»[11,с.25]. Чекист Дульский был расстрелян повстанцами в феврале 1921 года на станции Петухово.

Бедняцкая семья Томских.1905 год

Тогда же уполномоченный по подразверстке в Пресногорьковском районе, М.Басков в докладе Петропавловскому уисполкому писал: «Большинство посланных со мною товарищей я почти не знал и познакомился с ними ближе во время пути... все они почти новички в продовольственном деле, сумели расшевелить деревню и провести частично ее расслоение на две группы – имеющих излишки хлеба и не имеющие таковых. Возникали мелкие трения и недоразумения с находившимися уже на местах продработниками, и, конечно, не с рядовыми, а с разными комиссарами этих отрядов. В данное время, помимо уполномоченных, в районе работают три московских продотряда. Рядовые продармейцы почти

раздеты и разуты, в связи с холодами их использовать в должной мере нельзя. В каждом поселке произведены тщательные обыски у кулаков, по указанию бедняков и комячек, правда, давшие весьма незначительные результаты. Взято все, что можно, говорить об оставлении нормы или полунормы не приходится. С этим приходится не считаться при самой интенсивной выкачке хлеба, по приблизительному счету (необмолоченного хлеба) с Пресногорьковского района взято около 250000 пудов, т.е. 20% разверстки. Повторяю – взято все, что можно, и, конечно, не излишки, а гораздо больше чем они. При отправке уполномоченных в район в задачу им ставится, помимо расслоения деревни, еще внушить населению, что выполнение разверсток является для них обязанностью по отношению к пролетариату центра и власти. Эта-то задача, можно сказать, почти не выполнена: такое сознание крестьянам оказалось невозможным и вряд ли, что всецело по вине крестьян, причин много других, совершенно не зависящих от населения. Крестьяне прекрасно знают, что на деревни в 100 дворов Курганского уезда, где население зажиточное, наложено 10 – 12 тыс. пудов, а на такую же деревню Петропавловского уезда уже не менее 25 – 30 тыс. пуд. Некоторые разверстки наложены слишком поздно... Все это вызывает недоверие, создает конфликты, а главное создает у населения впечатление, что разверстка налагается не соввластью, а что каким-то отдельным агентом продоргана или комиссаром по личному его усмотрению, а может и по злобе на что – либо. Вот в это-то разубедить очень трудно... Сибирский крестьянин, в частности Петропавловского уезда, в общем и целом отдал и отдает Республике все, что можно. Он без особых затруднений, сознавая, что Соввласть – его власть, выполняет все разверстки полностью. Нельзя сказать, что хлеба нет в районе совсем – это будет неправда, он есть, все же его недостаточно, чтобы выполнить полную разверстку. Еще раз от имени всех 25 уполномоченных, посланных со мною в Пресногорьковский район, заявляю, что нами сделано все, что возможно, изъят весь хлеб. Мы в районе твердо помним наказ – не поддаваться слезам и уверениям населения, что у них нет хлеба, а делали свое дело, твердо помня катастрофическое положение центра. В селах, где хлеб немолоченный приняты все меры к обмолоту его. Нельзя скрыть того факта, что многие кулаки в проведении разверсток заблаговременно еще летом спланировали хлеб киргизам, но сделали все это незаметно для своих сельчан, а у киргиз найти его – задача непосильная». Приведенные документы дают ответ на вопрос, почему главный союзник большевиков, середняк, оказывал на протяжении длительного времени жестокое сопротивление политике «военного коммунизма»[23,с.61]. Это сопротивление прекратилось лишь после X съезда РКП (б), прошедшего в марте 1921 года, заменившего продразверстку фиксированным продналогом.

По воспоминаниям А.Скрипкина, боеприпасы отряду Ковалёва летом 1920 года доставляли семь красноармейцев под командованием разведчика Никифора Комахи. Следуя из Акчикуля к Анновке, они наткнулись на

противника. Комаха остался прикрывать отход обоза, приказав остальным спрятаться в камышах. Его схватили, подвергли пыткам, но ничего не добились. Ему нанесли свыше сорока шашечных удара и бросили как умершего в трех километрах от Акчикуля. Здесь его подобрал бойцы - ковалевцы. Никифор выжил, благодаря богатырскому здоровью, но потерял пальцы на руках, заслоняясь от ударов шашкой[18, л.4].

Всю осень и зиму 1920 года вспыхивали выступления недовольных изъятием хлеба крестьян, их поддерживали те, кто лишился при новой власти положения и состояния. На хуторах Пресногорьковского района стреляли в окна домов активистов. Отряд Ковалёва действовал против таких выступлений в Белоградовке, Лопушках, у станицы Новорыбинской. Действия продотрядовцев толкали бывших хозяев земли на ответную жестокость. Так, в Пресногорьковской один из бедняков со своим 15-летним глухонемым сыном жил в шалаше на выделенной ему пашне. Ночью бывшие хозяева земли отрубили им головы и оставили в шалаше. Утром пришедшей с завтраком дочери предстала ужасная картина расправы.

Продразверстка шла тяжело, политика «военного коммунизма», проводимая в мирных условиях, заставляла крестьянина-середняка с недоверием относиться к советской власти, которую он поддержал совсем недавно. Известный казахский писатель Сабит Муканов написал об этом в книге «Школа жизни»: «Продразверстка была завершена Пресногорьковским райпродкомом к началу января 1921 года, и об этом немедленно сообщили по телеграфу В.И.Ленину. Все-таки с продразверсткой пришлось трудно. Выполнялась она гораздо ниже плана. Помню, как комиссар Пресногорьковского райпродкома Дерябин созвал совещание – Акмолинская область обещала товарищу Калинину собрать 3 млн. пудов зерна. Четвёртую часть этого хлеба должен был сдать наш Пресногорьковский район. Ленину комиссар обещал выполнить продразверстку к 10 января.

В нашем краю часто попадаются курганы, братские могилы, насыпанные еще во время войн. В 25 верстах от станицы Пресногорьковки насыпан высокий Сары - оба – Желтый курган, изрытый волчьими и лисьими норами. В этих – то звериных норах кулаки окрестных сел и станиц прятали хлеб. Кулацкое сопротивление было столь жестоким, что многие продотрядовцы погибали в этих стычках»[12,с.312].

Мятеж: Ковалёв, Дурнев, Лидберг и другие

Мятеж не может кончиться удачей–
В противном случае его зовут иначе!

Джон Харингтон
(в переводе С.Маршака)

Как закономерный итог политики «военного коммунизма» в начале февраля 1921 года в Сибири и Северном Казахстане вспыхнуло Западно-Сибирское восстание.

Восстание распространялось с огромной быстротой. Так мечется по степи пожар. Так исчезает в быстром пламени сухая прошлогодняя листва. Так сгорает порох, высыпанный из гильзы мосинской трéхлинейки...

Движущими силами восстания стало крестьянство и казачество. Основными лозунгами восставших были «Долой продразверстку!», «Советы без коммунистов». На огромной территории Западной Сибири и Северного Казахстана возникло несколько повстанческих очагов движения.

До 9 февраля обстановка в Петропавловском уезде была относительно спокойной. 5 февраля горожане поздравляли бойцов 255-го полка, разгромивших у станицы Пресногорьковской «Партизанский особый отряд казачьих войск». Председатель уездного исполкома Советов В. Г. Барлебен за мужество и героизм вручил командиру полка памятное Красное знамя.

В советской историографии прочно утвердился миф о существующих хорошо организованных центрах руководства восстанием. Вот пример данного утверждения. «Петропавловские чекисты ничего не знали о планах заговорщиков из комитета «Сибирского крестьянского союза». Кроме него существовал еще один центр антисоветского подполья – «главный штаб казачьих войск», координировавший деятельность нелегальных белогвардейских групп и организаций на территории Северного Казахстана, в местах расположения станиц и хуторов бывшего Сибирского казачьего войска. Руководители «главного штаба» подполковник Кудрявцев, полковник Сизухин, подхорунжий Токарев с помощью белогвардейского подполья Омска сумели перебросить в намечаемые места выступления опытных офицеров, перед которыми ставилась задача возглавить боевые действия ударных отрядов. Среди офицеров были войсковой старшина Пелымский, есаул Алексеев, поручик Карасевич, прапорщики Бойченко, Гноевых» [5,с.3]. Современные исследователи (В.И.Шишкин, О.А.Винокуров и другие) пришли к выводу, что восстание возникло стихийно – его движущей силой было недовольное продразверсткой крестьянство и сибирское казачество.

10 февраля мятежники захватили участок железной дороги от станции Петухово до разъезда Горбуново, тем самым перекрыв участок Транссиба, связывающий Сибирь с центральными районами России. В руках повстанцев оказалась часть Петропавловского и восточные районы Курганского уездов. 11 февраля организационно оформился «боевой район» главкома повстанцев Владимира Алексеевича Родина (?- конец февраля 1921). Родин работал учителем в селе Белое Соколовской волости, севернее Петропавловска. Из сел и станиц волости и началось наступление повстанцев на уездный город.

На юге Курганского уезда и в западной части казачьей линии действовала "Первая народная армия". Штаб ее находился в станице Кабаньей. Начштаба "армии" был некто Дутов – по мнению чекистов, "самозванец, назвавшийся Дутовым, с целью вызвать энтузиазм повстанцев". Среди командиров чекисты называли бывших генералов Анненкова, Лебедева и Церетели, скрывавшихся в Казинском женском монастыре под

видом богомольцев, и белых офицеров Ольгинского и Морозова. Фамилии генералов были на слуху с периода боев 1919 года и в этих местах в это время их быть не могло, а «Первой армией» на самом деле командовал уроженец станицы Кабаньей старший урядник Иван Дурнев [16]. Вооружены повстанцы были плохо. В Пресногорьковском районе "народная армия" насчитывала до 1500 казаков, вооруженных на треть личного состава, большинство – самодельными пиками, топорами и вилами. В каждой деревне и станице организовали кузницы, где изготовляли пики из железных вил [22,с.224].

Самодельная пика повстанцев. Музей Пресногорьковской СШ

Очевидец так описал начало восстания в западной части Петропавловского уезда: "Образовав станичные отряды на линии, главари в тот же день разослали группы вооруженных бунтовщиков в крестьянские деревни. Недовольных вооружали, а потом силой собирали всё взрослое мужское население деревни и требовали немедленного присоединения к восставшим. За малейший отказ расстреливали на месте. Оружия не было. Тогда организовали в каждой деревне кузницу, где изготовляли пики из железных вил. На 10-15 человек приходилась одна винтовка. Остальные вооружались пиками, охотничьими ружьями, топорами. Вот как все происходило в деревне Песчанка, что в пяти верстах от Казинского монастыря. Сюда примчались несколько казаков из станицы Пресноредутской, все они были друзья-товарищи нашим сельчанам. Остановились у Порфирия Григорьевича Подобина, вызвали председателя сельсовета и приказали собрать всех мужчин в возрасте от 17 до 60 лет. Через полчаса все были в сборе. Казаки, не прибегая к угрозам, объяснили собравшимся, что по всей Сибири вспыхнуло восстание против коммунистов. Советская власть остается, а коммунистов необходимо изгнать. Мятежники настаивали на немедленном создании отряда. Мужики пытались говорить о бессмысленности восстания. В кузнице Михаила Антоновича Скачка начали ковать пики. Два казака поскакали в монастырь и привезли оттуда на подводе два ящика новеньких револьверов марки "Смит-Вессон", более ста штук, но к ним не было ни одного патрона. Монастырь в этом мятеже принял активное участие – там хранилось много оружия, винтовок, револьверов и даже пулемёт. Казаки уехали, взяв с мужиков обещание к

вечеру быть в станице. Мужики решили выждать до утра. Ночью в деревню вошел какой-то отряд, вызвавший переполох в каждом доме. Это был красный отряд численностью в 150 сабель. До утра переночевали в хатах, а утром решили атаковать станицу Пресноредутскую, лежащую всего в пяти верстах, проскочить это расстояние не составляло особого труда. Красные имели два пулемета. Восставшие открыли беспорядочный огонь по наступающим по тракту всадникам. Но пулеметы сделали свое дело, и восставшие бросились врассыпную. Банда, насчитывающая около 4000 человек, более половины из которых были безоружны, в панике отступила, но местные казаки остались дома. Они отказались принимать участие в восстании, за исключением кучки богачей»[22].

Церахто Федор Николаевич (1900- нач.90-х)

Севернее Пресногорьковской линии действовал «Первый освободительный полк» в котором было полтысячи человек, из них две сотни всадников. Вооружены винтовками только пятьдесят, все остальные – пиками, изготовленными в Лопушках. «Второй» полк, состоящий из 1250 человек был хорошо вооружён на одну треть. Пики, топоры и вилы были на вооружении отряда Мальцева[16].

В Приишимье действовала повстанческая 1-я Сибирская казачья дивизия под командованием подхорунжего Токарева. Уроженец станицы Екатерининской, георгиевский кавалер, Семён Георгиевич Токарев воевал в Первую мировую войну в 1-м Сибирском казачьем полку. После падения Омска в ноябре 1919 года, он сдался в плен к красным. Но последующие события заставили его воевать на стороне восставших. Дивизию составляли казачьи полки под командованием вахмистра О.Зубкова и подхорунжего И. Винникова, около 1000 – 1500 человек[25, с.123].

После захвата 14 февраля уездного Петропавловска, отряды восставших двинулись по хуторам и станицам Горькой линии в надежде найти поддержку со стороны враждебно настроенного к советской власти казачества. В районе станции Петухово сформировались две дивизии «Петуховской армии», до шести тысяч человек. К 20 февраля отряды повстанцев захватили Макушино и Лебяжье. На линии восстание охватило казачьи станицы, крестьянские хутора и деревни. Перевороты в станицах Становой, Дубровинской, Михайловской произошли 13-14 февраля. При взятии ст. Петухово крестьянские отряды из Ишимского уезда перешли через линию Транссиба на Пресногорьковскую линию, 16 февраля восставшие заняли станицы Железную, Богатую, Миролюбовскую, Лапушинскую.

Пресноредутские казаки

17 февраля отряд поселка Михайловского и станицы Дубровной под командованием Л.Проскурина выступил на Пресновку на соединение с отрядом Попова, взявшего Сенжарку.

В донесении начальника Дубровинского штаба Народной армии Панфиленкова от 17 февраля. говорится, что в «станции Дубровинская образован временный штаб Народной армии, который по вступлении в исполнение обязанностей принял экстренные меры по выяснению о количестве отрядов, о численности и в каком направлении они выступили из хуторов и поселков ст. Дубровинская. Получены сведения, что из поселка Михайловского утром 17/II отправлены отряды в количестве 75 человек по направлению на станицу Пресновская.

Отряд хутора Степанова действует по направлению на Кубыши».

18 февраля пала Новорыбинская, где образовался повстанческий штаб во главе с Проскуриным. В 20-х числах были захвачены Пресновская и Казанская станицы. В Пресновской 21 февраля местные активисты были расстреляны у станичного кладбища.

Оружие повстанцев. Музей Пресногорьковской СШ

В листовках повстанцев говорилось: «По всем казачьим станицам создаются отряды из всех годных носить оружие, не считаясь с возрастом».

Сабит Муканович Муканов.

Автор замечательных воспоминаний. Фото 1926 год

16 февраля уездный Петропавловск был освобожден 249-м стрелковым полком при поддержке бронепоезда «Красный Сибиряк». Павших в боях за город хоронили на Соборной площади. Сабит Муканов, принимавший активное участие в обороне города, с горечью писал о своем убитом друге: «Каждого погибшего положили в отдельный гроб. Некрашенные, простые, стояли они один за другим печальными рядами. Весь город был в глубокой скорби... Прихрамывая, я помогал нести гроб Баймухаммеда (поэта Зтулина – С.В.)... Останки погибших засыпали землёй любимого края, землёй

Приишимья, которую отстаивали они в борьбе»[12, с.354]. Писатель Сабит Муканов считал Зтулина (Истолина) одним из лучших молодых поэтов того времени.

Баймухаммед Зтулин, поэт.
Учащийся Пресногорьковского училища, 1915 год

«Ужасы, творимые повстанцами не поддаются описанию. При поимке коммуниста клали его на козлы и пилили пилой. Опускали товарищей – коммунистов в колодезь, потом вытаскивали и замораживали на морозе 30 – 40 градусов» (из доклада Ф.Н.Воронова Омскому губкому партии). Свидетель писал: «Вот ответственный секретарь, член президиума уисполкома, коммунист, товарищ Гозак, над которым издевалось кулачество станицы Новопавловской. Живому отрезали ноги поперечной пилой. Коммунист Соленик Василий – в гробу лежал кусок порезанного мяса. Райпродкомиссар Петуховского района тов. Соловейчик – живот был разрезан, куда была насыпана пшеница, на груди вырезана цифра 100%, означающая выполнение продрозверстки»[17.с.157].

На Пресногорьковскую от Пресновской наступал отряд урядника Ивана Дурнева и Ольгинского, который насчитывал до 1500 ялutorовских и пресновских казаков («1-я народная армия») [25,с.123]. Они захватили станицу Пресноредутскую и Макарьевку, где проживала семья Дурнева. Небольшие группы повстанцев рассыпались по окрестным селам и аулам, проводя разведку. В разведсводке штаба приуральского военного округа от 16 февраля (район 24-й дивизии, Курганский боеучасток) говорится, что «в районе ст. Пресногорьковской замечена банда, численность которой не установлена»[19]. Дурнев намеревался взять Пресногорьковскую и ряд поселков – Крутоярский, Богоявленский, Песчаный, Сибирский, с целью усилить свою «армию» казаками и, по-возможности, наладить связь с оренбургскими казаками.

Севернее линии казачьих станиц действовали некоторые местные отряды, например, отряд «зелёных» Михаила Герасимова оперировавшего в начале июля 1920 года в Лебязьевской волости Курганского уезда. Тогда Герасимов действовал самостоятельно, распространяя воззвания, писанные

от руки, со старой печатью Курганского уезда, с призывом крестьян в "зеленую армию". Во второй половине июля 1920 года "зеленая армия", численностью до сорока человек, была вытеснена в Кустанайский уезд. Звериноголовской наводили страх на население оренбургские казаки Ивана Землина, имевшего связь с сибирскими казаками. Эти отряды должны были пополнить ряды «народников» 1-й армии после прихода в этот район Дурнева.

Валы крепости Кабаньей. Автор с С.М.Жалыбиным, 2020 год

Начальник правого боевого участка 20 февраля доложил военкому Курганского уезда:

«По донесению начальника вооруженных сил тов. Ковалева, повстанческое движение сильно разрастается, чуть ли не весь Петропавловский уезд восстал, численность банд велика, большинство которых — кавалерия из казачества. У нас же вооруженной силы мало, оружия недостает, патронов совсем нет. Отряд Ковалева от Пресногорьковки отступил, так как бандиты нападают и двигаются по казачьей линии. Ввиду неимения достаточных вооруженных сил и полного отсутствия патронов, устоять и дать отпор мы не в состоянии, и, возможно, придется отступить от Пресногорьковки. Для предотвращения разрастания повстанческого движения категорически требуем немедленной высылки хорошо вооруженного подкрепления с пулеметами и как можно больше патронов, ибо движение повстанцев стихийное. Сообщите Челябинску и Петропавловску. Ждем немедленного подкрепления»[19, д.356]. Ковалёв,

однако, не оставил Пресногорьковскую – подошедший из Курганского уезда сводный отряд 206-го полка ВНУС под командованием Николая Воложанина, имевший на вооружение пулемёт, усилил его отряд и придал уверенности бойцам.

Таким образом, по мнению В.А.Шулдякова «вокруг Пресногорьковской станицы возник самостоятельный повстанческий район. Но можно ли считать его пятым по счету большим казачьим очагом Западно-Сибирского восстания? Не исключено, что казаков в Пресногорьковском очаге было не меньше, чем в Пресновской или Исилькульской группировках» [24, с.215]. Историк О.А.Винокуров считает, что существовало три района восстания: первый – восточнее Петропавловска, второй охватил район приишимских станиц южнее города и третий – включил линию казачьих станиц и поселков, когда восставшими были взяты Богатый, Новорыбинка, Пресновка, Пресноредуть и Камышловка. Отсюда они повернули на Починовку и заняли Башкирское, имея целью наступление на Давыдовку и далее, на Курган.

Это предположение подкрепляется расшифровкой разговора по прямому проводу начальника оперчасти штаба Приуральского военного округа (Екатеринбург) с комбригом-69 в 6 часов вечера 23 февраля. «Противник – около 400 пеших и 200 конных, занимает Баксарскую (15 верст юго-восточнее станции Лебяжье). В бою под Лебяжьевской захвачен в плен командующий группой народной армии повстанцев Третьяков. Станция Макушино занимается противником. Район местности от Петропавловска до Новорыбинской (100 верст юго-западнее Петропавловска) населенный казаками, охвачен восстанием. В Лопатинской волости, 30 верст южнее Лебяжьей, находится противник численностью до 300 пеших и 200 конных, который, наступая на станицу Пресногорьковская, привлек на свою сторону посредством агитации до 2000 повстанцев, вооружения у которых мало. Настроение повстанцев воодушевленное, наступление ведут стройными колоннами, и большинство из них казаки» [19, д.410]. Речь идёт о «народной армии» старшего урядника Ивана Ивановича Дурнева. Последний был уважаемым казаком станицы Кабаньей, его фамилия значится в списках делегатов V-го чрезвычайного войскового круга Сибирского войска в начале августа 1919 года. С депутатией он побывал на приеме у адмирала А.В.Колчака. Григорьев пишет о нем: «Взводный из боевиков атамана Волкова» [5, с.126], имея ввиду белогвардейского генерала, подавившего Мариинское восстание в мае 1919 года..

В Пресногорьковской волости Дмитрий Ковалев стал спешно формировать заградотряд из бывших партизан для отражения атаки Дурнева. В него шли люди из Сретенки, Федоровки, Узункуля, Ершовки, Нурумбета, Евгеньевки, дальних аулов [9, л.4].

Георгий Павлович Лавринов (1894-?), уроженец Камышловской, вспоминал: «Сформировали сотню, во главе ее стал Борис Федорович Бедрин, роту пеших добровольцев передали под начало командира

продотряда Федора Дерябина. Двумя эскадронами командовал Константин Егоров. Игнат Семенович Усачёв возглавил взвод конной разведки. Выступил Ковалев. Он рассказал о грабежах, истязаниях, расстрелах мирного населения. Опасность состояла в том, что банда Волкова в любой момент могла ударить в наш тыл со стороны Звериноголовки»[10,с.12].

«В Пресногорьковской волости регулярных воинских частей не было. Местные коммунистические ячейки группировались в коммунистический отряд для борьбы с бандой. Командиром отряда был избран Дмитрий Алексеевич Ковалёв, украинец из переселенцев 1895-97 годов, уроженец села Анновка. Штаб квартировал в Пресногорьковке. Председателем волисполкома был Михаил Павлович Канахин, секретарем Степан Павлович Пригородов, комендантом станицы стал зять Пригородова – Зубцов (Зубков).

Ковалёв понимал, что промедление смерти подобно, поэтому разослал из Пресногорьковской своих посыльных в окрестные села и хутора для формирования сводного отряда. Лавринов отправился в Федоровку, к уроженцу станицы Пресновской, председателю сельисполкома Федору Каргополову, Михаил Иванович Сухов с Евдокией Баландиной были посланы в Нижнюю Алабугу в отряд Данила Селезнева, казака станицы Пресногорьковской.

Андрей Павлович Лавринов сдал пакет в Башкирке неизвестно кому и быстро отправился обратно. В Пресногорьковской в комотряд вошли коммунистические ячейки и работники милиции Пресногорьковки, Камышловки, Казанки, Федоровки, Песчанки. Богоявленки, Анновки, Сретенки, Королевки, Акчикуля. Банда, преследуемая отрядом Ковалева, отступила на Пресновку, затем в степь по направлению в Монголию. Часть их вновь дошла до Пресноредути. В ней основные силы составляли ялуторовцы, кабаньевские и пресновские казаки. Комотряд встретил банду в Пресноредути».

В отряде Ковалева были и казаки. Так, Игнатий Семёнович Усачёв родом из Кабаньей, где пользовался большим авторитетом. Через пленных казаков он передал повстанцам письмо, и часть станичников заколебались, а в разгар активных боевых действий сам проник во враждебный лагерь, рискуя жизнью, и сумел разagitировать непримиримых казаков.

Холодным утром 21 февраля отряд Ковалева выступил к Камышловке. Еще до начала боя отряд потерял бойца – работник исполкома, заведомо записи гражданского состояния Егор Ларюшин был захвачен повстанцами в казачьем поселке Починный. Его увезли для допроса в Кабанью. Труп Ларюшина был обнаружен в Пресновской среди других убитых. Тело с отсечённой головой привезли в Пресногорьковскую и похоронили с почестями на площади. Все село было. Молодежь из комсомольцев пели «Интернационал». Поставили досчатый памятник со звездой. Осталась вдовой Евдокия Денисовна, осиротели дети Павел, Федор и Пелагея» (воспоминания Демченко М.Я.).

Жестокий бой развернулся у озер Большого и Малого Ульевых. Повстанцы потеряли здесь 40 человек убитыми и 40 ранеными[13, с.209].

На горизонте – Драгунские леса. 2007 год

Авторская реконструкция боя: Командиром сводного отряда был Дмитрий Ковалев, продотрядовцы Федора Дерябина и отряд 206-го батальона Воложанина заняли оборону по обе стороны в восточной части перешейка между озерами Большим и Малым Ульевыми, неподалеку от места захоронения бойцов 2-й бригады 35-й дивизии (бой 11 сентября 1919 года) на казачьем тракте Пресноредутская – Камышловская. Рыть окопы в мерзлой земле было затруднительно, да и времени на это не было. Поэтому Дерябин отдал приказ поставить в ряд перевернутые сани, которые должны были послужить прикрытием для стрелков. Кроме добровольцев за санями спрятались и красноармейцы 1-го батальона 206-го полка 69-й бригады ВНУС. У Дерябина был пулемет неустановленной системы. Кавалерийский эскадрон Константина Егорова и Петра Ефимова оставили в резерве в нескольких километрах западнее – в Камышловской. Сотня казаков бывшего урядника Бориса Бедрина прошла севернее по лесным околкам и заняла позицию на опушке Драгунского леса, для атаки в правый фланг повстанцев.

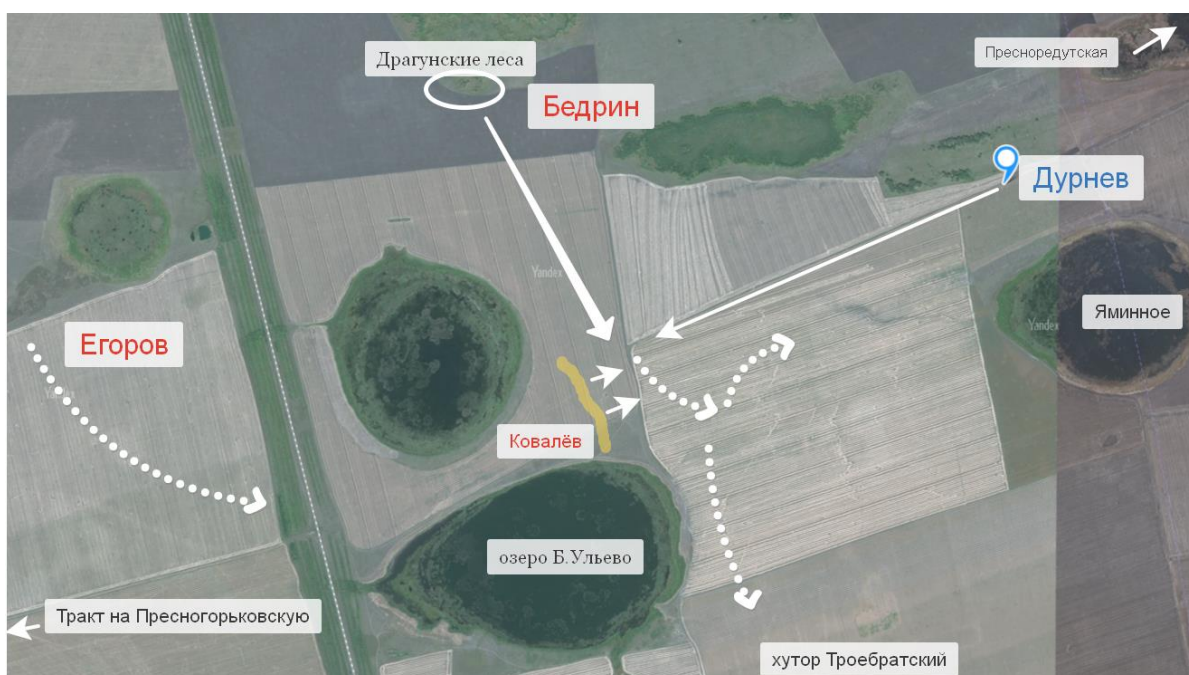
Во второй половине дня обороняющиеся увидели на Пресноредутском увале головную колонну мятежников. Сотня казаков разворачивалась для атаки и вскоре лавина всадников с пиками наперевес, сверкая занесенными над головами шашками, помчалась по снежному полю на дерябинские укрепления.

Дерябин и Воложанин понимали, что подпускать конницу близко нельзя – порубят «тележную пехоту». Дурнев наблюдал за атакой сотни с увала. Была слабая надежда на прорыв между озерами, который открывал путь на Пресногорьковскую. Бойцы стреляли повзводно и первым же залпом

внесли сумятицу в казачью лаву и произвели замешательство среди всадников. Несколько человек понеслись в степь, в сторону хутора Троебратский, часть казаков повернули коней. Пулеметная очередь дала знак Бедрину и Егорову к атаке. Их эскадроны понеслись во фланги от Драгунских лесов и Камышловки, стремясь захватить сотню в клещи. Началось паническое бегство по тракту на Пресноредуть. Ковалевцы захватили пленных и 15 лошадей. Пленным Егоров приказал «убираться восвояси и больше не попадаться». Но никто из них в банду не вернулся.

Поле боя. В центре – обелиск павшим в 1919 году. За ним – озера Ульевы. Фото автора со стороны увала.2020 год

Отряд Ковалева понес свои потери – двое были убиты, восемь ранено и двое пропали без вести. В этом бою ранен был Фёдор Дерябин, погиб Григорий Захаров, уроженец Ершовки, Глядянского уезда. Погиб командир сводного отряда 206-го полка Николай Воложанин. До Пресногорьковки его везли на санях под присмотром фельдшера Федора Курбатова, здесь он умер и был похоронен в центре станицы(?). Возможно, был увезен в Звериноголовское и похоронен там.

Командование захаровской ротой перешло к Петру Ефимову, а дерябинской – к кабаньевскому казаку Усачеву, командиру конной разведки.

Петр Ефимов позже погиб под Новорыбинкой. В Ершовке на месте его захоронения установлен обелиск.

Коммунистические части в Пресногорьковской станице активизировались и 27-го февраля, когда в ходе боя выбили повстанцев из станицы Камышловской, в бою погибли 30 повстанцев [13, с.210].

Когда Ковалев ушёл в Пресногорьковскую, Всесвятская волость оказалась без защиты, и 1 марта повстанцы Тимофея Лидберга вошли в Анновку, в которой было много недовольных новой властью. Гонцы были отправлены в близлежащие поселки с вестью о восстании. В Сретенке в доме 37-ми летнего Михаила Спиридоновича Худолеева произошёл такой диалог, который хорошо характеризует различное отношение сельчан к восстанию:

«Ганновка восстала!» – заговорил незнакомец хриплым голосом. – Всю продразверстку по хатам растащили, восемь безбожников шашками порубали. Остальных Ковалев у Лопушков держит. Ничего, и им будет то же самое. Наш командующий Лидберг разослал своих помощников по всем деревням – вот подыдем народ – загудит земля орудийным гулом. Бери, Мишка, оружие и пошли.

-Нет у меня оружия, – говорит дядя.

-Возьми у брата Илюхи. Он от Колчака привез винтовку и наган.

-Ствол винтовки в самогонный ящик вделал, а ложу спалили. Нагана в Илюхи нет.

-Худо. Очень худо! Ну ладно! Обойдемся и без него. Собирайся быстрее. Пока темно, пошли по хатам большевиков бить

-Никуда я не пойду. Я не бандит, чтобы людей убивать.

-А я, по-твоему, бандит?

-Если не бандит, зачем людей убивать?

-Эх, это война. Тут кто кого. Мы тоже за Советы, но без коммунистов.

Смотри, прогадаешь. За нас Одноглазый со своей дружиной, Анновка, Лопушки, нас поддерживает царь степей богач Мульташ Куртанов. Это сила! Он с актюбинским губернатором по судам таскался.

Дядя Миша отвечает резко, будто капусту рубит ножом:

-У вас Лопушки, да Куртановы. А у нас у каждого хозяина есть хлеб, картошка, молоко, и навоевались все досыта. Кому нужна твоя война и эта воровская компания. Страх думать, что будет снова голод и смерть в сугробах. Никто к вам не пойдет.

-Пойдут! Все колчаковцы пойдут! Куда вы денетесь! Красные вас к стенке поставят. А наши конокрады будут вас грабить, и продразверстка – это же нож в горло, все подскребла под метелку.

-Продразверстка не вечная, от конокрадов милиция есть, а за Колчака Советы давно нас простили. Разве мы к нему сами шли? Нас мобилизовали.

-Стой. Мишка! Мы тебя тоже мобилизуем, дай только срок. Мы за тебя будем умирать в сугробах в степи. А ты будешь греться у жинки под боком, этому не бывать! Мы тоже не дураки. Дуло ты получишь от нас. Считай, что сегодня я тебя простил. Завтра не попадайся мне на глаза. Убью, как красного гада! Помни, и помалкивай!» (очевидец). Позже приехал Илья Спридонович Худолеев, спрятавший наган под стреху сарая. Он рассказал брату Михаилу: «В Ганновке страшно, что твориться. Людей там даже днем убивают. Комаху в степи шашками порубали. Семнадцать ран! Теперь никуда не выедешь. Возвратят по дороге. Убьют и в сугроб заруют. Микола Чеботаренко поехал искать Ковалева. Пропал мужик, родные ищут, а Миколы нигде нет. Анютка плачет».

Петр Ковбаса сумел выскочить из капкана и к вечеру примчался в Пресногорьковку. Чуть позже сюда же добрался Николай Чеботаренко и попал в штаб красных...

Семен Степанович Дучкин, уроженец ныне не существующего села Сретенка, рассказал о встрече Чеботаренко с Ковалёвым:

«Перед ним за обеденным столом сидит светловолосый начальник среднего роста. Он что-то пишет на листе бумаги. Сзади него стоит широкоплечий высокий детина с черными усиками. Он, перегибаясь через плечо светловолосого, читает исписанный листок и, кивая головой, поддакивает:

Обелиск в Пресногорьковке. Фото 1987 и 2010 гг.
Похоронены Г.Захаров, Ф.Дерябин, Г.Ларюшин, Волжанин(?)

- Да! Так! Я тэ ж думаю... Так краще будэ.
- Ну как! – спросил начальник, окончив писать.
- Ясно-понятно!

– Ага, ясно. Это хорошо. Бери приказ. Немедленно исполнять. Бить изо всех орудий, чтобы бандитов не осталось. Лопушки проклятые!

Детина схватил бумагу со стола и выскочил из хаты.

Начальник встал с табуретки и протянул руку Николаю. Это был легендарный командир партизанского отряда, анновский большевик Ковалев Дмитрий, герой казахских аулов Карасу. О нем даже старики сказки детям рассказывали. К нему в отряд со всего уезда шли добровольцы: русские, казахи, украинцы.

– Здорово, земляк! С какой вестью? – спросил он. – Говори смелее, – он потрянул утвердительно головой, подмигнул правым глазом и приятно усмехнулся... «Не дрейфь, парень. Тут все свои в доску». Взгляд у него спокойный, почти голубые глаза веселые, очень добрые и чуть озорные. Николай никому не поверил бы, если бы ему сказали, что у командира отряда такой нежный, почти девичий взгляд.

– В нашем селе банда Лидберга, – говорит Николай.

– Знаю, дорогой, знаю, – сказал Ковалев и сердито процедил сквозь зубы: «у, гады».

Глаза у него вдруг потемнели, лицо затянулось суровой кремнистой сеткой, брови нахмурились. Его гневный взгляд как раскаленное шило, пронзал все насквозь. Он будто переродился в дьявола, теперь не был похожим на голубоглазого добряка. Чеботаренко поглядывает на него и рассказывает. Ковалев ходит за столом от печки к окну и снова к печке. Думает, молчит и смотрит куда-то далеко вперед. Кажется, совсем ничего не слышит.

Когда Николай назвал убитых анновских большевиков, с которыми Ковалев вместе рос и учился, командир отряда остановился на месте и закипел еще большим гневом. Он поднял кулаки вверх и крикнул: – Ну, погодите. Гады! Убийцы проклятые! Колчаковцы недобитые! Хватит, дорогой, мне все ясно. Хорошо, что ты здесь, хочу тебя послать тайно в Урицкое с пакетом. Это очень важное задание. Его не каждому доверишь. Есть у меня надежные люди, но не могу я их послать. Каждый у дела. Но главное, за каждым из них атаманские шпики бродят. Пошлешь кого-нибудь – сейчас же атаману донесут. Порубают, черти, в дороге и пакет заберут. Ты для них приезжий крестьянин, приехал и уехал. Им не до тебя.

– Попробую.

– Ну вот и хорошо. Я так и думал. Постарайся, брат, послужи крестьянству. В Урицке стоят регулярные части Красной Армии. Им этот Лидберг, что слону груша. Ам, и нет!

– Эх, как хочется самому в Анновку, – вздохнул Ковалев. – Я там каждого суслика знаю – в два счета навел бы порядок. Поймал бы сома, разбойника, торговца Богомолова. Но тут в Лопушках сильная банда. Рискованно дробить отряд. Всего триста бойцов. В бумаге я все отпишу. Береги пакет, если почувствуешь беду, уничтожишь его. Тогда в Урицком на словах сам все расскажешь».

Ковалёв (редкие фото)

В это время в Анновке были убиты члены уисполкома Шмегельский и Магдибора. Раненного в ногу Г.А.Дьяченко, пытавшегося застрелиться, схватили, раздели, сняли валенки, разбили голову прикладом и оставили умирать на дороге. Он пытался ползти в сторону села, но так и окоченел. Похоронили его в Анновке, позже, по просьбе жены прах перевезли в Веселый Подол. Остальных активистов Давида Лукашова, Зименко Петра, Акима Ивашина, Марка Шмегельского, шестнадцатилетнего комсомольца Семена Рыбкина, увезли в Дмитриевку и убили. Ковалёв вошел в Анновку 3 марта, а ночью его отряд уже бился с Лидбергом в Дмитриевке и рассеял его банду. В этом бою ковалевцы понесли невосполнимую утрату – был тяжело ранен молодой комсомолец из Фёдоровки Илья Петухов. Медсестра отряда Анна Сергеевна Сухарева сделала ему перевязку, но рана оказалась смертельной. По свидетельству Комахи, Ковалев лично расстрелял Богомолова.

Яков Рыбкин вспоминает: «В феврале 1921 года вспыхнуло восстание так называемых «народников». Богатеи, кулаки, недобитые белогвардейцы, руководимые колчаковским офицером Лидбергом, начали нападать на села, расстреливать активистов, издеваться над крестьянами.

Отряд Ковалева пошел на станицу Пресногорьковскую и первый бой с бандой «народников» принял у поселка Лопатки. В схватке у села Новорыбинка мы потеряли Петра Ефимова, которого похоронили в Ершовке. Немало полегло наших красных бойцов под Пресноредутью, под Лопаткинским монастырем, Евгеньевкой. Добивая бандитов, ковалевцы двинулись в сторону Петропавловска.

Однажды, примерно 22 февраля, наш отряд остановился в деревне Ольговке. Из Анновки со страшной вестью добрались Петр Колбаса и мой брат Михаил Кириллович. Они доложили командиру, что бандиты во главе с Лидбергом схватили наших связных Дмитрия Магдебору и Афанасия Дьяченко. Они же рассказали, что хлопцы долго отстреливались, но патроны у них кончились. Бандиты их, уже раненных, скрутили, привязали к столбам,

облили водой и заморозили. Мой младший брат Семен Рыбкин убежал было, но его догнали, ранили, схватили и заперли в доме псаломщика.

Захоронение Петра Ефимова в Ершовке. Фото 1979 года.

Земцова Любовь Максимовна, ветеран войны. Фото предоставлено Горбатенковой О.В.

Моя мать принесла Семену поесть, но ее не допустили и жестоко избили плетью. Потом бандиты моего брата, а также Петра Зименко, Давида Лукашева, Марка Шмегельского, Александра Жигунова увезли в село Дмитриевку.

Ковалевцы поспешили на выручку. Все мы надеялись, что разгромив бандитов, успеем спасти наших товарищей.

Через два дня наш конный отряд захватил окраины Дмитриевки. Бились за каждый дом, улицу, окружая центр села и не давая бандитам выйти из огневого кольца. Многие из «народников», бросив оружие, пытались бежать, но из одной землянки продолжали строчить. Партизана Петухова, нашего анновского учителя, убили. Земцов хотел подхватить его, но и его ранили в шею. Нина Ковалева, сестра командира, славная наша боевая подруга перевязала раненого.

В землянку, из которой продолжали стрелять, красные бойцы бросили гранаты. Огонь прекратился. Там обнаружили четырех раненых и трех убитых бандитов.

А наших анновских земляков бандиты уже успели казнить. Мы нашли трупы Семена Кирилловича Рыбкина, Петра Зименко, Давида Лукашева и Марка Шмегельского.

Какими словами описать ту жуткую картину, которую мы увидели? Их зверски мучили, пытали, выкололи глаза, отрубили руки, отрезали уши, потом отсекали головы и бросили за поселок. Место, где лежали

изуродованные останки наших товарищей, показал церковный староста, который спас Александра Жигунова.

Скорбный стон стоял над поселком. Мы, мужчины-партизаны, уже закаленные в боях, казалось бы, не раз смотревшие в глаза смерти, были потрясены этой зверской расправой.

Сделали гробы, повезли в Анновку хоронить. Моя мать лежала без памяти – потерю сына перенести было нелегко. Ведь убитому брату моему, Семену, комсомольцу, было всего 16 лет.

Утром все жители Анновки вышли на похороны, проводить наших товарищей в последний путь. Над могилами в скорбном молчании стояли бойцы. Наш комиссар И.А.Ковалев выступил с короткой речью. Опустили гробы в могилу. Попрощался народ с борцами, павшими за Советскую власть.

Отряд Ковалева бился с бандами у Марьевки, Андреевки, Белоградовки, Ставрополки. В начале марта 1921 года при активной поддержке Красной Армии и чоновцев из Кокчетавы банда «народников» была полностью уничтожена»[15, с.27].

В мае бойцы отряда Дмитрия Алексеевича Ковалева были демобилизованы, вернулись домой трудиться, строить новую жизнь. Но многим из них еще долго пришлось держать в руках оружие. Урицким ревкомом Дмитрию Ковалеву было поручено организовать местные органы рабоче-крестьянской милиции. В Анновке во главе ее стоял Ф.В. Данилевич, уроженец села Павловка (ныне Узункольский район), в Новопокровке – Е.Рыбкин, в Воскресеновке – В.Шапошников.

Для населения времена были беспокойны, особенно для тех, кто входил в советский актив. Семен Пригородов, секретарь Пресногорьковского сельсовета вспоминал: «Нам с председателем Михаилом Петровичем Канахиным трудно приходилось работать. То и гляди влепят бандиты из-за угла пулю в лоб или подожгут хату. Иногда по-несколько дней скрывались в лесах от свирепствовавших бандитов, грабивших магазины и искавших работников ревкома. Приезжаю однажды в станицу из поездки по окрестным деревням, а в квартире полный погром. Жена сидит на кровати, бледная как стена. Обыск учинили бандиты Дурнева, сказали, что из-под земли достанут, хотели убить» [рукопись]. Рассказывают, что в ходе боёв Дурнев и Ковалёв обменялись семьями, которые находились у них в заложниках. Для переговоров встречались один на один у озера Безносово южнее Пресногорьковской.

В начале марта наступил перелом. 2 марта красные заняли Хутора и Батырево. Со стороны Лопатинского их отряды отбросили повстанцев к северной части Горькой линии. 5-го марта были взяты села Башкирское и Филиппово. В это же день сводный отряд Ковалева вошел в станицу Кабанью, в 60 верстах к востоку от Пресногорьковской. Западнее обстановка была напряженной. 1 марта 1921 года. Военком С.Володарский докладывал:

«Южный участок. По донесениям комполка-26, противник группируется в районе озера Кабаны, 30 верст юго-западнее Мамлютки, и численностью до 1000 человек — в районе пос. Ново-Никольский и Новоявленный. В последнем, по словам пленных, находится главный штаб банды. В указанном районе со стороны повстанцев оперирует казачья дивизия под командой Токарева в составе трех полков под командой Рогачева, Зубарева и Сушкова. Одним из главных зачинщиков является сын дьякона села Никольское Филиппов. Кроме того, по заимкам в районе Вознесенской - Боголюбовской - Михайловской и Новоявленной бродят отдельные шайки бандитов. Высланная разведпартия в район озера Кабаны на одной из заимок захватила 20 повстанцев, три винтовки и две пики. Из опроса пленных подтверждается нахождение главных сил повстанцев с их штабом в Новоявленной и Михайловском, последний — 18 верст юго-западнее ст. Становая. Отношение населения казаков к Красной Армии и советвласти — враждебно-злое. По сведениям Архангельского ревкома, бандиты мобилизуют всех находящихся на заимках граждан. Организаторами мобилизации являются Кочин Николай, Николаев Семен и бывший военком Иванов Николай».

Продолжая движение по линии на восток, 8 марта ковалевцы заняли оставленные без боя поселки Пресноредут, Исаевку, Островку, Святодуховку, Пресновку, Новорыбинку, Миролюбовку. К 10 марта красные взяли Евгеньевку (в 25 верстах южнее Пресногорьковской), Макарьевку, Богдановку, Рождественку, Троицкое, Сенжарку, Дмитриевку и Владимировку.

Правым боевым участком командовал Воротков. В участок входил сводный отряд Ковалёва, 1-й Симбирский полк и батальон особого назначения ВЧК. Сводный отряд с рассвета 6 марта наступал на юго-восток из района Пресногорьковская-Кабанья, «имея справа ограничительную линию Пресногорьковская-Казанский-Евгеньевский - ур. Курол-Городецкий - Коноваловский, а слева Кабаний-Екатеринославский-Петровский-Благовещенский-Семипольское». Левым боевым участком командовал Ильин, имея под своим началом 249-й и 209-й стрелковые полки[19...эл. рес.29]. Весенние оперсводки тревожны и примерно одинакового содержания: « В Челябинскую губЧК. 9 апреля. В Курганском уезде банда в 100 дезертиров. Около станицы Пресногорьковской 300 бандитов. Банды разбирают железную дорогу, жгут мосты, рвут провода и освобождают арестованных». Речь, по-видимому, идет о действиях отряда штабс – капитана М.Герасимова[13,с.211]. 6 апреля о его отряде писали в шифровке «В Курганском уезде, в Усть-Суерской и Гобоньякской волостях оперируют остатки банд под командой бывшего штабс-капитана Герасимова. Бандиты терроризируют население и сочувствием большинства крестьян не пользуются» [39, с.409].

Группа партизан. Ковалев Дмитрий сидит в центре. За ним комиссар Иван Ковалев

14 апреля отряды георгиевского кавалера Дорохова и Герасимова расстреляли местных коммунистов в селе Лопатки, 18 апреля захватили крупную станицу Пресновскую. Оттуда им удалось ускользнуть от наседавших красных частей. Герасимову приходилось постоянно уходить от преследования. В сентябре 1922 года он скрывался в Мокроусовской волости Ялуторовского уезда, имея в отряде пять офицеров и около 30 бойцов, вооруженных берданками (И.Курышев).

До 12 апреля отряд Ковалева совместно с регулярными частями Красной Армии подавлял восстание в Кокчетавском уезде. Отряд возвратился из похода домой и был распущен, но уже на следующий день нарочный из Звериноголовской привез в Анновку приказ: «Банда численностью в 5000 человек в пяти километрах от станции Петухово перешла линию железной дороги и движется вверх по реке Ишим с целью перейти реку в верховьях и уйти в Монголию».

И вновь сборным пунктом стала Пресногорьковка – отсюда отряд, пополняясь по пути конными казаками, через Кабанью и Екатериновку двинулся наперерез повстанцам. В Екатериновке были получены сведения, что банду преследовал батальон красноармейцев и вступил в бой с ней в станице Пресновской, потеряв двадцать человек пленными и пулемет «максим».

18 апреля по приказу командующего войсками Петропавловского района Ф.В.Егорова, отряд Ковалёва выдвинулся из Кабаньей на Благовещенку и занял Семиполки, имея задачу не дать повстанцам Булатова прорваться на юго-восток и поддержать наступающие на Архангельскую и Рождественку красные части.

В сёлах и станицах не было лошадей – повстанцы забрали всё, лишая Ковалёва возможности посадить весь отряд в седло. «Пришлось плестись чуть ли пешком» (очевидец). Несмотря на это отряд передвигался быстро и неожиданно появлялся в разных местах уезда, в ходу была поговорка: «Ковалёвых много». В Дмитриевке отряд вынужден был встать на дневку и обзавестись транспортом в населенных пунктах, в стороне от движения банды.

В Таракановке был допрошен перебежчик, показавший, что повстанцы остановились в Белоградовке отдохнуть и устроить банный день. Через Ишим переправляться было опасно – лёд оказался ненадёжен. Об этом походе вспоминал участник Георгий Павлович Лавринов:

« В Камышловке было две артели, поэтому оттуда прибыло двенадцать человек, больше, чем из других поселков. Штаб в Пресногорьковке, Конандиром отряда выдвинут Ковалев, бывший фельдфебель из Анновки. Он напоминал внешностью и поведением Чапаева, среднего роста, энергичный, смелый... Мятежники отступили от Пресноредути на юго-восток к Ишиму. Отряд Ковалева следовал за ними. Догнали их весной, когда лёд на Ишине был уже ненадёжен, ломался. Противник находился в районе Крещенки-Белоградовки, ковалевцы обошли с тыла, со стороны Крещенки и повели наступление на Белоградовку. Ковалев послал меня, проверить, как дела в обозе, чтобы выставили охрану и были начеку, чтобы не оказались отрезанными бандитами, чтобы в обозе не было лишних бойцов. Ковалев предчувствовал что-то. В самом деле, под одной телегой лежат бойцы. «Живот болит»– заявили Кучма и Полешко. Ковалев приказал стрелять тех, кто найдется в обозе. Война ведь, должна быть воинская дисциплина. Когда я наставил на лежащих винтовку, они забыли про боль в животе и побежали к Крещенке».

В Коновалке к Ковалёву присоединился батальон красноармейцев. Сводный отряд около 800 человек обошел Белоградовку с юго-запада и вынудил банду повернуть в обратном направлении на Всесвятское. Ковалёв быстрым маршем, стремясь обогнать повстанцев, выдвинулся во Всесвятское, опасаясь за семенной фонд, приготовленный для посева. Ему удалось опередить повстанцев, которые от Ананьевки повернули на север, к Горькой линии. Между Весёлым Подолом и Ананьевкой был зарублен 50-летний коммунист Малолетко Феодосий Григорьевич – его узнал ночевавший в его доме закупщик скота, знавший о принадлежности хозяина к партии большевиков. Он похоронен в братской могиле вместе с Григорием Афанасьевичем Дьяченко. Позже Малолетко в народной легенде стал комсомольцем (очевидец).

Поняв, что окружение неминуемо грозит гибелью, повстанцы вошли в оставленную коммунистами станицу Пресногорьковскую. Население подверглось грабежам, несколько человек были расстреляны, тела их найдены в лесу «Маяк». Повстанцы расстреляли председателя Федоровского

сельисполкома Фёдора Каргаполова и председателя Пресногорьковской комячейки Данилу Селезнёва (в Хлупово).

Жители Камышловки и окрестных посёлков лихорадочно прятали семенной хлеб, потеря которого означала голодную смерть. Повстанцы прошли мимо – через казачий посёлок Починовку, стремясь уйти в леса Курганского уезда. Ковалёвцы двигались за восставшими след в след до Давыдовки и села Саламатного. Под станцией Лебязьей Курганского уезда мятежный отряд был окончательно разгромлен регулярными частями Красной армии.

За пособничество мятежным казакам в Пресногорьковке были расстреляны священник Василий Преображенский, Петр Васильевич Лутченинов – церковный староста (жене Любаве удалось выкрасть тело мужа и тайно похоронить), Иван Андреевич Столбинов – завскладом кредитного товарищества, бывший белый офицер, учитель Григорий Михайлович Алимов, работник волисполкома Кузьма Петрович Пожидаев, Дмитрий Яковлевич Угренинов, монахи Казинского монастыря. Приговоры были стандартными – «за участие в расстрелах и грабежах».

Слева Дмитрий Угренинов, стоит Кузьма Пожидаев – расстреляны.
Справа – автор воспоминаний Георгий Павлович Лавринов

На стороне повстанцев выступили казаки станицы Пресноредутской – комендант урядник Данила Шилов, вахмистр Григорий Еремеевич Грязнов, Прокоп Ларюшин, Михаил Ряписов, Афанасий Лавринов, Сергей Еремин, Иван Ушаков, Николай и Егор Бутаковы, Никандр Батырев, Черепашковы, станицы Починной – Дедовы, Критинины, Пожидаевы, Пригородовы, Метальниковы, Чирковы, Веневцевы, Головины, пресногорьковцы – Ханин, Алёхин, Ширяев, сибирцы – Жуков, Баландин.

За советскую власть воевали пресногорьковчане – Д. Воронин, И.Рулимов, П.Тимофеев, казанцы – Е.Дробышев, Е. Чернооков, военком, секретарь волисполкома, богоявленцы – Бобрешовы Алексей и Ефим Михайловичи, милиционер Павлухов, песчанцы – А.И.Суслов, И.А.Яганцев, Д.П.Мехнев, И.Т.Дедов, И.П. Угренинов, П.Е.Попов, Коваленко Спиридон, милиционер. Разведчиками в отряде Ковалёва были Г.П.Лавринов, М.И.Сухов, А.П.Лавринов. Адьютантом и кучером на тачанке Ковалёва служил И.П.Пономарев[10,с.39].

Первые комсомольцы Пресногорьковки

Интересен документ, датированный 3 февраля 1921 года, написанный от руки на листе из бухгалтерской книги, его содержание хорошо передает дух того времени. Стоит привести его полностью, сохраняя орфографию.

«Воззвание! Командира всех сводных красных советских боевых отрядов по ликвидации бандитизма тов. Ковалева.

Товарищи три года упорной борьбы рабочих и крестьян с ненавистным ярмом капитала. Показали нам, что у власти должны быть только мозолистые руки, крепко держащие красное знамя за социализм. Ни одна другая власть не будет так заботиться о бедняке как наша рабоче-крестьянская пролетарская власть. Эта же борьба показала, что враги трудящихся побеждены всюду на кровавых фронтах. Нам осталось победить еще лишь только разруху. Мы твердо уверены, что это препятствие мы победим, нанесем окончательное поражение внутреннему врагу. Кулаки, офицерство, духовенство, прикрывшись доброжелателями народа, избрали орудием своих гнусных замыслов темное казачество. Они затуманили заманчивыми обещаниями глаза казачеству и последние места восстали с оружием в руках против трудящихся. Товарищи крестьяне будьте благоразумны! Не следуйте примерам этих безумцев, которые обрекли на верную гибель сами

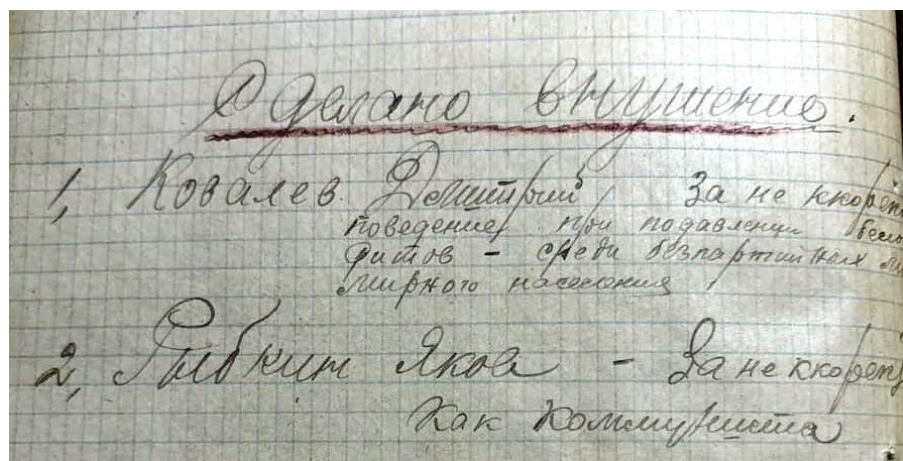
себя, свою семью и свою станицу. Это пособники, жаждущие возврата старого гнилого прошлого, будут беспощадно уничтожаться властью трудящихся той властью которая стоит рабочим и крестьянам много крови упорной борьбы с вековыми угнетателями капитала и пр..

Подлинную подписал командир отряда по ликвидации бандитизма Ковалёв. Нач. оперштаба Аболин. За адъютанта В. Бомезовская. Разослано»[20, л.29].

В 80-х годах пенсионер И.И.Матвиенко вспоминал о том, что писал под диктовку быстро ходившего по комнате Ковалева, подобное послание населению уезда. В нем говорилось, что те, кто выдает коммунистов бандитам, будут беспощадно караться советской властью. Главную линию воззвания Дмитрий Ковалёв проводил жестко в течение трех месяцев борьбы с повстанцами. Подобным образом действовали командиры многих отрядов, жестокость порождала ответную реакцию противоборствующей стороны.

Об этом свидетельствует записка от 12 мая 1921 года руководства Курганского уезда командующему войсками Петропавловского уезда и Челябинскому губисполкому Советов: «...из юго-восточного сектора уезда, где оперирует отряд Ковалёва по борьбе с бандитизмом, получают сведения, не подлежащие сомнению и проверке, о том, что отряд деморализующе действует на население, остающееся до сего времени верным к советской власти, своими безосновательными действиями по конфискации имущества без оформления этого актами и протоколами (им допущено до 30 конфискаций), бессистемно проводимому террору (так, им расстреляны без суда служители культа и граждане в Боткинской, Байдарской и Саломатовской и других волостях, по заверениям волисполкомов, люди лояльные к Госстрою), по самоснабжению своего отряда на глазах населения. Принимая во внимание, что дальнейшее такое бестактное поведение т. Ковалева с точки зрения политической этики терпимо быть не может, в то же время, ценя его заслуги по борьбе с бандитизмом и зная, что он непосредственно в служебном отношении не подчиняется командованию нашего уезда, настоящим уисполком просит Вас принять соответствующие меры к укрощению пылкого командира и призвать его к порядку в порядке команды, иначе уисполком вынужден будет отказаться от услуг т. Ковалева, как бы ценны они не были»[6, л.186]. Отряд был расформирован в середине мая. Во время чистки партии осенью 1921 года Дмитрий Ковалёв и Яков Рыбкин получили следующее решение товарищей по партии: «Сделано внушение.1. Ковалев Дмитрий. За некорректное поведение при подавлении беспорядков – среди беспартийных и мирного населения. 2.Рыбкин Яков – За некорректность как коммуниста».

Внесудебные расправы тогда стали обычным делом. Даже спустя многие месяцы после восстания, в декабре 1921 года, районные начальники милиции в Тобольском уезде, вместо отправки арестованных в уезд, расстреливали их на месте. Жестокость порождала ответную жестокость.

Части Красной армии, подавлявшие мятеж в Петропавловском уезде занимались, по признанию начальника 21-й дивизии Ф.Егорова, массовыми грабежами. В станице Боголюбовской красноармейцы 26-го кавалерийского полка ограбили дома всех местных жителей и разорили церковь в Михайловской. В Новорыбинской конфисковали у казаков 60 подвод [24, с.299]. Реальную опасность для новой власти представляли священнослужители. В.И.Ленин писал тогда: «Чем большее число представителей реакционного духовенства... удастся нам расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [АПРФ.ф.3.оп.60,д.23].

«Первыми жертвами стали ныне канонизированный епископ Петропавловский Мефодий и несколько священников Вознесенского собора, имена которых пока неизвестны, обвиненные в том, что якобы колокольным звоном встречали восставших при захвате ими Петропавловска. Коммунисты не приняли во внимание того, что восставшие пришли ровно в 4 часа дня, когда, как всегда, заблаговестили к вечерне. Тело архиерея долгое время лежало на пустыре, на пути к вокзалу – для назидания. Некоторые из священников по приговору судов были отправлены в концлагеря» [к.ф.н. Шатилов С.Ф.]. Были расстреляны священники о. Владимир Панькин (с. Благовещенское), о. Александр Знаменский (с. Бугровое). В Омской тюрьме скончался о. Стефан Андреев, священник Пресновской церкви.

Летом 2023 года у села Башкирское Половинского района был найден прах нескольких человек. Было высказано предположение, что это группа людей была расстреляна 5 мая 1921 года проходящим через волость отрядом. Об это сообщает военком села Быков. Он приводит и список расстрелянных: священник села Воскресенское Андреев Василий Владимирович, священник села Башкирское Низковских Виктор Иванович, Мальцев Ефим Иванович, Ковалев Афанасий Иванович. Из Романово – Логиновский Матвей, Баранов Феофан, Сухарев Григорий, Худяков, из казачьего поселка Починный Кретинин Трофим (ГАКО. Ф.Р-635, Оп.1.Д.376.Л.89). 3 мая у деревни Жилино был расстрелян священник Байдарской церкви Н.В.Нагаров и

священник Марайской церкви Иван Михайлович Поляков (ГАКО.Ф.Р-635.Оп.3Д.4253.Л.15).

Находки у села Башкирское. 2023 год

Восстание закончилось поражением крестьянства и казачества и стало называться в официальной историографии «мятежом». Подобная участь постигла восстания в Кронштадте и Тамбовской губернии. Председатель Сибревкома И.Н.Смирнов в телеграмме В.И.Ленину 12 марта 1921 года сообщил, что в одном только Петропавловском уезде убито при подавлении восстания 15 тысяч крестьян, в Ишимском – 7 тысяч. За весь период восстания только в Тюменской губернии и Петропавловском уезде было убито свыше 35 тысяч крестьян. Ряд станиц были фактически уничтожены – например, Лобановская, Кокчетавского уезда.

В 1978 году автор познакомился со студентом – первокурсником Кустанайского сельхозинститута Петром Понамаревым, уроженцем села Лобаново. Он был внуком казака, участника восстания. По словам Петра, дед утопил в реке оружие и сдался на милость победителей после долгого сопротивления. Население станицы подверглось жестоким репрессиям. Из истории 233-го Казанского полка стала понятна общая картина боев в Кокчетавском уезде [Винокуров О.А.].

Для ликвидации очагов восстания южнее Петропавловска была создана сводная Южная группа во главе с Е.В.Полюдовым(1887-1937 гг.). В её состав вошли 253-й и 233-й стрелковые полки, 26-й кавполк и батарея 75-го артиллерийского дивизиона[24,с.256].

При ликвидации наиболее значительных повстанческих гнезд перед наступлением в полной мере было предписано использовать огонь артиллерии, дабы избежать излишних потерь. При этом следовало артиллерию не дробить по отдельным орудиям, а действовать взводами. Бойцы подразделений были участниками гражданской войны, имели большой опыт боевых действий в составе 5-й армии, разгромившей чуть более года назад войска адмирала Колчака.

24 февраля в середине дня 233-й Казанский полк выгрузился из вагонов в Петропавловске, куда прибыл из Бийска. После разгрома повстанцы ушли на север и запад вдоль железной дороги. Казанский полк вечером выступил по тракту в направлении Кокчетав. Бойцам была поставлена задача – поимка бандитов и ликвидация преступных элементов.

26-го февраля около четырех часов вечера конная разведка полка натолкнулась у села Богодуховское на небольшой отряд. Разведчики зарубили четырех человек из заслона и заняли село без боя. Всадники продолжили преследование группы из десятка человек, попытавшихся удраить на подводах в сторону села Сухотино. Одним из убитых оказался командир повстанцев Фролов. При нём обнаружались документы, из которых стало ясно, что в селе Сенном есть небольшой отряд, а руководит всеми восставшими из села Новоявленское полковник Кудрявцев.

В начале марта 233-й Казанский полк расположился в Богодуховском, проводя активную разведку во всех направлениях. 4 марта полк выступил на Алексеевку. В нескольких верстах от Алексеевки пешая разведка наткнулась на противника, наступавшему навстречу полку. Красноармейцы, не ввязываясь в прямое боестолкновение, отстреливаясь, начали отход. Конные разведчики поскакали определить фланги повстанцев и после этого полк стал быстро разворачиваться. Красноармейцы понимали, что быстрота обеспечивала победу во встречном бою. Во фланг противника зашла обходная колонна и заработали пулемёты «максим». Пулемётный огонь прижал наступающие цепи к земле, а потом заставил побежать, безрассудно, во весь рост. Паника охватила наступавших, они бежали по направлению к Кокчетаву, бросая оружие и раненых. У повстанцев потерь было много, у красноармейцев в полку были ранены двое. На следующее утро бойцы двинулись на Кокчетав. Бой состоялся в 8 верстах от города. Пехота действовала в лоб, конница работала по флангам. Повстанцам удалось на два часа задержать продвижение регулярной армии, но всё решила артиллерия. Арт-огонь заставил обороняющихся покинуть позиции и отступить к Зерендинской. Конница Полюдова обошла город и многих порубила при отступлении. К вечеру Кокчетав был взят и очищен от повстанцев. 8 марта Казанский полк двинулся на Ермаковку. В течение нескольких дней приходилось с боем брать села – повстанцы откатывались из одной деревни в другую и его сопротивление усиливалось.

11-го марта Е.Полюдов телеграфировал в Омский губком РКП (Б): « С рассветом будем наступать на главные гнезда бандитов: станицы Лобановская, Челкарская, Антоновский поселок. Заметно умелое руководство бандитами. У них есть офицеры, правильно организованные части. Численность противника определяется в указанных гнездах в пять или шесть тысяч»[19, д.578].

Штурм одного из крупных очагов восстания, состоявшего из пяти станиц – Челкарской, Лобановской, Аиртавской, Имантавской, Арык-балыкской, начался 12-го марта. Восставшими руководили кадровые

офицеры – войсковой старшина Иван Матвеевич Пелымский, офицеры Алексеев, Сизухин [24, с.259].

Полюдов Е.В.(1887-1937)

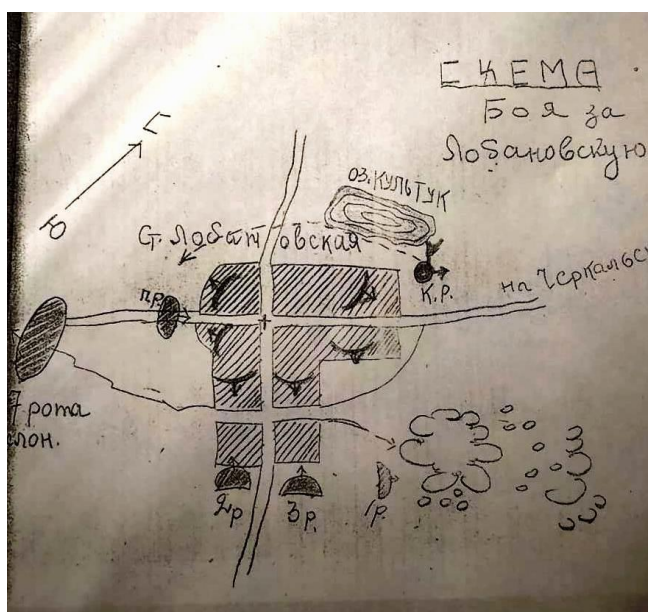

Схема боя за Лобановскую

К вечеру из Кокчетавской группы войск ушла оперативно - разведывательная сводка:

«Две роты и команда пеших разведчиков 233-го полка после полуторачасового боя заняли деревню Троицкое. Из опросов жителей выясняется, что в станице Лобановская сконцентрированы большие силы банд вместе с двумя штабами: Петропавловским и Лобановским, перешедшим из Кокчетавы. По тем же сведениям сообщается, что банда, обороняющая деревню Троицкое, частью отступила в сторону станицы Лобановская, частью ушла в сторону поселка Ермаковский и частью

разбежалась в лесах, что в 5 верстах восточнее деревни Троицкое. Обороняющиеся банды были вооружены винтовками, берданками и пиками. Судя по слабому огню, открываемому бандами, у противника большой недостаток патронов. После занятия нами деревни Троицкое 233-й полк перешел в наступление на поселки Ефремовский, Ермаковский и Ново-Ермаковский и занял ряд хуторов и заимок, прилегающих к этому району. Сегодня в 4 часа 30 минут 233-й полк пошел в наступление на станицу Лобановская. Результаты наступления пока неизвестны»[19, д.585].

В 8 часов утра 12-го марта 1-й батальон Казанского полка с пешей и конной разведкой, пулеметной командой, при поддержке взвода артиллерии вышел к крупной казачьей станице Лобановской. 2-я и 3-я роты развернулись в цепь и повели лобовое наступление с юго-востока, от кромки леса. Снег был довольно глубоким и мешал быстрому передвижению. Бойцы 1-й роты прикрыли правый фланг батальона со стороны леса. Пешая разведка и пулеметная команда двинулись в обход станицы, стремясь отрезать отступление противника на Аиртавскую и Имантавскую. Конная разведка в 30 сабель обошла станицу справа, отрезав противнику дорогу на Челкарскую. Командир батальона Маклашевич повел в бой пехоту. Взвод конной разведки, проскакав две версты, неожиданно напоролся в лощине на засаду – конный отряд до двух сотен всадников. Командир разведчиков Черепянский развернул в лаву своих всадников – противник был обращен в бегство. Не успевшие ускакать в короткой схватке были изрублены. Черепянский вышел к озеру Култук, перерезав дорогу на Челкарскую, в которой были повстанцы. В это время бой на южных подступах к крайней улице только разгорался. Цепи казанцев во главе с комбатом постепенно приближались к окраине, поддерживаемые пулеметным и артиллерийским огнем.

Бой за Лобаново. Реконструкция автора

Из станицы стреляли прицельно, уже были потери – убитые и раненые. На самой окраине тяжело ранили Миклашевича. Командование батальоном принял командир 1-й роты Никонов, но командовал он недолго – побежал в наступавшую цепь третьей роты и был убит наповал. 2-я рота ворвалась в деревню, бойцы побежали по улицам, которые казались пустыми. Новый комбат понял, что надо немедленно вводить в деревню третью роту. Поспешил это сделать, но не успел. Вдруг раздался звук набатного колокола станичного храма. Неожиданно для наступающих со всех дворов на улицы высыпали казаки с пиками и вилами и бросились на красноармейцев. Командир роты Обухов не растерялся, успел отдать приказ – рота отскочила, залегла за плетни и начала отстреливаться. Постепенно начали отходить на крайнюю улицу, к товарищам третьей роты. Раненый Обухов лежа успел подать команду: «Переулком, отходить с огнём!» и был заколот пикой. Был ранен и командир третьей роты Пушкин. На крайней улице цепи залегли и не могли двинуться ни вперед, ни назад – сильнейший огонь из станицы заставил вжаться в землю. Разведчики и пулеметная команда, ворвавшиеся с тыла, вынуждены были отступить и залечь под огнём. Артиллерия в это время стреляла по северной части Лобановской, там горели несколько домов. К станице выдвинулась 7-я рота, пришедшая к 11 часам и тут же вступила в бой с повстанцами из Имантавской, шедшим на помощь лобановцам. Конную разведку окружил в восточной части недобитый ранее противник, но тут подошли бойцы двух взводов и атаки удалось отразить. В Челкарской тоже шёл бой – слышались разрывы снарядов и пулемётная стрельба. В час дня повстанцы вновь попытались сбить заслон седьмой роты со стороны Имантава, но неудачно. До пяти часов продолжался бой. Лобановская была взята. Потери Казанского полка составили 36 убитых и 70 (по данным командира полка) раненых. Со стороны противника убитых и раненых было более 1100 человек...

Современное село

Повстанцы проявили в Лобановской «необыкновенное упорство и ожесточение», среди защитников были женщины и дети. Лобановские казаки отличались вольнолюбием, развитостью, сплоченностью, на военной службе выделялись подтянутостью, расторопностью, яркой внешностью, громадными чубами. С гордостью говорили: «Мы-лобановцы» [24, с.259].

14 марта состоялся разговор по прямому проводу помглавкома по Сибири В.И.Шорина и начштаба Кокчетавской группы советских войск Чуракова.

Кокчетав. Чураков: «Как уже сообщалось вчера, Лобановская, по донесению комполка-233 от 9 часов 13.03, оставалась за нами. Противник производил целый ряд злостных, но безуспешных атак. Уличный бой в самой станице продолжался около двух часов. Пришлось с боем брать каждый дом, каждый сарай. И только тогда, когда станица была подожжена, она была очищена от банд. Оборонительной линии у противника не было. Бой проходил на улицах станицы. В домах казаков устроены были засады, откуда бандиты обстреливали наступающих. Положение становилось критическим. Банды с вилами, пиками и топорами бросались из-за углов домов в атаку, почему чуть ли не каждый дом приходилось брать приступом. Положение заставило поджечь несколько домов с целью выкурить пьяных, сидящих в домах и обороняющихся бандитов. В 12 часов деревня была очищена от банд»[19, д.595].

Лобановцы на Первой мировой войне

В 15 часов 30 минут повстанцы с подоспевшей к ним поддержкой повели новое наступление. После полуторачасового боя они были отброшены в сторону станицы Имантавская. В наступлении на станицу Лобановская с их стороны участвовало 1 300 человек пехоты, семьсот всадников, вышедших из станиц Челкарская и Аиртавская, и 800 человек

пехоты, и 400 всадников со стороны станицы Имантавская. В Лобановской находилось два штаба с пятьюдесятью штабистами, командующим – полковником Кудрявцевым и адъютантом Карповым. Им удалось уйти от преследования в Аиртавскую, куда отступила большая часть повстанцев. Меньшая часть отошла в сторону станиц Челкарская и Имантавская. Вооружение повстанцев – пики, вилы, топоры и немного винтовок, два пулемета Кольт и три авторужья Шоша. Потери у красноармейцев составили : сорок человек убито и до девяноста ранено. Потери противника: до 900 человек убитыми, количество раненых не поддается учету.

В Челкарской повстанцам в этот мартовский день удалось удержать свои позиции. В Челкарской и Лобановской 182-й и 233-й кадровые полки потеряли 75% командирского состава[19,д.595].

15 марта из Лобановской 2-й батальон Казанского полка выступил на Аиртавскую, которая была взята после непродолжительного боя. Противник не убегал, но постепенно втягивал в бой, заманивал. Повстанцы рассчитывали, что главные силы красных будут брошены на Аиртав, а в это время со стороны Имантава отряд в 400 штыков и 200 сабель на Лобаново началось новое наступление. Наступавшие после упорного боя отошли и позволили на своих плечах войти в Имантав красным частям. Оставшиеся бежали на Арык-Балык, Ермаковку и Нижне-Бурлакский. Около сорока подвод уехало на деревню Ново-Ермаковскую. В бою были убиты несколько повстанцев и 50 человек ранено[14].

16 марта в Арык-Балык отправился для переговоров политрук Емельянов с двумя красноармейцами. Сдались 140 арыкбалыкских и 25 имантавских казаков. Казаки сложили оружие – было сдано 50 винтовок, 25 шашек, пики и патроны. В стоге сена на одном из подворий Арык-Балыка был найден пулемет «максим». У деревни Чистополье, в 50 верстах к западу от Акан-Бурлукской по постановлению повстанческого Военно - контрольного совета на глазах семьи был казнён обвиненный во всех неудачах начштаба объединённого Сибирского казачьего войска А.Ф.Кудрявцев [24, с.261]. Войсковой старшина И.М.Пелымский был расстрелян в апреле 1921 года в Омске.

С 18 марта в Имантав и Арык-Балык стали прибывать разоружившиеся повстанцы. За два дня их насчитали около 1500 человек. 27-го марта 233-й Казанский стрелковый полк, выполнив задачу по ликвидации бандформирований, ушёл в Кокчетав.

6 апреля 1921 года начальник стрелковой дивизии Егоров доложил властям: «Казачество в Кокчетавском районе в большинстве своём революционно и вполне поняло свои заблуждения. С военной точки зрения казачество узнало силу красноармейского оружия!».

Очаг восстания в этом районе был потушен.

Из воспоминаний Подкорытовой Ольги Алексеевны (1904 г.р. записаны Константином Хребтенко, орфография документа сохранена): В станицу входили красные, а «наши» решили их встретить. Первым же залпом

из-за плетней снесли командира с коня и множество бойцов первых шеренг колонны. Завязался бой. Казаки сели на коней и ушли в степь. Красные ушли за ними. В степи бой продолжался до зари. Бабы в страхе ждали – кто вернется. Вернулись красные. Небольшая горстка по сравнению с прежним количеством. Но, злые с боя, смертельно усталые и израненные. Первыми их словами были: «Да за одного только командира вас всех перестреляем! А за товарищей погибших и всю станицу сожжём!». Но по вековой природе мудрые бабы с воем повисли у бойцов на руках и растащили их по одному по хатам. А там накормили, перевязали и боевой дух пошёл на убыль, они позасыпали. Проснувшись, пошли дальше – «Ладно, живите...». До вечера бабы стащили в станицу убитых казаков и красноармейцев. И было и тех и других столько, что персональные могилы вырыть было невозможно. Поэтому выкопали рядом две большие братские и сложили в одну красных, а в другую своих станичников. Отпели и тех и других. А ночью втихую сползлись домой недобитые казаки...». Так был уничтожен мощный очаг сопротивления в Кокчетавском уезде.

В районе, куда в конце февраля направлялся Дурнев, ситуация была тоже напряженной. Так в июле 1920 года в Курганском уезде действовал «Первый сибирский освободительный отряд», состоящий из 2000 дезертиров, составивших два полка – Михайло-Архангельский и Георгиевский. Ими руководил Франц Стракшус, служащий почтово-телеграфной конторы города Кургана.

Отряд был разгромлен летом 1920 года 5 июля командир и его штаб были арестованы в Глядянском на Тоболе, остальные ушли в другие отряды. [ГАКО. Газета «Красный Курган, 29.12.1920/ф.635, оп.1, д.257, л.363-373].

В Нижне-Алабугской волости действовала «синяя армия», численностью до 500 человек. Основную её часть составляли дезертиры, прятавшиеся по лесам и остатки «Первого сибирского освободительного отряда» [16].

Впрочем, чекисты зачастую изобретали заговоры и выдавали поимку заговорщиков за свой успех в борьбе с контрреволюцией.

В первой половине декабря 1920 года в районе села Глядянское и станицы Звериноголовской Курганского уезда появился отряд вахмистра И.А.Землина, уроженца поселка Озерный Звериноголовской станицы, и его адъютанта прапорщика А.П.Рогозина (Рогожкина?), под белым знаменем с лозунгом: «Не давайте разверстки, убивайте коммунистов».

Отряд Землина расположился на тракте Звериноголовская-Курган и заворачивал назад хлебные обозы, заявляя, что Землин отменил продразверстку. 12 января в деревне Дубровке был расстрелян член Глядянского волисполкома, командир продотряда, георгиевский кавалер Иллприон Иванович Постовалов. В ночь перед этой акцией все милиционеры окрестных сел собрались в Глядянке для просмотра спектакля местной художественной самодеятельности. Землин с Рагозиным были здесь же, выясняя обстановку. Постовалов был убит утром, когда милиционеры

разъехались по волостям. Возле Ялыма был убит милиционер Нижне-Алабугской волости Ермаков, в Плотниково убили военкома Мохова и уполномоченного по продразверстке Кацыло. У Мочалово застрелен боровлянский коммунист Моталкин, а у Боровой – мочаловский коммунист Бутаков. Конный отряд Ф.М.Макарова погнался за Землиным. Часть бандитов арестовали в Верхней Алабуге, но Землину удалось скрыться[40].

Он предпринимал попытки расширения своего влияния. В частности, группа до пятидесяти всадников появилась в районе Плотниковской волости Курганского уезда, вблизи границ Петропавловского уезда. Они ворвались в исполком, убили волвоенкома, одного продагента, милиционера. Провели мобилизацию населения 18-45 лет, обязав мобилизованных явиться к 15 января в станицу Звериноголовскую. Другая группа появилась в Становской волости Куртамышского района. Вскоре обе они были ликвидированы, остатки отряда отошли в Киркрай [16].

После нападения на Звериноголовскую милицию и почту отряд Землина ушел через Отряд-Алабугу в Сибирку, родину Ильи Павловича Жукова, присоединившегося к ним. Прапорщик Жуков действовал в этом знакомом ему районе осенью 1919 года. С отрядом в 36 сабель он занимался поимкой дезертиров из колчаковской армии. Тогда он расстрелял четырех жителей своей родной станицы. Жуков был пойман в конце января и 20 февраля расстрелян в Куртамыше в возрасте около 40 лет [О.А.Винокуров, письмо автору]. Землин имел связь с сибирскими казаками, в частности, побывал в Пресноредуги.

Разведсводка сообщала: «Белые банды в ночь с 12 на 13 января после принятого боя скрылись неизвестно куда. Звериноголовская очищена от банд и занята нашими войсками. Звериноголовский гарнизон состоит из трех пеших отрядов».

В начале февраля Иван Землин появился в Кургане. Здесь он возглавлял заговор, в который были вовлечены некоторые командиры 206-го полка и руководители ряда советских учреждений. Землин имел связи с Челябинском, Омском и организацией Ивана Денисовича Жвалова. Его целью было поднять восстание в военной части – отделении конезапаса. Однако время для выступления было упущено. Этот заговор, по мнению О.А.Винокурова, не имел связи с крестьянскими мятежами.

В ночь с 13 на 14 февраля он явился на квартиру своего командира, убил его и жену, ворвался на склад с вооружением и, загрузив телегу оружием, скрылся в южных районах Курганского уезда (ныне Притобольный и Звериноголовский) [textarchive.ru. Страницы истории зауральской полиции. с.5-6].

В середине февраля Землин вновь контролирует Звериноголовский тракт. Макаров и пять милиционеров выехали в Лаптево, чтобы восстановить доставку в город хлеба, но в стычке с отрядом Землина погибают Макаров, Михеев, Хайрулин, Кирильчик. Вышедший из Утятки отряд коммунистов,

состоящий из сорока человек, пытается изловить Землина, но теряет его у деревни Пестерево Варгашинского района[41].

Отряд милиционеров, красноармейцев и активистов под командованием военкома Озернинской станицы, получил сведения об ауле, в котором прятались бандиты. Завязался бой, в ходе которого основное ядро банды было уничтожено или взято в плен. Землин с Рогозиным на лошадях сумели скрыться.

Отряд военкома продолжал идти по пятам Землина и выследил его в селе Николаевка Звериноголовского района. Перестрелка продолжалась долго. Один из бойцов отряда бросил в окно гранату – осколки которой убили обоих. По другим данным Землин был убит в конце февраля 1921 года в перестрелке в д. Острова Березовской волости [31,с.105-106].

Николай Александрович Воденников (1906 г. р) вспоминал: «В конце ноября 1920 года я как военком организовал боевой отряд из продармейцев, который следил за бандой Землина. В конце февраля 1921 года нам удалось выследить Землина и Рогожников в небольшой деревне Острова, Березовской волости, в одной землянке, в семье были муж с женой и мальчик 10 лет. Во время перебежки они нас заметили, и началась стрельба из землянки. Я дал распоряжение своим продармейцам находиться под укрытием и мы стали давать ответы на выстрелы, т.к. знали, что здесь находятся бандиты. Через некоторое время вышел человек из землянки, но выстрелом с какой-то стороны он был убит. Бандиты были хорошо вооружены, и живыми их взять не удалось. Когда стрельба прекратилась, из землянки выбежал мальчик и крикнул, что они убиты. Когда мы зашли в землянку, оказалось, что враги были смертельно ранены. Это были Землин и Рогожников. Землина я лично знал. На двух подводах убитых увезли в г. Куртамыш. Так была разгромлена банда Землина. Фамилии продармейцев не помню, вскоре они уехали из с. Березово...». О Землине и его деятельности в Притоболье написано немного. Есть упоминание о нем в документально-художественной повести Ивана Меньшикова «Всадники Апокалипсиса» (Курган, 2025). Землин в ней – один из важных звеньев офицерского заговора, на которого возлагают большие надежды эмиссары из крупных городов Сибири.

В середине января 1921 года после ухода из Звериноголовской на территорию нынешнего Узункольского района Республики Казахстан Землин пленил в Отряд-Алабуге двух комсомольских активистов.

О Николае Дмитриеве известно, что он вступил в комсомол осенью 1919 года. Тогда он жил в деревне Озёрной. Среди сельской молодёжи заметно выделялся: был начитан, в поступках смел, напорист, умно, по-взрослому рассуждал, хотя ему едва исполнилось 16 лет. Комсомольцы Озёрного избрали его своим вожаком. Под новый, 1921 год, Звериноголовский райком комсомола проводил совещание комсомольского актива, на котором присутствовал и Николай Дмитриев. После совещания участники его разъехались по сёлам создавать комсомольские ячейки.

Николаю было поручено провести такую работу в Отряд-Алабуге, где всего-навсего был один комсомолец – Ваня Копылов. В селе Дмитриева знала вся молодёжь, ведь он здесь родился. Провёл там три собрания, после которых проходили вечеринки – пели песни, частушки про кулаков, попов. А после третьего собрания в посёлок вошли землянцы. Истязания, издевательства над двумя безоружными комсомольцами. Колю раздели донага, вывели на мороз, на шею накинули верёвку, привязали к облучку кошевы, погнали коней. Остановились лишь на границе с Казахстаном и здесь по приказу Землина Колю зарубили. Ваню растерзали где-то в казахстанских степях» [плакат "За власть Советов в Притоболье". Глядянка, 1987].

Николай Петрович Дмитриев

Рассказ о гибели Николая был записан поисковым отрядом, который в 1963 году отыскивал его мать Глафиру Николаевну, сестер Галину и Ольгу и комсомольца 1919 года Ивана Васильевича Клевакина. Коля был сыном озернинского священника Петра Васильевича Дмитриева. Александр и Владимир Дмитриевы служили в Красной армии, послушавшись отца. 14 января 1921 года Колю зарубили в урочище Красный столб, где в XVIII веке проходила межа между Оренбургской и Тобольской губерниями, а сейчас проходит граница между Казахстаном и Россией. Через месяц тело комсомольца перевезли в Куртамыш и 19 февраля захоронили в братской могиле на площади Революции. 27 июня 1963 года на месте гибели был установлен временный обелиск с надписью: «Здесь в ночь на 14 января 1921 года белобандитами убит комсомолец Коля Дмитриев. Экспедиционный отряд № G4019. Куртамышский дом пионеров и школьников, июль 1963 года». В 1968 году был поставлен памятник [33].

«Памятник Николаю Дмитриеву стоял как раз на границе, в 15-20 м от того места, где стоял Красный столб. Их разделяла дорога. Последний раз видел его в 1999 году. Состояние памятника было удовлетворительное. В середине 70-х бывал на том месте с казаком из Сибирки Махневым Василием Осиповичем. Он мне показывал место, где была возведена арка и где стоял

Красный столб. На том месте был круглой формы, сильно оплывший курган, возвышавшийся над поверхностью 15-20 см.» [Э.Крейтер. историк, краевед].

Надо добавить, что арка была поставлена в июле 1891 года – здесь сибирские казаки провожали цесаревича, будущего последнего императора России Николая II. Арка простояла до августа 1919 года и была разрушена бойцами 26-й дивизии. Я фотографировал памятник в 1989 году, когда не было границы. Фото, сделанные по моей просьбе в 2022 году, говорят о сильном его разрушении.

Памятник на месте гибели Дмитриева в урочище Красный Столб.
Слева фото автора 1989 года, справа – лето 2020 года

Осенью 1921 года пресногорьковским отрядом ЧОН командовал демобилизованный из рядов Красной армии Федор Николаевич Церахто (1900-1990). Рота насчитывала полтора десятка человек и взвод кавалерии, состоявший из казахов Анастасьевской волости, которым командовал казак из Камышловки Ларюшин. Взводными были бывший вахмистр Борис Бедрин и Григорий Зубцов, комендант Пресногорьковки. Об этом рассказывает Фёдор Церахто: «Созданные во время мятежа отряды из местных активов списочно оставались существовать под названием ЧОН (части особого назначения). Числящиеся по списку бойцы жили по своим домам и работали на своих работах. Отрядами руководил АкмолгубЧОН, штаб которого находился в Петропавловске. Каждый отряд в районах имел свой номер. Командирский состав был освобожденным и назначался штабом ГубЧон. Пресногорьковский райпартком рекомендовал меня и я был назначен командиром отряда № 3. Когда я вернулся из армии 1 июня 1921 года мне сразу же сообщили, что монастырь прекратил свое существование. Во время мятежа обитель оказалась гнездом главарей мятежа, за что игуменья и ее подручные были расстреляны. В домах на усадьбе монастыря

создан детский городок-приют, в котором находилось около трехсот детей. А хозяйство передано первой артели «Труд», организованной в экономии монастыря моим братом Ильей Николаевичем, Николаем Костиц, Иваном Ивановичем Шиловым и др. Ночью из окна убили командира взвода нашего отряда товарища Зубцова.

Игуменья Евпраксия и ее правая рука, управительница монастырской казны Феофания были арестованы, как активные участники заговора. Было установлено, что главари восстания часто собирались на тайные сборища в монастыре. Я принял на себя руководство ротой ЧОН. В роте состояло на учете около 150 человек коммунистов и комсомольцев. Здесь был взвод кавалерии, состоявший из казахов аулов Анастасьевской казахской волости, командовал им казак из Камышловской Ларюшин. Руководящий актив состоял из знакомых ребят. Егор Никитович Чернооков руководил заготовительной организацией, Ваня Губин был уполномоченным ГПУ, Павел Ширяев – народным судьей, Паузин заместитель секретаря райкома. Но были и такие, которые не внушали доверия. Мой подчиненный, командир первого взвода Бедрин, был раньше казачьим офицером из богачей, председатель волисполкома Успенев и секретарь райкома Давыдов – темные, никому не известные личности. Вскоре Давыдова убрали, Бедрина я заменил. Вместо Давыдова секретарем стал Паузин – исключительно честный труженик. В ночное время через окно из винтовки смертельно ранили Зубцова (после пожара здания бывшего волисполкома в 2006 году в раме окна была обнаружена деформированная пуля калибра 7.62 мм – прим.С.В). Преступника найти не удалось. Вскоре после этого случая я шел поздно ночью на квартиру. Вышел на площадь. Вдруг из-за угла улицы выскочили два всадника. Я окликнул их, мне не ответили. Я выхватил браунинг и повторил вопрос, вместо ответа грянул выстрел. Пуля прожужжала мимо. Я упал на землю и сделал два выстрела. Всадники проскочили в другую улицу и скрылись. Пришлось каждую ночь назначать в станице патрули. Ночные дежурства несли комсомольцы 16-17 лет из беднейшего казачества, беззаветно преданные революции.

Однажды я получил сообщение о появлении банды, численностью в 25-30 всадников. Каждый из них имел на поводу запасного коня и все были хорошо вооружены. Я немедленно сообщил об этом по прямому проводу в Петропавловск. Штаб дал задание захватить и уничтожить банду. Я выехал с бойцами в район появления банды. По всем признакам, банда пробиралась на Тобол, в Курганский бор. Догнать не удалось. У железной дороги недалеко от станции Варгаши мы получили известие, что банда переправилась на левый берег Тобола, где наткнулась на засаду. Мы ушли на Пресновскую и далее на Пресногорьковскую.

Как-то в штаб ко мне явились трое мужчин. Назвали свои фамилии: Комах, Прохоров, Кочергин. Последних я немного знал, это были хорошие плотники и работали они с 1918 года в монастыре, строили новую церковь, третью по счету. Комаха был весь изуродован сабельными ударами. Они

рассказали следующее. В первые дни мятежа белогвардейцы арестовали Прохорова и Кочергина в монастыре за отказ участвовать в восстании и вместе с ними несколько человек. Под напором красного отряда белые ушли в район Семиполки, захватив пленных. Красные разгромили белых и взяли в плен вместе с ними и плотников. Никто не поверил, что они свои. При сортировке пленных Прохоров и Кочергин со слезами на глазах доказывали свою невиновность, но никто не верил, особенно после того, когда узнали, что они из монастыря, а монастырь был на особом учете, и именно их сочли активными участниками мятежа. В момент, когда плотников хотели отправить в тройку, в штаб вошел брат Илья и узнал Прохорова и Кочергина – они были его друзьями. Те бросились к нему, прося со слезами на глазах спасти их. Начштаба выслушал Илью и тут же отпустил их. В артель вошел десяток дворов, в том числе и наша семья. Все члены артели разместились в двухэтажном доме. Туда же переехал Илья со своей женой Марфой. Отец, мать и остальные дети оставались в Песчанке, поскольку отец был председателем сельсовета, но вся семья считалась членами артели, так как при ее организации принимала активное участие. Артели передали все сельскохозяйственные машины, более десяти пар лошадей, несколько пар волов, коровы и до сотни овец, ветряная мельница и кузница[22, с.356-357].

О том, что обстановка была тревожной и через несколько месяцев после подавления Западно-Сибирского восстания свидетельствует оперсводка от 17 августа 1921 года по Челябинской губернии: «Развивается мелкий уголовный бандитизм. В Курганском уезде наблюдается действие мелких банд, в Пресногорьковском районе оперирует банда численностью в 500 человек. Бандитизм усиливается, население сочувствует бандам»[16, с.6].

Несмотря на это гражданская война в крае постепенно затихала. Казаки, ушедшие с белыми, продолжали вести борьбу против Советов на Востоке.

Начальник ЧОН Церахто и Паузин. Пресногорьковка. 1922 год

Командующий 1-й Народной армией Пресногорьковского района урядник Иван Иванович Дурнев оставил Пресновскую линию со своим отрядом после приказа от 5 марта 1921 года начальника штаба отрядов Народной повстанческой армии Петропавловского уезда, в котором говорилось: «Ввиду продвижения противника, который воспользовался разложением народных войск, мы вынуждены теперь отойти для присоединения к южному фронту дивизии Токарева, находящейся в селе Николаевское для слития с ними и ведения наступления. Гарнизон станицы Пресновская, находящиеся в ней и проходящие войска из Лапушного, Казанского, Островского должны двигаться на Рождественский, Троицкая, Спасское Кубичи, а всем отрядам в районе поселков Железный и Богатый двигаться через Новорыбинский, Троицкий, Спасское, Кубичи (Никольское, Николаевка – прим. С.В.). В Кубичах будет сформирована из всех частей дивизия, которая вольется в расположение главного штаба, а также с присоединением кокчетавских войск к дивизии Токарева будет совместное наступление. [19,с.355].

После 8 марта дивизия покинула Пресногорьковскую линию сибирских станиц и двинулась на юго-восток, на Троицкое - Спасское - Кубичи. Они надеялись на соединение с дивизией Токарева и с «кокчетавскими войсками» и на переход в контрнаступление [Сибирская Вандея, 2001. С. 355]. В селе Корнеевском отряд Дурнева влился в казачью дивизию Токарева. Сам Иван Дурнев был назначен командиром 1-го Сибирского казачьего полка, имевшего около 400 сабель. Объединенные отряды из нескольких очагов восстания направились на юг, в обход Кокчетава.

На подходе к Каркаралинску повстанцы убили в селе Миньковка (ныне Байкадам) трех человек, в селе Санниковском (Ботакара) тринадцать человек, в селе Пролетарском коммуниста Пискунова, разрушили хозяйство коммуны «Цвет жизни».

6 апреля 1921 года Токарев с отрядом в 2,5 тысячи человек на 700 подводах вошёл в Каркаралинск, где в это время находилось около 50 красноармейцев и 60 коммунистов, не сумевших оказать сопротивление. Все они были задержаны в народном доме, где собрались на совещание. После допросов и пыток были убиты 70 человек, в том числе делегат 8-го Всероссийского съезда советов, учительница из Пролетарского Н.Иванова. 12 апреля. За двое суток до прихода частей Красной армии Токарев покинул город.

При взятии Каркаралинска, 6 апреля, Иван Дурнев командовал 1-м Сибирским казачьим полком, наступающим в авангарде. Красный заслон в селе Бута-гора полк Дурнева разгромил, зарубив около 50 человек красноармейцев [25, с.128]. Наступающая дивизия захватила 400 винтовок. На судебном процессе 1925 года над И.И.Дурневым утверждалось, что в самом бою «в горах около Каркаралинска» и в ходе расправы после его окончания повстанцы уничтожили «в общей сложности 360 красноармейцев» [25,с.125].

Здесь 1-я казачья Сибирская дивизия и Первая Курганская освободительная дивизия были объединены в Сибирскую народную дивизию под командованием подхорунжего С.Г. Токарева.

Из показаний свидетелей наиболее отличились в расправах старший урядник командир 1-го Сибирского казачьего полка Иван Дурнев и командир сотни Григорий Грязнов, вахмистр из Пресноредутской. Около ста человек ушли из города вместе с повстанцами, в том числе коммунисты Н.Цеслинская, В Хаумов, А.Калчанов, Дьяконов, Быков. Позже на следствии Дурнев показал, что приговоры исходили от следственной комиссии во главе с Капустиным. С.Г.Токарев и И.З. Сизухин на допросах в Новониколаевске в мае 1922 года называют основным виновником бандита Новикова и его отряда, состоящего из уголовных элементов. Дурнева и Грязнова в их показаниях нет.

Петропавловские чекисты прислали показания свидетельницы Елены Утковой, работавшей ранее учительницей в селе Сенжарском бывшего Петропавловского уезда. После захвата села Елена Уткова была насильно увезена бандитами, ее заставили вести канцелярские дела. Свидетельница написала о том, что в Каркаралинске было расстреляно много красных и им сочувствующих, это преступление совершили казаки сотни Григория Грязнова. На околице Каркаралинска бандиты окружили большую группу жителей и всех их уничтожили там же. Так они поступали на своем пути во всех селах. Я собственными глазами видела, как они глумились над честными людьми». Много достоверных материалов поступило из Акмолинска. Чекисты этого города приняли соответствующие меры по поимке бандитов, участвовавших в побоище в Каркаралинске и вернувшихся домой. Так был пойман И.И.Дурнев, активный пособник в расправах над коммунистами. Акмолинский чекист Голованов допрашивал Дурнева и услышал от него следующее:

-В селе Кабановском Петропавловского уезда я обманом и угрозами сколотил отряд из 65 человек. Некоторые были вооружены ружьями. Большинство же пиками и вилами.

-Сколько человек вы расстреляли в Каркаралинске? – спросил Голованов.

-Около восьмидесяти.

Из показаний Дурнева стало ясно, что приговоры о расстреле советских людей исходили от следственной комиссии банды, возглавляемой садистом Капустиным».

Во время процесса над Дурневым суд выслушал показания Софьи Складаровой: «В наш дом ворвались человек десять – пятнадцать с криками: «Руки вверх!»... Бандиты вынесли все имущество, имеющее мало-мальскую ценность и погрузили на бричку. Они заставили нас раздеться, одежду тоже забрали. Мы голыми прошагали в мороз около десяти верст. По дороге дядю били нагайками. Нас пригнали в штаб дивизии. В землянке за столом сидели семь человек. Среди них был и Дурнев. Задавали один и тот же вопрос,

коммунисты ли мы. Не дожидаясь ответа выводили на обочину дороги для расстрела. Один из палачей девчонку пока не убивайте! Мы устроим свадьбу! Дурнев на коне подскакал к нам. Меня поспешно посадили на бричку, А дядю Семена и Нугмана, жаль, фамилию не знаю, при мне изрубили шашками. Дурнев лично расправился с моим дядей. В этот момент я потеряла сознание. Пришла в себя лишь когда подъезжали к деревне, в которой мы жили. Бандиты избили моего отца, а затем связали. Все наше имущество забрали. За околицей деревни бандиты зарубили отца и еще несколько человек. Я была вне себя, но запомнила, что творили бандиты в пути на Каркаралинск. Длинная колонна двигалась, словно ядовитая змея. В аулах и деревнях бандиты меняли лошадей. Издевались надо мной, плевали в лицо и кричали, что доберутся еще до моих двух братьев-коммунистов»[34,с.127-129].

Дивизия с боями пробивалась в Китай и в конце апреля, перевалив хребет Тарбагатай, оказалась в Синьцзяне. На реке Эмиль – хо 1700 бойцов Народной дивизии соединились в середине мая с 4-ым Оренбургским корпусом генерала А.С.Бакича. В течение всего 1921 года соединения вели активную борьбу против красных на территории Китая и Монголии[4, с.52-58]. Генерал-лейтенант Бакич присвоил Токареву, Дурневу и Сизухину звание «полковник». Несмотря на этот факт, в сентябре 1921 года 1-м Сибирским казачьим полком командует полковник Могилев, по-видимому, кадровый офицер корпуса. Возможно, бывший урядник был поставлен командовать сотней в полку.

Канахин А.П.,ст.Пресногорьковская, ушел в Монголию

1-й полк сдался красным частям 31-го октября без командиров, всего 282 человека. Оставшиеся были переформированы в две роты и попали в плен с Бакичем под Уланкомом.

Конец отряда А.С.Бакича был трагичен. Вот как описывает эти события В.А.Шулдяков: «Бакич с остатками своего отряда бежит в Монголию – в Улангом. Теперь не только бойцы, но и сам железный генерал ощущает безысходность. Силы исчерпаны. Парализована воля. В ночь с 29 на 30
89

декабря 1921 года Бакич и с ним 700 белогвардейцев и повстанцев (среди которых был полковник С.Г.Токарев и И.И.Дурнев – прим.С.В.) капитулировали перед монголами. Согласно легенде, Бакич вытащил из кобуры и отбросил в сторону револьвер, взял в руки большой деревянный крест и так пошел во главе колонны своих людей – сдаваться»[24,с.338].

В Урге 3 февраля 1922 года 20 руководителей были переданы Советам. В Новониколаевске двадцатку судил Е.М.Ярославский, старый большевик-ленинец, он и зачитал в мае 1922 года расстрельный приговор.

Непонятно, почему Дурнев не был арестован вместе с офицерами Бакича, имея высокий чин в отряде. Правда в списке сдавшихся он записан как хорунжий. Офицеров увезли в Ургу, остальных погнали пешком по Чуйскому тракту в Бийск. Вместе с хорунжим Дурневым (41 год), сдалась восемнадцатилетняя Анастасия Степановна Дурнева, тоже жительница поселка Кабань Петропавловского уезда [О.А.Винокуров, письмо автору].

После разгрома отряда А.Бакича в Монголии многие казаки вернулись домой. Иван Иванович Дурнев (1881 г.р.) добрался до родной Кабани, попрощался с семьёй и намеревался бежать в Польшу, но был арестован Акмолинским ГубЧК 4 июля 1922 года. По рассказам, он настоятельно требовал от дочери Марии немедленно выйти замуж, так как с его фамилией семья будет постоянно преследоваться. Расстрелян 4 июня 1925 года в Акмолинской тюрьме.

Вахмистр Григорий Еремеевич Грязнов (1889 г.р. посёлок Пресноредутский Пресногорьковской станицы) был приговорен Омским губсудом к 5 годам лишения свободы 21 июня 1923 года. Дальнейшая судьба неизвестна. В Первой мировой войне Грязнов служил в 1-м Сибирском казачьем полку и за отличие в бою 5 января 1916 года за взятие села Данишманд был награжден георгиевским крестом IV степени.

31 декабря 1929 года органы ОГПУ в Каркаралинске арестовали лиц, помогавших токаревым. Были расстреляны казаки З.В.Червев, Ф.Ф.Корнилов, М.Ф.Корнилов (родственники генерала Лавра Корнилова), П.А.Тысяцкий, братья Мокринские, Рязанцевы, М.С.Зотов.

Судьбы участников тех далеких событий во многом были схожи. Часть рядовых казаков после долгих мытарств вернулись на линию и были амнистированы. Но в конце 30-х годов почти все, кто уходил с Токаревым в Монголию, были репрессированы.

Командир красного эскадрона урядник Борис Федорович Бедрин был расстрелян в 1938 году. Его хорошо характеризуют воспоминания свидетельницы: «Мужчины в прошлые те годы погибали по руководству Бори Бедрина, без суда и следствия уничтожал. На кого-то имел злорадство с юных лет, он же был потомственный, из дворянского племени». Дворянство было пожаловано отцу Бориса сотнику Федору Бедрину за активное участие в подавлении крестьянских волнений в Зауралье, направленных против реформ П.Киселева в середине XIX века. О его дворянстве свидетельствует половинка чугунной надгробной плиты, найденной у стен

Пресногорьковской церкви. Надпись гласит: «...Почившего младенца дочери дворянина Нины Борисовны Бедриной, умершей 6 января 1907 года, прожившей на сём свете 4 года. Господи, прими дух ёя с миром». На момент ареста Борис Бедрин (1880 г.р. ст. Пресногорьковская) работал начальником почты в Сенжарке Мамлютского района. Был арестован 26 января 1938 года, а 5 февраля приговорен к высшей мере наказания

Веневцев Григорий Дмитриевич (1869-1946).
Георгиевский кавалер. Повстанец. ст.Починная

В 1937-м году был расстрелян и разведчик Игнатий Семенович Усачёв (1883, Кабанья - 1938). Работал инспектором госдоходов в Пресногорьковке. Арестован 16 ноября 1937 года Пресногорьковским РО НКВД. Осужден 29 декабря к высшей мере наказания. Молох революции требовал новых жертв.

Необходимо отметить, что Дурнев, Усачев, Грязнов, Токарев, Бедрин были «старинными» сибирскими казаками – их прямые предки встречаются в документах конца XVIII века в крепостях Горькой линии.

Трагедия крестьянско-казацкого восстания 1921 года не обошла стороной семью известного пресновского писателя Ивана Петровича Шухова, тоже потомственного казака. В 1969 году писатель составил план «Пресновских страниц», в котором отметил наиболее значимые события в нашем крае – войны, революции, восстания начала XX века, быт и обычаи горьколинейцев. Об этом писатель собирался написать. Выполнить столь грандиозную задачу Иван Петрович не успел – увидела свет лишь небольшая книжка, удостоенная Государственной премии им. Абая. В главе «год 1921-й» у Шухова значится: «Кулацко – эсеровский мятеж в Приишимье. Банда Ковалёва. Лозунг: «За базары – без коммунистов». Вторжение повстанцев в Пресновку. Брат на брата. Иван – с мятежниками. Дмитрий вместе с сестрой Паней – с коммунистами.. Я – ЧОНОВЕЦ. Несу караул в ночи у штаба ЧОНа.

Мой арест повстанцами. Казнь мятежниками Виктора Воропаева. Расстрел Нины Садчиковой и Нины Размановой. Гибель старшего моего брата Ивана. Отец откапывает в братской могиле труп Ивана. Привозит его убитого на салагах, укрытого рогожей к нам домой. Иван на скамье – в кухне нашего дома. Оттаивает. Кровь сочится в подставленные под скамью тазы и ведра. И в эти же дни – смерть молодой жены Ивана – Нины. И тут же смерть и их новорожденного сына»[26, с.566-567].

Шухов Иван Петрович. Фото середины 20-х годов

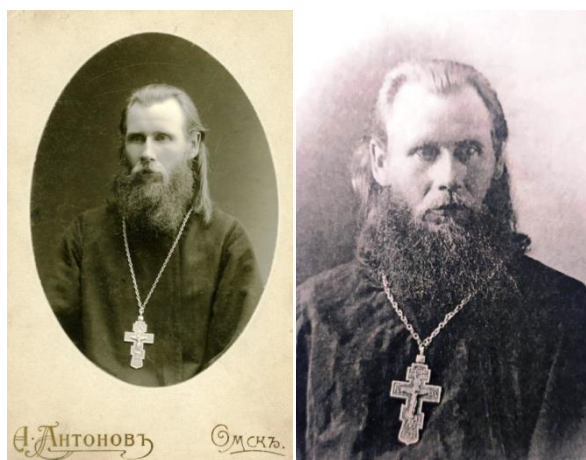
В сентябре 1977 года автору, тогдашнему выпускнику школы, привелось копать могильную яму в юго-восточном углу пресногорьковского старинного погоста, самом дальнем от входа на лежак. Здесь захоронений не было, лишь несколько невысоких холмиков, поросших пожухлой травой прошедшего лета.

На метровой глубине лом провалился в пустоту, из которой был извлечен большой человеческий череп. Копачи продолжали работу, и вскоре обнаружили рядом детские останки. По словам подошедших стариков, был поднят прах расстрелянного весной 1921 года священника Василия Преображенского и его дочери Екатерины, умершей тогда же в возрасте восьми лет. По воспоминаниям С.В.Преображенского, она была похоронена рядом с братом-близнецом Александром вскоре после возвращения из отступления на восток с белыми в январе 1920 года. Скорее всего, батюшка после расстрела был похоронен женой рядом с умершими ранее детьми. Это значит, что мы не потревожили прах третьего.

Захоронения постепенно заросли травой, холмики сравнялись с землей, и через шесть десятков лет бригада копателей выбрала уже ровное место для нового погребения. Фотографию священника автор впервые увидел спустя тридцать лет в журнале «Урал» (Екатеринбург). Известный драматург, пресногорьковчанин Николай Владимирович Коляда (1957-2026),

опубликовал в нём воспоминания сына священника. Сергей Преображенский побывал в Пресногорьковке в 1973 году и видел человека, некогда расстрелявшего его отца. Фамилию внук священника так никому и не сказал. Автору по косвенным показаниям удалось узнать имя палача, но по этическим соображениям обнародовать его не буду. Многие годы по селу ходили различные слухи об обстоятельствах расстрела. Из рассказов старожилов было ясно, что отец Василий принял мученическую смерть за веру. По воспоминаниям старой казачки Зенепрецово́й, каратели привязали его цепями к дубу, росшему рядом с почтовым трактом у леса Маяк, и долго пытали – кололи штыками. Жительница поселка Казанского Ульяна Железняк рассказывала, что батюшке сняли пластами кожу со спины в виде креста и, привязав за руки и ноги к телеге, выпустили лошадь в степь и долго таскали его по степи.

В 2015 году внучка священника Римма Ивановна Нерятина (Екатеринбург) вспоминала рассказы бабушки: « За дедом пришли вечером и обещали отпустить утром. На рассвете бабушка пошла в ревком, где ей отдали ящик с разрубленным телом» (*видео интервью с иереем Андреем Крутиным*). От горя у Александры Христофоровны развился неврит лицевого нерва, перекосило лицо. Сельчане не знали этого и говорили позже, что она гордо шла по станице и улыбалась вместо того, чтобы рыдать и рвать на себе волосы.

Никаких документов о суде над ним, обвинении и приговоре обнаружить не удалось. Скорее всего, таковых не было вовсе. Расстрельная команда не собиралась оставлять документальных свидетельств своих деяний. Была в ходу формулировка «за участие в шпионаже и грабеже», согласно которой был расстрелян церковный староста Петр Васильевич Лученинов и монахини монастыря. Любаве Андреевне, жене старосты, удалось выкрасть тело мужа у расстрельной команды и тайно захоронить. О месте погребения она не рассказывала даже внукам, боясь преследований[2, с.16-18...эл.рес.27].

Захоронение о. Василия также оставалось под запретом, о чём свидетельствует тот факт, что он был захоронен в дальнем углу кладбища,

без гроба, на небольшой глубине, даже холмика не осталось, не говоря уже о кресте. Храм, освященный в 1805 году, подвергся частичному разрушению и осквернению – на многие годы был лишен крестов, возвращенных лишь в 1991 году[27].

Летом 2015 года на месте захоронения священника при большом стечении паломников, был установлен поклонный крест и отслужена панихида в память мученика о.Василия Преображенского.

Архистратиго-Михайловский женский монастырь был захвачен отрядом ЧОН в марте 1921 года. Обвинив монахинь в том, что они снабжали оружием повстанцев отряда есаула Ивана Дурнева и прятали руководителей восстания, чоновцы арестовали игуменью Евпраксию, монахиню Феофанию, несущую послушание монастырского казначея и матушку Серафиму. Их увезли в Макарьевку и расстреляли на льду озера Церковного, против огородов Макара Садового и дядьки Прасола, у северо – западного берега. Убитые пролежали под мартовским небом всю ночь, а наутро тел не оказалось.

Игуменья Евпраксия. Фото 1917 года.

Лишь спустя год их местонахождение было обнаружено комиссией по изъятию церковной утвари – прах покоился в главном алтаре Троицкой церкви монастыря. По свидетельству очевидцев тела были обезглавлены, на груди игуменьи лежала большая черная книга. Той ночью жители Макарьевки Братчиков, Крюк на санях привезли тела в монастырь. Власти, с целью опровержения слухов о вознесении монахинь, выставили их останки на всеобщее обозрение. Тела были похоронены у небольшой часовни поселка Песчанка[1,с.319-324...эл. рес.27]. Старожилы окрестных поселков считают, что чоновцы забрали сестер из-за сокровищ игуменьи, которые, будто были спрятаны ею в монастыре. Но в ЧК считали, что в монастыре скрывались

некоторые вожди восстания, там же прятали оружие. Федор Церахто писал о ящиках с новенькими револьверами «Смит и Вессон». Еще до начала восстания местные чекисты докладывали в уезд «тормозами проведения мясной заготовки является агитация духовенства Пресногорьковской волости, где находится женский монастырь»[39, с.290]. Расправа с игуменьей по логике чоновцев была вполне оправдана – они являлись ярыми врагами новой власти.

Местные хорошо знали участников расстрела. Об этом говорит такой факт – через два десятилетия, в годы войны, в Макарьевку привезли анновского крестьянина, который должен был сменить на посту председателя колхоза Ивана Виниченко. Жители знали об участии его в расстреле и не хотели голосовать. Несмотря на это кандидата утвердили председателем. Жил один, на отшибе, ни с кем не общался.

Храм превратили в школу. В алтаре, где нашли тела монахинь, была учительская. В экономии на берегу озера открыли социалистическую сельхоз артель «Труд». В дальнейшем здесь был детский дом им. Ленина, в котором жили дети «врагов народа». Бывший священник Павел Дмитриевич Парханов служил в нем фельдшером и заведовал аптекой. Детдом просуществовал до середины 60-х годов. В послевоенные годы детгородок, по описанию Николая Лавринова, выглядел так: «Миновав последние деревья на бугре, оказываюсь в поселочке с теми же, что и до войны несколькими одноэтажными домиками, двумя двухэтажными зданиями и двумя сооружениями, по – прежнему непривычной формы, с неестественными кровлями, напоминающими теперь почему-то всадников без головы. Это – приспособленные под клуб и школу церкви бывшего женского монастыря. Потемневшие от времени строения, остатки садовой изгороди отдавали стариной, казались ветхими и тоже игрушечно маленькими. Непривычно тихо и безлюдно даже по сельским представлениям»[10,с.88]. Последний директор детского дома Николай Петрович Расюк рассказал автору о находке в старых подвалах трёх черепов с характерными отверстиями. Их нашли в 1966 году в подвале бывшего храма, служившего клубом, и погребли там, где много лет назад положили монахинь. Место захоронения в наше время определить не удалось – часовни давно нет, как нет и старушек, знавших эту историю[27]. В 2019 году монастырь был официально признан сакральным местом Северного Казахстана и нанесен на карту.

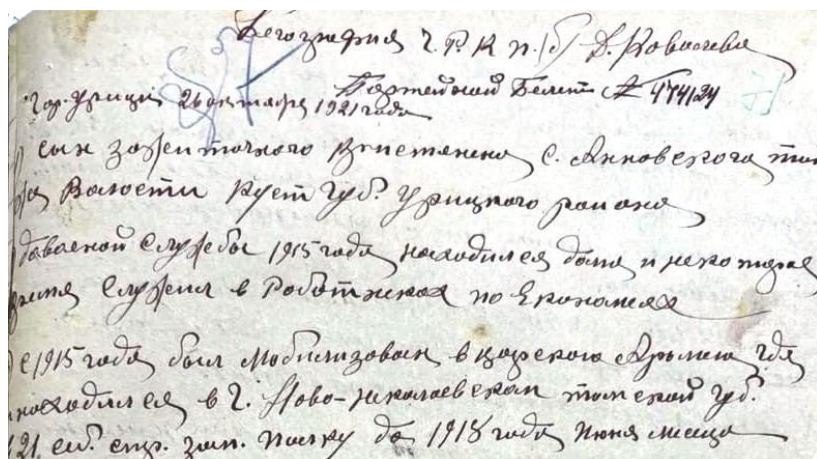
Само время выдвигало тогда на первые роли людей неординарных, бесшабашных, отчаянно смелых. Были среди них авантюристы, охотники за удачей. Многие из них по-нескольку раз переходили из одного лагеря в другой, командуя массами людей, подчиняясь страшной логике гражданского противостояния. Они неминуемо становились жертвами созданной ими же системы, служение которой не гарантировало спокойную старость, скорее наоборот. Молох революции пожирал своих детей вплоть до 1956-го года и лишь после известного съезда внутреннее противостояние обрело внутри системы другой уровень... Молчание свидетелей даже через

многие годы становится понятным – в гражданской войне нет победителей, остаётся только тяжкое чувство непоправимости и желание забыть то, что мозг стремится бессознательно вытеснить из памяти, иначе невозможно с этим жить.... Вот примеры таких людей.

Памятный крест на месте алтаря, где находились тела убитых монахинь

О командире партизанского отряда, созданного в период колчаковщины, Дмитрие Алексеевиче Ковалёве автор ранее писал в своих книгах. В воспоминаниях о нём много непонятного, противоречивого – и порой трудно отличить, где легенда, а где – правда. Часть информации найдено в биографии, написанной для комиссии по чистке партии (Н.В.Дрофа).

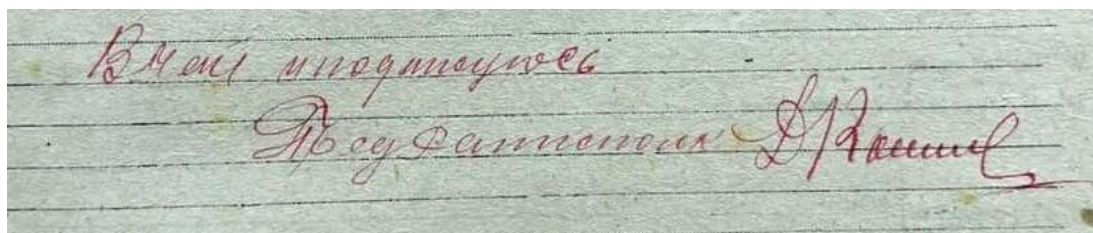
Биография Дмитрия Ковалева, написанная им осенью 1921 года (фрагмент)

Родился Ковалев на Дону в хуторе Крылова (автору не удалось определить где именно – в Ростовской области два хутора с таким названием). В начале столетия большая семья безземельного казака Алексея переезжает в Анновку, в «дальнюю Сибирь» – так называли тогда

карасульские степи. Поселок Анновский был основан в 1898 году на западном берегу большого озера Жаркуль. В нем проживало в 1914 году 1579 человек, в центре стояла каменная церковь. Сейчас Анновки нет – была упразднена, лишь развалины церкви, да бугры напоминают о некогда оживленном селе.

Дмитрий с детства опекал младшего брата Ивана, Они вместе окончили четыре класса. Отец отдал братьев в работники к богачу Куртанову, Ковалевы пасли его табуны в Омских и Исилькульских степях. До 1915 года «некоторое время служил в работниках по экономиям». Был призван в армию и отправлен в Новониколаевск (ныне Новосибирск), в 21-й Сибирский запасной полк. В 1916 году прошёл курсы пехотной школы и по их окончании произведен в младшие унтер-офицеры. Командовал 11 ротой 21-го полка. В 1917 году, будучи фельдфебелем, был избран председателем полкового комитета. На губернском съезде Ковалев под воздействием агитации вступил в партию эсеров, считая их защитниками интересов трудового крестьянства. После Октябрьского переворота 1917 года Ковалев вышел из партии эсеров и примкнул к большевикам. В ноябре был «избран комполка, где находился до отпуска». В феврале 1918 года принял участие в организации красногвардейского отряда особого назначения для противостояния офицерству Новониколаевского гарнизона. В мае Дмитрий отправился в Анновку в двухмесячный отпуск. Там его застал чехословацкий мятеж. В августе началась мобилизация в ряды Сибирской армии для борьбы с большевиками. Ковалев нашел в селе единомышленников и послал по уезду людей, агитировать против призыва на фронт. Из Петропавловска выслали чехословацкий отряд для разгрома ковалёвского подполья. Ковалёвцы ушли в степи, скрываясь в казахских аулах. После того, как опасность миновала, братья Ковалевы вернулись в Анновку, где Дмитрия избрали председателем Анновской волостной управы. До августа 1919 года Дмитрий наладил связи с товарищами из Петропавловска и Челябинска. « В сентябре 1919 года по приближению Красной Армии к Тоболу в Курганском уезде я был болен тифом в селе Анновка. Вдруг является брат Иван с Красной Армии, который мне описал положение Красной Армии и необходимость создания трудного момента в тылу колчаковской армии (так в документе – прим.С.В). Я, не считаясь со своей болезнью, сразу организовал партизанский отряд из крестьян и вступил в бой с колчаковской армией в тылу, где у меня находился отряд до тысячи штыков. В декабре я заболел возвратным тифом и остался на излечение г.Омске». Командование отрядом было передано брату Ивану Алексеевичу Ковалеву. «При Реввоенсовете 5-й армии товарищем Смирновым я был принят в партию РКП(б) Омской организацией». После выздоровления от тифа Ковалева командировали в распоряжение Петропавловского военкомата, откуда он был послан во Всесвятскую волость военкомом. Здесь был избран председателем волисполкома. Осенью 1920 был начальником отряда по подавлению банды «зелёных» в пределах Кустанайской губернии. В феврале 1921 года я был

назначен начальником сводных отрядов Пресногорьковской, Пресновской и Урицкой организаций РКП(б) для подавления белобандитов указанных районов. Я выполнил и много потерял своих красных бойцов. Белобандитов уничтожил, не укрывая и казня без пощады». «Со всей моей (неразборч..) видно, что меня заставило вступить в ряды партии борцов РКП(б) за высокое дело освобождения рабочих, крестьян и киргиз, тружеников от ига капитала, рабства и насильников, и я понял с Октябрьской революции, что только в борьбе с врагом народа мы обретаем свои права. Член РКП(б) Дмитрий Ковалев. Поручитель Ф.Аболин»[Ф.5.оп.1.Ед.хр.7. 303]. Существует «Дело по обвинению предрайисполкома Урицкого района тов.Ковалева за невывоз хлеба», начатое 21 сентября 1921 года.

Подпись предрайисполкома Ковалёва

В воспоминаниях Семена Дучкина (Сретенка) говорится, что поняв, что Ковалев, на должности комполка «вызвал к себе отца, будто за барахлом, загрузил большой ящик оружием, даже пулемет сунул туда и скрытно от отца сумел переправить и замуровать дома в лежанке все оружие. Братья Ковалевы скрывались от мобилизации и создали весной 1919 года партизанский отряд с базами в в лесу. Партизаны скрывались в аулах, изредка совершая нападения на колчаковскую милицию. Их кормили казахи, давали лошадей. Дмитрий носился между аулами, не слезая с коня, его ноги - «калачики» еще больше согнулись от частой верховой езды»[3]. После войны Ковалев – председатель ревкома в Урицком (Всесвятском) и командир отряда по борьбе с кулацкими восстаниями. В конце 1921 года работал председателем Урицкого уисполкома, до мая 1922 года был зав. отделом управления Кустанайского губисполкома.

В конце 30-х Ковалёвы подались в родные края, в Ростовскую область, в Семикаракорский район. С ним отправились на Дон Егор, Тимофей, Михаил и Илья Рыбкины с семьями. Обосновались на хуторе Чебачий. Дмитрий стал председателем артели «Маяк Ильича», потом руководил крупным колхозом, создавал МТС. В 1933 году его вызвали в Москву и поручили ответственную работу по строительству крупного завода КИМ в Кунцево под Москвой. 1 октября Дмитрий Ковалев был убит при исполнении служебных обязанностей. Чем занимался Ковалёв на игольно-платинном заводе в Кунцево неизвестно. Известно только, что в это время на заводе активно проводились аресты рабочих-латышей, которые якобы, пытались помешать развитию производства и занимались вредительством. Срочно

отвели корпус под изоляторы и кабинеты следователей. Расширяли и ряды чекистов, понадобились надежные люди вроде Ковалёва... У Дмитрия остались две сестры и младший брат, комиссар отряда Иван, работавший в Москве. Антонида Алексеевна Корж проживала в Таганроге, Наталья Алексеевна – в Новосибирске.

Ковалев Иван Алексеевич в 1918 году служил в Красной Армии. В июне 1919 года был мобилизован в армию Колчака и во время следования команды мобилизованных в Петропавловск у деревни Ольгинки сагитировал 470 человек дезертировать и разойтись по домам. Вместе с братом Дмитрием скрывался в лесах близ Анновки. Летом 1919 года вместе с братом сформировали отряд, в котором он стал комиссаром. Выезжал в Новопокровскую и Тонкерейскую волости где агитировал крестьян на восстание.

В июле-августе отряд соединился в районе станицы Звериноголовской с частями Красной Армии. Здесь партизан вооружили и отправили в тыл колчаковским войскам. Отряд с боем взял Анновку, в бою белые потеряли сорок человек убитыми и пленными, после победы разгромили сильный гарнизон в селе Дмитриевка. Во время наступления на Омск отряд братьев Ковалевых участвовал в боях в составе Красной Армии. В 1920-22 годах Иван участвовал в борьбе с бандитизмом во время крестьянских восстаний. В конце 1921 года работал ответственным секретарем Урицкого укома ВКП(б) и командовал отрядом ЧОН.

В сентябре 1922 года был на должности заведующего отделом труда Кустанайского губисполкома. Делегат 1-го Всесоюзного съезда Советов в Москве, принявшего решение о создании Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря 1922 года). Сотрудник наркомата земледелия СССР (1938 год). Дальнейшая судьба неизвестна.

История районной партийной организации ведет свое начало с весны 1920 года. После приезда в мае члена Кустанайского губкома товарища Кристо было организовано районное бюро в составе товарищей Дмитриева, Аболина и Батурица. Задача его заключалась в том, чтобы созвать районную партийную конференцию и избрать районный комитет РКП(б).

« Первая районная партийная конференция была созвана в селе Всесвятском с 25 мая и проходила по 28 мая 1920 года. На конференции присутствовало 45 делегатов. Были обсуждены вопросы об укреплении советских органов, о заготовке хлеба, о развертывании работы по приему в партию и комсомол.

На конференции был избран районный партийный комитет из семи членов и двух кандидатов. В его состав вошли товарищи Ковалев, Разин, Борсук, Аболин, Дмитриев, Бринизовская, Бронфельд и кандидатами товарищи Губочалов и Батуринец. Секретарем партийного комитета был избран Иван Алексеевич Ковалев»[20].

О его товарищах вспоминал ветеран Александр Скрипкин:

Однополчане Николай Федин, И.Ковалев, П.Ефимов, А.Петухов, Д.Данилевич вступили в ряды Красной гвардии и несли патрульную службу в Киеве, участвовали в подавлении корниловского мятежа. Федин и его товарищи принимали участие в борьбе с Деникиным.

В 1920 году из Петропавловска в Федоровку (ныне Узункольский район Костанайской области) был отправлен продотряд в составе которого находились боевые товарищи Ефимов, Петухов, Данилевич, Дерябин, Костыкин, Федин, Черновиков. Николай Никитович Федин вспоминал: «Три кулака, некие Сулженко из Анновки, Носков из Всесвятского, Барсуков из Пресногорьковки имели столько излишков пшеницы в своих хозяйствах, что хватило бы прокормить население крупного поселка в течении года. Но они не желали сдавать хлеб молодой Советской республике. Товарищ Ковалев командовал отрядом по продразверстке, Дерябов был назначен комиссаром. 15 августа 1920 года в Всесвятском под руководством одного белогвардейского подполковника поднялось «зеленое» восстание. На его подавление в девять часов вечера из Федоровки двинулся конный отряд Ковалева. Мы прибыли в село на рассвете и разгромили мятежников. Всю зиму 1920-21 гг. ковалевцы не покидали коней. Бои шли в Белоградовке, Федоровке, Пресновке, Новорыбинке, Лопушках, Пресноредути, Евгеньевке и Макарьевке.

Обелиск на могиле партизана Ивана Петухова.
Фёдоровка.2025 (фото Н.В.Дрофа)

В бою под Новорыбинской погиб Петр Ефимов. Похоронен на площади в Ершовке. Ему стоит памятник у школы. В Лопушках после тяжелого боя был смертельно ранен комиссар по продовольствию Федор Дерябин (-ов). Похоронен в Пресногорьковке в братской могиле. Писарь отряда товарищ Петухов умер от ранения и похоронен в селе Федоровка. Николай Федин в 1967 году был пенсионером [18].

Ковалев Иван Алексеевич (слева)
в Москве на съезде Советов. 1922 год

Комсомольцы Всесвятского

Еще в 60-е годы можно было услышать легенду о битве Ковалёва с белогвардейцами, предводительствовал которыми некий Жвалов. «Бились они три дня и три ночи. Тогда вышел Ковалёв и сказал: «Ну, басманник, давай силой померяемся». И сошлись они, только сабли сверкали. Сломалась сабля у Жвалова, а Ковалёв отбросил свою и опять сошлись они. Как два клубка катались по земле. Одолел Ковалёв. Задушил он Жвалова. Но только приподнялся он, как грянул выстрел, и упал красный командир. Какое несчастье! После боя бойцы отправились хоронить своего командира. В великом молчании подъехали они к нему, а он живой! Вылечил врач командира, и опять рубил он белых». Человек по фамилии Жвалов реально существовал. Как оказалось, его фигура в наших местах было не менее знаменита в те годы, чем личность Ковалёва. В документах ЧК он проходит как урядник Оренбургского казачьего войска Иван Денисович Жвалов, эсер. Перед революцией он проживал с семьей в Пресногорьковке и Макарьевке, в гражданскую командовал карательным отрядом, ловившим по лесам дезертиров из белой армии [22, с.256]. При отступлении белых на восток Жвалов осел в Красноярске, где сумел выправить себе документы на имя Акима Базарова, вступил в большевистскую партию и служил в середине 1921 года в рабоче-крестьянской инспекции Барабинска. За короткий срок им были созданы подпольные ячейки в городах Барабинске, Тюмени, Кургане, Омске, Петропавловске, Боровом, Павлодаре и ряде сел. Основная идея организации – создание Сибирской автономной крестьянской советской республики. Вместе с подьесаулом Алексеем Антоновичем Карасевичем (1900-1922), участником Западно-Ишимского восстания, получившего ранение при взятии Петропавловска, Жвалов-Базаров строил планы вооружённого восстания. 20 июня 1922 года оно началось, но не получило развития. Как отмечалось в обвинительном заключении, «выступление не увенчалось даже частичным успехом, исключительно благодаря тому, что вовлечённые случайно в организацию середняцкие элементы в самый решительный момент поняли, что свержение рабоче-крестьянской власти противоречит их насущным интересам, и на открытый конфликт с Советской властью не пошли». По делу базаровско - незнамовской организации было арестовано в Новониколаевской и Омской губерниях около 200 человек. Судебный процесс состоялся 21 апреля-18 мая 1923 года в Новониколаевском губернском суде под председательством С.Чудновского. Руководители подпольной организации были расстреляны.

В тридцатые годы в карасульских степях старики рассказывали сказки о Ковалева. В них он предстает былинным героем-богатырем, победившим зло, в лице богатеев и белогвардейцев. Вот примеры такого рода сказаний.

«У Ковалева – волшебная сабля. Увидит он бандитов и летит на них в самую гущу. Ничего не боится. Взмахнет раз – и падают сто бандитов, взмахнет еще и еще сто валятся в степи. Хоть бы глазком взглянуть на него».

«Ковалев не царь и не королевич, он простой анновский мужик. У него громадная силище! Он богатырь и великан. Его за сто верст увидишь. Вот встанет на мост в Королевке – в Сретенке увидят этого великана – глыбу высокую. Ковалев наш защитник. Он в пух и прах разгромил атаманов-разбойников. Теперь только ездит по селам со своей дружиной, да по сторонам поглядывает, да усы свои подкручивает. Бандиты, как тараканы, шарахаются во все стороны и прячутся за сто верст в степи в прошлогодних копнах и молчок. Вот он какой, наш Ковалев».

Сказители, однако, многого не знали о Ковалеве. Товарищи по партии знали больше. Так 25 сентября 1923 года партийным инспектором Родиком был допрошен анновский крестьянин Борис Петрович Развожай, 22 лет.

3 января он прибыл в Анновку, демобилизовавшись из армии.

Вопрос: за что вас после этого возил в талы т. Ковалев Дмитрий и в каком духе он был.

Ответ: Я шел с площади домой и не доходя до дома подъехал Ковалев Дмитрий, катавшие на паре лошадей с Тихоновым Тимофеем и Ларюковым Александром. Схватили меня, посадили кошеву и повезли по направлению к сивогузскому аулу. Вывезли верст 5 от поселка, остановились возле леска в сажнях в 150-ти. Я спросил, зачем меня сюда привезли.

Ковалев сказал, за то вас сюда возют, что твой брат хочет встречаться с корольком.

Ковалев ударил два раза. Ларюков мне сказал, проси его, а то тебя расстреляют. После опять начали бить меня и завязали между собой драку. После драки Ковалев забирает меня и говорит – айда к леску. А я сказал, убей меня на месте, а дальше кошевы я не пойду. Вырвался у него, но Тихонов два раза ударил. Стали садиться на кошеву и сажают меня. Когда довели в деревню, хотели повезти неизвестно куда. Тогда я вырвался, побежал на огород и спрятался. Все трое были пьяны (конец фрагмента, орфография сохранена) [Кустанайский областной партархив. От Н.В.Дрофа].

Следует добавить, что в этот период Дмитрий Ковалев занимал должность председателя Урицкого райисполкома, но методы воздействия на население использовал партизанские. Неизвестно также, как часто практиковались такие поездки в лес.

Одним из наиболее известных красных участников гражданской войны в Петропавловском уезде был Никифор Иосифович Комаха (1898 г.р.), из семьи крестьян-переселенцев основавших Королёвку. Он был богатырского сложения и обладал отменным здоровьем. Легенды о нём были разными – одни партизаны рассказывали о долгом бое с врагом летом. Другие – о зимнем подвиге, и все они обрастали всё новыми подробностями. По наиболее близким к событию воспоминаниям очевидцев складывается такая картина.

Будучи разведчиком в отряде Ковалёва, Никифор ходил на самые сложные задания. В этот раз разведчик наткнулся на отряд Лидберга у озера Жаман, в двенадцати верстах к северу от Анновки, и не смог уйти от них по

глубокому снегу. Страшно порубили его тогда и бросили в снегу умирать. Он лишился пальцев, была разрублена нога, но Комаха выжил. Его обнаружил сретенский крестьянин Филипп (фамилию автору установить не удалось): «В лютне банда Лидберга захопыла Ганновку. Отряд Ковалева був в Пресногорьковки. Королевской ячейкой шла в развідку без сбруи Никифора осиповича, да щэ двух коммунистив. У озера Жаман Комаха зустрив бандитив з шаблями и ти його порубалы.

Еду це я за сином, а солнце уже нызенько. А кругом билый сниг. Аж очи риже. Тилько один куст ракиты у дорози чирние. Тут коняка видраз як фыркне и в степь. Я за ним. Бачу, а пид куцом мужик порубан. Замерз, бедолага. В степу никого нема. Звалыв порубанного на сани, прикрыв сином и до дому. То був Комаха, вин зовсим умирав. А теперь шкандыбае и горилку пье [3, с.18]. Это был человек неиссякаемой энергии и никогда не падавший духом. О нём сочиняли песни и распевали по всей округе:

Далеко за Акчакулем, под кустом ракиты,
Коммунист лежит в сугробе, кажется убитый.
Обсыпает прядь волос снегом ветерок,
Солнце светом освещает каждый волосок,
Пал израненный Комаха у дорожных вех,
Кровью алой обагрился карасульский снег.
Весь порубан, весь изранен пашкой беляков,
Стонет в поле на морозе, стынет в жилах кровь,
Солнце тонет за кустом, гаснет свет, бледнеет
Белоснежный нос и щеки, ноги коченеют...

«Первыми коммунистами Королевки были Н.И.Комаха и Афанасий Мотренко. В годы гражданской войны пятеро королевцев: Лебедь Василий Платонович, Филипп Курочкин, Дмитрий Кулак, Кичко Назар и Комаха Н.И. были бойцами партизанского отряда братьев Ковалевых. Из этих пяти хорошо известно имя Комахи. Во время одной из разведок между Королевкой и Акчакулем он был пойман колчаковцами, изрублен, но чудом выжил. Впоследствии, будучи даже инвалидом, продолжал активную работу среди односельчан. О его авторитете среди простых людей свидетельствует и такой факт, как присвоение ему звания почетного гражданина Сретенского сельсовета. Комаху никогда не забывали, а в праздничные дни обязательно награждали ценными подарками и премиями. Но это был бескорыстный человек, очень любил одаривать людей, особенно угощать детей конфетами» (Несина К.Крепить связь имен//Светлый путь,1989).

Поговаривали, что Комаха заезжал прямиком в райком партии на коне, разбираться с партийными чиновниками. Церахто вспоминал о встрече с ним в Пресногорьковке в конце 1921 года: «Комаха рассказал свою историю Он состоял в отряде Ковалева по ликвидации мятежников. Был он лихой рубака и сорвиголова. Самые опасные разведки поручались ему, и он всегда их выполнял. Комаха ухитрялся забираться в лагерь мятежников, все разведывал и уходил невредимым. Вот однажды белоказакам удалось его

схватить и зверски раправиться с ним, Его изрубили, не оставив живого места, но вскоре Ковалев разгромил мятежников и Комаха нашли в снегу, окровавленного, с признаками жизни. В госпитале ему спасли жизнь. Мне пришлось в 1939 году встретиться с Комахой. Был он все так же весел и бодр»[22]. В 1928 году Никифор Иосифович Комаха проживал в Королёвке со своей женой Александрой, детей у них не было. Откуда переехал отец Никифора в Казахстан в 1908 году выяснить не удалось.

О встрече с Комахой в начале 50-х годов вспоминала Мария Яковлевна Демченко: «Когда я работала секретарем Пресногорьковского райкома комсомола приходилось ездить в Кустанай в кузовах грузовых автомобилей. Прямой дороги не было, поэтому однажды поехали через Королёвку. Слышу крик: «Комаха идёт!», попросила шофера остановиться и подошла к нему и сказала, что рада видеть живого партизана и много о нём слышала. Он рассмеялся и говорит: «Наверное, слышала, как я в райком партии на коне заезжал?». И действительно, в последнее время ходило много слухов о его хулиганских поступках. Он разговорился о Ковалёве, называл Усачёва, хорошо отзывался о Бедрине... Когда рассказывал, увлеченно размахивал руками, и я обратила внимание, что пальцев на руках нет. Спросила – он рассказал, что когда отбивался, смахнули саблей ему пальцы. Бой шел из-за обоза с продуктами. Мы разошлись, оба довольные встречей» (из письма автору, 2005 год).

В 1924 году Семен Дучкин жил в семье своего дяди Михаила Худолеева в Сретенке, деревне, расположенной неподалеку от Анновки. У одного из многочисленных братьев – Петра Спиридоновича Худолеева, имевшего в доме десять едоков, реквизировали пшеницу. Михаил и Илья решили помочь брату и повезли в Акчикуль несколько мешков зерна. Ехали через Королёвку и здесь Семён впервые встретился с Комахой.

«Рядом с мужиками ковыляет незнакомец-инвалид. Хромает на одну ногу. Одна рука у него болтается, как плеть.

-Брось, Филипп, ныть!– кричит незнакомец на всю улицу и бьет себя в грудь. –Ты мой спаситель и такое никогда не забывается, я твой до гроба. Ты скоро узнаешь, кто такой Комаха! Жди сегодня пшеницу, сказал, значит будет! Слово партизана! У себя возьму, дружки помогут. У каждого есть хлеб. Эй, жди, не тужи! И я тужить не буду! – запел он.

У Комахи широкая, открытая натура, не унывает, решает всё мгновенно. Как из фонтана радости хлюпает через край веселье, шутки и смех, подкупающие всех.

Мы едем по улице, Комаха, прихрамывая, идет сзади. Потом отстает, машет рукой и что-то кричит».

На другой день Комаха привез хлеб в Сретенку.

«Батяка подбежал к маленькому окошку, посмотрел в него и радостно крикнул: Комаха приехал! Мабудь хлиб привиз! Вот ще дурень!

Батяка радуется, оделся и выскочил во двор. Вскоре он возвратился с Комахой. Тот, хромая, зашел в горницу и поздоровался со всеми за руку. Сел

Комаха за стол против меня, выпил самогон, вытер усики рукой и заговорил. Он много тогда рассказывал, да я все позабыл. Шутил и смеялся. Весело было за столом. Вдруг Комаха оглянулся вокруг, стал серьезным, ударил кулаком по столу, да как закричит:

-А музыканты где! Танцевать хочу!

Кулак так и повис над столом. А ноги под столом уже танцуют и бьют меня в ступню. Но мне не больно – я улыбаюсь и думаю – как на хромой ноге танцевать?

-Чикай! Чикай фылынку! Будут тоби музыканты! – успокаивает его батько.

Вскоре пришли музыканты. Начались танцы. Повеселел Комаха. Он подхватил нашу молодую соседку Марину-Кузнечиху и закружил вокруг больной ноги. Покружит молодницу, потом валится с ней на кровать и охает:

-Ой, как деревяшка! Совсем не держит! Простите великодушно. Больше этого не будет.

Но вскоре всё повторялось. Все смеялись. Хорошо, что на гулянье не было Кузнеца-соседа. Комаха разошелся и угомона на него нет. Уже и музыканты уже устали, а он все хочет танцевать. Вдруг он сел на скамейку и запел. И все подхватили по-русски и по-украински:

Три года с немцем бились мы,
В гражданку – с братом брат,
Не дай нам бог такой войны,
Так глупо умирать
Все считают Комаху героем и поют о нем песни.

Кончили петь – заговорил Комаха:

-Я спрашиваю, за что воевали? За что кровь проливали? Ясно-за хорошую жизнь. Не унывай, Филипп! Не все гладко идет, но будет хорошо. Это тебе говорит Комаха, партизан, а не хлюпик какой-то. Мешают нам Куртановы, Кокановы, да дружки Богомолова, но скоро и им конец.

Батько стал благодарить Комаху за пшеницу. А он даже на него рассердился.

-Ну что ты пристал с этим, Филипп. Пойми, мы не буржуи, мы трудовой народ. Не дадим умереть с голоду нашему брату. Пусть буржуйдохнет. Так лучше будет.

-Э, постой, постой, – в разговор вмешивается дядя Миша. Никифор Осипович, ты скажи нам прямо, за что убили шурина? (речь идет о расстрелянном колчаковцами Ванягина в апреле 1919 года Антоне Чернороте, Михаил был в это время на службе в белой армии – прим С.В.).

-И ты постой, Мишка! – перебивает дядю Комаха.–Это же другая история. Тогда шла война – враг убивал врага. Кто кого. Вот так стоял вопрос. Или белый нас, или мы их.

-Но Андрон же не красный – председатель земской управы.

-Андрон шел против царя и против Колчака. Прятал дезертиров-колчаковцев. Сретенцы и королевцы не предали его. Но он поехал в Анновку, к тестю. Выпил горилки и поговорил по душам. А рядом сидел торговец Богомоллов. Потом он и привел карателей в Сретенку. А другой, буржуй повел карателей в Федоровку. Ваш крестьянин Стариченко что-то сболтнул про дезертиров. Но тут не все ясно: единственный свидетель Богомоллов погиб. Его Митрий Ковалев, анновский большевик, убил, как гада, собственноручно. Андрон – наш товарищ! Его колчаковцы казнили, значит – он красный. Он мешал ловить дезертиров, значит, помогал Красной армии»ю

В памяти Семена осталась поездка по степи, в которой участвовал Комаха.

«Мы ехали в коробе впереди, за нами Комаха с мужиком в санях. Кони отдохнули, налегке бежали быстро. Вдруг Комаха как закричит:

-Погоняй, Мишка! Байга!

Дядя ударил кнутом по своим лошадям. Они рванули и понеслись, только снег вихрится справа. Кони хрипят, сопят и громко стучат копытами. Визжит снег под санями. Взглянул я назад, а комаховские вороны, свернули шею колесом, скачут еще быстрее, из ноздрей так и клубится парсерым облаком. Кони будто срослись с санями. Нет им ни рытвин, ни ухабов, кажется, летит в вечернем полумраке под облаком огромная птица – владычица бескрайних, диких, снежных казахских степей. Летят санки и догоняют нас. Я по-детски восторгаюсь комахинской парой. Дядя Миша встал на ноги, громко кричит и гикает, машет кнутом и бьет лошадей. Но не тут-то было! Комахинские санки-птица, кренясь на изворотах дороги, уже налетают на нас! А вот и широко раскатанная дорога. Комаха слегка обходит нас, только из-под копыт комья снега летят в короб. Вдруг как ударит мне ком в лицо, снег запорошил глаза. Я отворачиваюсь, отряхиваюсь, и снова гляжу – Комаха уже впереди.

-Не сердись. Мишка! – кричит Комаха. – Коммунисту нельзя в хвосте болтаться – это «хвостизм».

Поехали тише.

В Королевке Комаха подвернул к своему двору.

-Заезжай, Мишка, выпьем, погрейся! Будешь в Королевке, заезжай. Всегда рад тебе!

Я смотрю на дальние огни Сретенки, а сам думаю о Комахе».

Умер Никифор Иосифович Комаха в 1957 году, могила его на королёвском кладбище безымянна, остался ободранный железный остов, да и самого села уже нет...

Здесь похоронен Никифор Комаха (1898-1957). Королевка. 2020 год

Дучкин Семён Степанович (1914-1993), автор воспоминаний.
Кавалер ордена Ленина

Интересна история партизанского отряда Тимофея Васильевича Лидберга (1881- неизвестно). В воспоминаниях Савина и Попкова, говорится, что в Пресновской волости сформировались партизанские отряды, состоявшие из скрывшихся от призыва архангельских крестьян под руководством Носова, троицких крестьян под руководством Лидберга, спасских крестьян под руководством Сенченко и рождественских крестьян под руководством Коптюшина. Они все, ушли в заболоченные леса между селами Архангельское и Семиполка, где объединились под командованием троицкого крестьянина Тимофея Васильевича Лидберга. Комиссаром отряда выбрали спасского уроженца Изота Евдокимовича Сенченко. Действовали активно. «Оседлав» дорогу, ведущую из Пресновки в Кокчетав, партизаны нападали и обезоруживали небольшие группы проезжающих по ней казаков. В конце июля 1919 года, в селе Рождественском, они напали на белую милицию, а в селе Семиполка, даже решились вступить в бой с регулярной воинской частью[35,36].

□ «28 августа 1919 года отряд Тимофея Лидберга подошёл к селу Новотроицкое, где красноармейская рота вступила в бой с казачьей сотней. Подойдя с тыла, слабовооружённые партизаны не рискнули сразу вступать в сражение, но, выждав момент, вышли навстречу красноармейцам и совместно цепью начали наступление. И в этот же день село Новотроицкое было занято красноармейцами. 30 августа отряд с юга прибыл в Пресновку. Их было до 500 человек, со своими семьями. Только баранов они пригнали с собой до 1000. Весь этот табор остался в Пресновке на ночлег. Переночевав, партизаны Лидберга двинулись на восток вдогонку красным полкам. Арестованный партизанами пресновский казак И.Г.Минкин, известный карательными акциями, был расстрелян в пяти километрах от Новорыбинки[35,с.358].

Добравшись до Новорыбинки, от двух прискакавших односельчан Тимофея Васильевича поступили плохие вести: колчаковцы начали стремительное наступление. Ко 2-му сентября колонна партизан Лидберга, состоявшая из 120 конных и около 200 пеших партизан, прибыла в Кладбинку. В посёлке располагался штаб 2-й бригады. Из имевшихся запасов вооружения штаба винтовок хватило лишь на 70 партизан, из которых была сформирована отдельная рота. Однако вскоре с юга и юго-востока к Кладбинке начал подходить противник, а после начал обстрел посёлка. В посёлке началась эвакуация. И, опасаясь окружения, красноармейцы и партизаны отступили в сторону посёлка Богатое. Отряд Тимофея Лидберга вместе с обозом красноармейцев и 7-й Ленинской батареей, подходя к посёлку, слышали звуки внезапной стрельбы и крики, свидетельствующие об атаке белогвардейских частей на расположенные там подразделения Красной армии. Началась сильная давка, из которой лишь с большим трудом разрозненные партизаны смогли выбраться. Группы партизан стали собираться недалеко от Богатого, а после двинулись в Малопривютное.

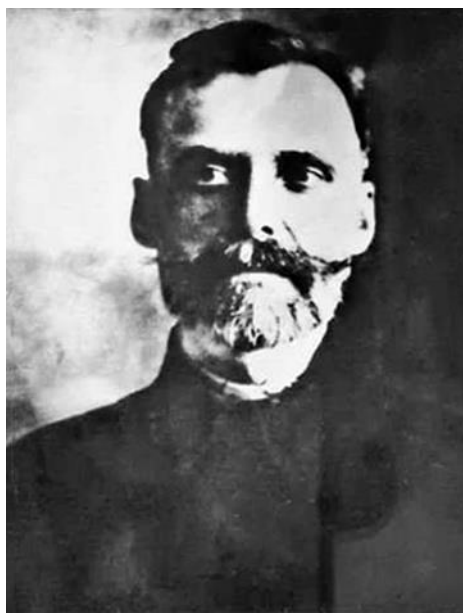
Пока 2-й Ижевский полк разворачивался для атаки вдоль дороги из деревни Большепривютное, другая часть Ижевской дивизии пошла южнее озера и атаковала Малопривютное с трёх сторон. Красный 2-й отряд особого назначения, стоявший в деревне, боя не принял и, пользуясь темнотой, без потерь отступил, оставив обозы. Наибольший урон понесли пресновские беженцы-партизаны Лидберга, остановившиеся на ночлег на окраине. Перед рассветом, когда по селу внезапно ударили пулемётные очереди, началась паника. Часть партизан двинулась в обход озера, другие – вдоль огородов к переулку, выходящему на главную улицу, где пулемёт ижевцев перекрыл выезд. Попав под его обстрел, погиб партизан Иван Бондарь из села Троицкое. Угроза гибели нависла над всем отрядом. Но внезапно стрельба пулемёта прекратилась. Чтобы устранить пулемётчиков, партизанам нужно было действовать быстро. Вперёд бросились троицкие партизаны Никифор Ямщиков, Иван Литвин, Григорий Попов, Арсений Слепнев и другие. Скакнув по улице, они заставили пулемётчиков бежать, захватив пулемёт

«Максим», который тут же погрузили на телегу к Христану Евсельеву. Но вскоре из домов по краям улицы открыли огонь, что ясно дало понять — окраина уже под контролем противника, и нужно срочно отступать. Уцелевшая часть отряда, составлявшая лишь треть, устремилась к деревне Серебряное. Шли всю ночь и лишь на следующий день встретились с остальной частью отряда. Тех, кто выбрал обход озера, обстреляли в деревне Подувальная, и они ушли в степь, где двигались далее. К вечеру все уцелевшие партизаны собрались в деревне Серебряное и передали захваченный пулемёт красной части. В сражении у деревни Малопривютное Лидберг потерял более 150 человек, что сорвало попытку контрудара по белым [37, с.36-37].

Тимофей Васильевич Лидберг родился в 1881 году в местечке Лысая Гора Елисаветградского уезда Херсонской губернии.

В 1895 году из Херсонской губернии вся семья Лидберг переселилась в село Троицкое юго-восточнее станицы Пресновской. Здесь и родились все дети Тимофея Васильевича.

Проживая в волостном центре, в селе Троицкое, Тимофей был председателем ячейки РКП(б), а также и военным комиссаром Троицкой волости. Однако, в феврале-марте 1921 года Лидберг выступил на стороне повстанцев, поддержав лозунг «За Советы без коммунистов». Видимо, Лидбергу, воевавшему за советскую власть, не по душе пришлись действия большевиков в отношении трудового крестьянства. Бывшие партизаны отряда были готовы сесть на коней и поквитаться с теми, кто отбирал хлеб. Надо отметить, что зачастую командиры таких отрядов не имели абсолютной власти над подчиненными. Многие преступления совершались без приказа и преподносились как месть.

Лидберг Тимофей Васильевич

Лидбергу пришлось вступать в боестолкновения с отрядом Ковалева, с которым они были знакомы с осенних дней 1919 года, когда сражались с общим врагом – белыми.

В начале марта 1921 года Лидберг и его отряд в 107 человек сдался красноармейцам в районе Николаевки (Кубичи) на Ишиме, в месте, откуда начинался поход объединенных отрядов в Монголию. Возможно, не захотел Тимофей Васильевич покинуть родные места и оставить жену с четырьмя сыновьями на руках. Интересно, что он не был репрессирован, а скончался в Троицком. Видимо, боевые заслуги Лидберга в гражданскую сыграли свою особую роль, и он остался в памяти коммунистом, «советским и партийным деятелем» и «командиром партизанского отряда 1919 года» – именно так подписана его фотография в областном историко-краеведческом музее Петропавловска. Сыновья Тимофея Васильевича героически сражались на фронтах Великой Отечественной войны – Дмитрий погиб в 1944 году, Михаил и Семен стали офицерами. В современном Троицком Жамбылского района СКО о Лидберге не помнят. У внучатого племянника, проживающего в Германии, не осталось документов и фотографий. Остались лишь воспоминания, что Тимофей Васильевич похоронен на троицком погосте рядом с его дедом Пантелеем. Интересно, что многие жители Всесвятской волости считали, что повстанцами 1921 года руководил генерал-аншеф Лидберг, которому еще в начале века императором был дарован участок в окрестностях поселка Урожайный [Стародуб В.В.]. Однако поиски автором мифического генерала не увенчались успехом.

В Петропавловских и Кустанайских степях летом 1921 опять активизировались зеленые, называвшие себя не иначе как «сыны Махно». Вновь Дмитрий Ковалев оказался востребованным после расформирования отряда в мае 1921 года – собрав своих соратников, он начинает погоню за бандами. О действиях отряда свидетельствуют краткие сводки, напоминающие донесения с фронта.

Общую картину того зловещего времени дополняют сухие строчки документов, за которыми стоят человеческие жизни, порушенные судьбы, растоптанная молодость и кошмар гражданской войны, об уроках которой нельзя забывать ныне живущим поколениям людей.

В Петропавловских и Кустанайских степях летом 1921 опять активизировались зеленые, называвшие себя не иначе как «сыны Махна». Вновь Дмитрий Ковалев оказался востребованным после расформирования отряда в мае 1921 года – собрав своих соратников, он начинает погоню за бандами. Во Всесвятской волости Петропавловского уезда 27 сентября 1921 года появилась банда в 2000(!) человек под командованием казака станицы Звериноголовской Иванова. Сведения явно преувеличенные, такая огромная банда требовала к себе особого внимания, так как способна была захватить и разграбить целый уездный город, но она более не упоминается в донесениях.

Документы

3 июня 1921 года – по сообщению из Пресногорьковской была выслана красная разведка, которая обнаружила 12 белых в 25 км от Пресногорьковской в сторону Звериноголовской, Красная разведка была обстреляна, убит разведчик (ГАКО ф.Р-40 оп.1 д.17л.11).

5 июня получено сообщение из п.Рождественка, что в п.Дмитриевку прибыло 10 белых чтобы остаться по домам. В Карасульской волости есть белый отряд из 150 человек(ГАКО ф.Р-40 оп.1 д.17 л.18)

7 июня – по сообщению Пресногорьковского волвоенкома белые 150 чел появились в Пресновке и Рождественке (РГВА ф.1393 оп.1 д.63 л.79)

8 июня – разведка 255 сп двинулась в Пресновку и белых не обнаружила, по сведениям Пресногорьковской ячейки белые, 150 человек, хорошо вооруженные, находятся в Карасульской волости, в район Пресногорьковки из 1\255 двинута агентурная разведка, в Рождественке белых нет (РГВА ф.1393 оп.1 д.63 л.78)

13 июня – группа белых 150 человек в районе Старосельской волости вступила в бой с отрядом Ковалева (ГАКО ф.Р-40 оп.1 д.17л.17)

Отряд повстанцев в 150 чел в Старосельской волости где ведет бой с отрядом Ковалева (РГВА ф.8602 оп.1 д.1 л.133)

19 июня – по сообщениям Дубровинского военкома белые, 90 человек, находятся в аулах №4и5 (35км южнее Мамлютки) (РГВА ф.1393 оп.1 д.63 л.91).

26 июня – 29-й кавполк разместить в районе Вознесенка-Боголюбово-Надежка, из-за угрозы ссыпункту в Новоявленке, РГВА ф.1393 оп.1 д.78 л.266

28 июня – 29-й кавполк в ст.Архангельской(РГВА ф.1393 оп.1 д.40 л.39)

Другая группа 150 чел в Ставропольской волости и с ней отряд Ковалева имел бой, л.278 в 35км западнее Звериноголовской появились белые 100 чел, в Рождественской волости – 250 белых (ГАКО ф.Р-635, оп.1 д.23А л.244)

27 сентября 1921 года. Телеграмма из Кустаная

В районе Всесвятской, 120 верст от Кустаная, группировка бандитов, численностью в 2000 человек, под командой казака станицы Звериноголовской Иванова. Банда намерена двинуться в направлении городка Ялуторовска. Аверин. ЦГА РК. Ф.66, оп.1, д.25, л.16,23

25 октября 1921 года. Оперсводка начальнику ком ЧОНа

В ауле Шугантай, 10 верст ю/з Новопокровки, появилась банда, числом около 40 человек всадников, которой убит милиционер Каратальской волости т.Корсун и председатель Пресногорьковского волисполкома. Банда движется на Варваровку и Новопокровку Командир конного отряда Боровского района Стадниченко. ЦГА РК. Ф.66,оп.1,д.58,л.240

Разведка из Демьяновского выяснила, что белые 20 чел, хорошо вооруженные 24.11 находились в ауле №1 (10 км от Миролобово) и двигались на Всесвятское (ГАСПИКО ф.1 оп.1 д.46 л.98)

10 ноября банда численностью в 25 человек, именуемая себя «махновцами», проследовала в поселок Васильевский, в тридцати верстах западнее Кустаная. В этом поселке бандитами были зарублены три человека. Банда следовала верхами и на тачанке, на кованых лошадях. Бандиты произвели налет на колхоз «Демьян Бедный» (в сорока верстах юго-западнее Кустаная), где зарубили двух милиционеров и увели в качестве проводника председателя коммуны.

21 ноября. Банды преследуются нашими частями, выбито из строя 14 бандитов, около 12 ранено, в т.ч. главарь банды «Махно», некий Горенко. Трофеи 2 винтовки, шашка, револьвер, 5 лошадей, экипаж.

Взвод Всесвятского ЧОН потерял зверски убитыми 11 коммунаров. 16 декабря – 1 января 1922 года. 3 декабря из Татьянаовского остатки банды Горенко бежали на юг в Чолаксай, в 30 верстах юго-восточнее Семиозерного.

28 ноября 1921. Телеграмма из Кустаная.

По донесению Всесвятской отдельной роты от 25 ноября, преследуемая отрядом т.Стадниченко банда численностью в 40 человек, находится в селе Новопокровском (42 версты северо-западнее Всесвятского). Названная банда, преследуемая отрядом т.Ковалева, движется в направлении пос. Татьянаовское (40 верст северо-восточнее поселка Боровое). Аверин. Чернышев. ЦГА РК. Ф.66, оп.1, д.48, л.45 (об)

16.12.21-1.1.22 Двухнедельная оперразведсводка.

Оперировавшая банда в Урицком уезде 3.12 из поселка Татьянаовского направилась в Чолаксай (в 30 верстах юго-восточнее Семиозерного). ЧОН КустГуб установлено: банда – остатки банды Горенко. В Убаганской волости появилась банда в 50 человек, хорошо вооруженная, которая продвинулась к озеру, что в районе аула №2 Домбарской волости (в 80 верстах от Денисовки). Якубовский. ЦГА РК. Ф.66. оп.1, д.48, л.37.

16 декабря – 1 января 1922 года. 3 декабря из Татьянаовского остатки банды Горенко бежали на юг в Чолаксай, в 30 верстах юго-восточнее Семиозерного.

Иван Плескач писал: «Главарь, назвавшись батшкой Махно, отличался зверской жестокостью в расправах над советскими активистами. Его молодчиками были зарублены попавшие в плен милиционеры тт. Почтаренко, Есипенко, Окончуков, Сердюк, Прохоров и Костенко.

Но расплата за совершенные злодеяния не замедлила прийти. На этот раз банду Глазунова настиг отряд милиции под командой тов. Ашихмина. Бой шел всю ночь. Головорезы живыми не сдавались, бились до последнего человека... Глазунов вместе со своей женой были взяты в плен. В этом бою от рук белогвардейской нечисти погибли милиционеры Петерякин и Момот»[38].

3.1.1922 года оперсводка

По дополнительным сведениям штаба ЧОН Кустгуба 29.12, взвод особого назначения Всесвятской роты преследовавший банду 25.22 потерял

зверски убитыми 11 коммунаров, одного тяжелораненого. Начштаб ЧОН КССР Кошкин. ЦГА РК. Ф.66, оп.1, д.17, л.8

3.2.1922 года телеграмма из Кустаная

По донесению отельной роты Всесвятского района 27.1.1922 года т. Ковалева в ауле №5 9 на карте нет, 40 верст с/з Всесвятского) настигла банду, вступила в бой. Банда бежала, оставив трофеи: 1 сани, 2 лошади с упряжью, патроны к японским и американским винтовкам. Раненые в перестрелке 4 бандита, в том числе главарь банды «батя Махно» в обе ноги, увезены бандой. Командир ЧОН губкуст Аверин. ЦГА РК. ф.66, оп.1 д.53, л.43-43 об.

7 марта 1921 г.

При объезде сел и деревень, освобожденных от банд, мною замечено, что 250-м стр. [елковым] полком и 26-м [кавалерийским], причем последний [называется] полком Стеньки Разина, производятся массовые грабежи, и насилия над мирным населением... Как пример привожу село Чебаковское, где без всякого следствия расстреляно пять крестьян. Расстрел произведен следующим образом: брались крестьяне в подводы и по выезде из села расстреливались, а лошади и подводы брались. При наличии подобных случаев со стороны Кр [асной] Армии для контрреволюции является еще факт, на который она может опираться при своей провокации: «Вас грабили советы, а Кр [асная] Армия грабит и расстреливает».

Инструктор побрига отдельной кав [алерийской] Покровский
РГВА. Ф. 16. Оп. 2. Д. 88. Л. 52. Машинописная копия.

Действия белогвардейцев в Кустанайском уезде, весна 1919 года.

Сельский корреспондент А. Соболев так описывал в газете «Степной крестьянин» приезд карательного отряда в поселок Львовский Кустанайского уезда: «6 марта ночью набат. Вскочили – казаки. Летают по улицам и рубят. Бывшему в набат снесли голову... 12 человек вырвались из поселка. Казаки подожгли несколько домов. Началось насильствие женщин. ... Зимой трудно было скрываться в поле, и почти все попались в руки казаков и милиции. В церковной сторожке били и истязали дезертиров нагайками, шомполами, прикладами и подолгу оставляли лежать связанных в лужах крови. Полуизрубленные, исколотые, все 12 человек были столкнуты в прорубь. ...».

Воспоминания Николая Георгиевича Лавринова (1916, Камышловка-2009. Курган).

«Колчак мобилизовал казаков на войну. Братья Иван, Андрей, Егор оказались в белой армии. Комбат есаул Постников, дружелюбно относившийся к уряднику Георгию Лавринову, порекомендовал его в команду, направляющуюся из Омска в Харбин. Старшим команды был Трифон Малыгин. После возвращения из Маньчжурии есаул Постников, любимец казаков, не отдававший под суд никого, как делали другие, не наказавший никого, посоветовал уряднику-другу убежать пока не поздно. «Уходите по домам. Сейте хлеб. Страну кормить надо, мы без вас

обойдемся». Егор с друзьями-единомышленниками решили воспользоваться советом Постникова. Двадцать казаков вершними покинули Омск и через казахстанские степи пробрались домой. Вскоре вернулись и братья» [Лавринов Н.Г. Жизнь. – Москва, 2003. с.33].

«16 ноября 1919 года на станции Калачинская из 1-й батареи 1-го Сибирского казачьего артдивизиона бежали 20 человек во главе с подхорунжим С.С.Малыхиным. Казаки, видимо. Побоялись сдаваться передовым частям 27-й советской дивизии и двинулись от Калачинска на юг, к Иртышской казачьей линии. В пути к ним присоединились такие же дезертиры, и группа выросла до 39 человек казаков и солдат.

23 ноября группа подошла к станице Татарской, на Иртыше, в 156 верстах от Омска. Малыхин съездил делегатом и договорился о сдаче. В тот же день в Татарской вся группа положила оружие перед одним из подразделений 26-й дивизии РККА. В числе сдавшихся были казаки станиц Пресногорьковской и Пресновской: Г.П.Лавринов, Ф.Коробейников, М.Веневцев, Р.Г.Парфенов и др. казакам дали удостоверение о том, что они сдались добровольно, и отпустили их на родину – на Пресновскую линию» [Шуддяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1920-1922. – М., 2004. Т.2. с.519].

Камышловские казаки. В центре – Адриан Киженцев, отец генерал-лейтенанта Н.А.Киженцева (1916-2009). Фото 1914 года

Малыхин Сергей Семенович (1894-1920) был арестован 20 марта 1920 года, 12 августа приговорен к расстрелу. 29 августа приговор был приведен в исполнение в Омске.

В 1930 году Егор Лавринов переехал с семьей в Пресновку. Дом купили на окраине Пресновки, в сторону Ново-Михайловки, пятистенный домик расстрелянного Малыхина [Лавринов Н.Г., с.78].

Постников А.С. Петропавловск, сентябрь 1914 года

В воспоминаниях Георгия Лавринова, записанных его сыном Николаем, речь идет о полковнике Александре Степановиче Постникове (1891-1977). Участник Первой мировой войны. 29 сентября 1917 года командир 2-й Сибирской казачьей батареей, подьесаул. После революции в составе батареи отходил до г. Читы в составе бригады генерала Глебова. Похоронен на Сербском кладбище г. Сан-Франциско. Женат (брак - 10.1926), Постникова (Баженова) Таисия Анатольевна (1900 – 1978). Известная поэтесса. После переезда в США она продолжила публиковать в Харбине заметки о жизни, на этот раз об американской, и «голливудских нравах». Поэзия же американского периода творчества Баженовой отличается ностальгией по прошлой жизни. Родина в её стихах ассоциируется с Сибирью. [Е.Ю.Тюльков, Омск]

Из архива Кизина Павла Васильевича (1921-1990). Записано автором в 1986 году.

«Председатель Пресногорьковского волисполкома Борис Петрович Канахин был человеком неграмотным. Кое-как мог расписываться, а читать не умел. Но горазд был на язык, мог часами говорить и ни о чём конкретно. Председателем его избрали потому, что он был выходцем из казаков-бедняков...

Семья Ивана Дурнева проживала в Макарьевке. По слухам станица Звериноголовская была захвачена бандой Волкова.

Ковалев разослал по селам и станицам разведчиков. Так в Починовку направился Егор Ларюшин. Кузьма Пожидаев должен был отправиться с ним, но на совещание не явился. В Евгеньевку поехал объездчик лесной охраны Василий Кизин, по пути он должен был заехать в Пилкино и Казанку. По одному-два посыльных с депешами отправлялись в Анновку, Сретенку, Королевку, Акчикуль, Песчанку, Башкирку, Нижнюю Алабугу. В их задачу входила мобилизация всех, кто мог носить оружие, в коммунистический партизанский отряд для уничтожения бандформирований до прихода регулярных частей Красной Армии.

Десятого марта Дмитрий Ковалев провел смотр сформированным подразделением. На митинге он рассказал о сложившейся непростой обстановке – с востока надвигалась банда Дурнева, с запада, со стороны Звериноголовской, отряд Волкова. Утром следующего дня из Евгеньевки

пришел отряд в тридцать бойцов. Его привел Иван Зубенко. В село нагрянула сотня вахмистра Григория Грязнова. Мятежники рыскали по хатам, забирали продукты и вещи. Зубенко вначале ушел на Нурумбет, и свернул на Казанку.

Полковник Иван Иванович Дурнев, примкнувший к Ялуторовскому мятежу, в успех его не верил. Но, оказавшись во главе крупного отряда, он задался целью выместить на работниках советского аппарата всю злость за свою судьбу. Он принимал активное участие в мобилизации казаков в колчаковскую армию. Отступив до Ачинска, Дурнев понял, что белое дело проиграно и увел с собой на родину две казачьи сотни. Казаки разбрелись по своим станицам, а он скитался по зауральским уездам, боясь возвращения в родную станицу Кабанью. Двигаясь теперь по станицам Горькой линии, он рассчитывал создать полк, с которым намеревался уйти в Монголию. Первостепенной задачей было взять станицу Пресногорьковскую, соединиться с Волковым и уйти на Атбасар и далее в район Семиречья».

Источники

1. Виниченко С.Н. Крестный путь игуменьи Евпраксии // в альманахе Тобольск и вся Сибирь. – Тобольск, 2011. С.319-324.
2. Виниченко С.Н. Исход. Трагедия горьколинейных станиц в начале XX века. – Курган, 2012. – 258 с.
3. Дучкин С.С. Дети карасульских степей. Воспоминания. Рукопись (архив автора).1972.
4. Ганин А.В. Урянхайский поход Бакича//Родина.2014.№7.С.52-58
5. Григорьев В.К.Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане. – М.,1984.
6. ГАКО. Ф.Р.635. оп.4. Д.23. Л.186.
7. ГАСКО. Ф.55. оп.1. Д.115.
8. Коржавин Н.М. В соблазнах кровавой эпохи. Воспоминания в 2 кн. Кн.1. – М.:2007, 864 с.
9. Кизин П.В. В боях и походах//газета Светлый путь, №46 от 18.04.1967.
- 10.Лавринов Н.Г.Жизнь. Москва. –2003.
- 11.Логачев В.А. «...В хлебном районе западной Сибири: от пролетарской революции к крестьянскому мятежу //Вестник Томского ГУ, 2011, №4.С.24-25.
12. Муқанов С.М. Школа жизни. – Алма-Ата,1965. С.312.
- 13.Панькин С.И.Первая «Народная армия» Пресногорьковского района в 14. 1921 г.//Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне(1905 -1921 гг.). Ишим, 2006. С.207-215.
14. РГВА. Ф.34912.Оп.1,Д.1076.л.41-48[Винокуров О.А.].
15. Рыбкин П.С. Родные дали.– Костанай,2004.
16. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и Южный Урал. – Оренбург, 1999.
17. Северо-Казахстанская область: страницы летописи родного края. –Алматы, 1993, С.157.
- 18.Скрипкин А. Сквозь огненные годы//газета Светлый путь,№30 от 11.03.1967.
- 19.Сибирская Вандея: Док-ты/составитель и научный редактор В.И.Шишкин.– М.: МФД.,2001. Т.2: 1920-1921. 776 с.
20. СРГА Ф.195.Оп.1.Л.29.
- 21.Тарасенко Е.И.Пробужденная степь //В памяти народа. Кустанай, 1993.(С.33-36)
- 22.Церахто Ф.Н.Две эпохи (рукопись). – Мариуполь,1968.

- 23.Цысь В.В. О причинах Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года // Вестник Вятского ГУ. 2017, №9. С.61.
24. Шулдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1920-1922. – М., 2004. Т.2. 604 с.
25. Шулдяков В.А. «Народная дивизия» западносибирских повстанцев (февраль-декабрь 1921 года). Вестник НГУ. 2016. Т.15, вып.1.
26. Шухов И.П. Очерки. Воспоминания. Письма. Собр. соч., т.5.– Алма-Ата, 1983. 717 с.
27. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://pkzsk.info/rasstrelyany-i-zabyty-istoriya-arkhistratigo-mikhajilovskogo-monastyrya/> <https://pkzsk.info/kazinskijj-monastyr-mify-i-fakty/> Виниченко С. Казинский монастырь: мифы и факты. 1.01.2026
28. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://pkzsk.info/vojjna-mirov-v-petrovavlovskom-uezde/>
29. [https://alexanderyakovlev.org/fond/\[Сибирская вандея\]](https://alexanderyakovlev.org/fond/[Сибирская вандея])
30. Гноевой Н. Из истории Урицкого района // Строитель коммунизма, 1977
31. СРГА.Ф.195.Оп.1.Д.2.Л.27.
32. Хлызов М.И. Конец банды Ваньки Землина. Зырянские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган, 2011. – с.105-106
33. Кочегин П. Безымянный обелиск // Уральский следопыт, март 1969
34. Ибраев Ж. Каркаралинская трагедия. / в сб.: Страницы боевого пути. – Алма-Ата, – 1987
35. Электронный ресурс. Режим доступа <https://www.kurgangen.ru/local-finding/grajdanskaya/krestyanstvo/> Олег Винокуров. Крестьянство Зауралья в 1918-1919 годах. Винокуров О.А. Установление советской власти в Курганской области в августе 1919 года. – Шадринск, 2018. – 379с.
36. Савин И.Г. «Отряд пресновских партизан» // «Ленинское знамя», 30.10.1959
37. Электронный ресурс. Режим доступа <https://pkzsk.info/poslednijj-shans-admirala-kolchaka/> Олег Винокуров О. Последний шанс адмирала Колчака. 15.03.2020. Винокуров О.А. Битва на Тоболе: 1919 год в Курганской области. Кн.2. «Тобольская кадрили», сентябрь 1919.– Курган, 2023. – 345 с.
38. Плескач И. Школа мужества // Синие шинели. – Алма-Ата, 1967.
39. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. – Москва. 2000
40. Чупрова Л.В. В боях за советскую власть // Притоболье. – 1981. – 28.11
41. Сартаков И.П. Кулацкий мятеж в Курганском уезде // Притоболье. – 1967.

«Народная дивизия»: от Ишима до Уланкома По страницам следственного дела

Западно-Сибирское восстание 1921 года выдвинуло на руководящие роли людей, имевших в царской армии невысокие офицерские и унтер-офицерские звания – поручик, подхорунжий, корнет, урядник, вахмистр, рядовой. Звания уровня войскового старшины были скорее исключением из правил. За несколько месяцев восстания вожди движения были произведены в есаулы, войсковые старшины и полковники. Они командовали соединениями, соответствующими присвоенным званиям – полками и дивизиями, и целыми «армиями». Примером может послужить судьба Семёна Токарева.

Командир 1-й повстанческой Сибирской казачьей дивизии, ставшей позже «Народной», подхорунжий Семен Георгиевич Токарев родился в 1888 году в поселке Екатерининском Пресновской станицы Петропавловского уезда (совр. село Екатериновка, Жамбылского района СКО). Токаревы

впервые встречаются на Горькой линии в ревизских скасках второй половины XVIII века в списках драгун, составлявших гарнизоны крепостей и редутов. В документе по крепости Пресногорьковской за 1782 года есть запись: Маланья Васильева дочь Токарева, на пропитании сын Иван, Иванова жена Степанида, взята Сибирского полку драгунская дочь и пятеро детей [10].

Некоторые укрепления были ликвидированы, позже возникли вновь, поэтому жители крепостей перемещались во вновь созданные редуты и оказывались в разных местах линии. Казаками Токаревы стали в 1808 году, когда вышел указ Александра I о создании Сибирского линейного казачьего войска. Екатериновка расположена в четырех верстах западнее редута Пресноизбного, стоящего некогда на торговом тракте. В пятнадцати верстах северо-западнее расположена станица Кабанья, уроженцем которой является один из активных участников восстания Иван Иванович Дурнев. Священник Иван Голошубин писал в 1914 году:

«Поселок Екатерининский – Акмолинская область, Петропавловский уезд, Пресновской станицы, расположен при озере Питном. Через поселок проходит почтовый тракт от Троицка до Петропавловска. Население - 622 человека. Старожилы. Раскольников и сектантов Екатериновке в приходе нет. Зажиточные из прихожан сеют до 30 десятин пшеницы и почти столько же овса; средние – пшеницы и овса до 15 десятин, а бедные — до 5 десятин. В пос. Екатерининском – одна мелочная лавка. Многие из прихожан зимою пользуются льдом. За медицинской помощью обращаются к участковому врачу или фельдшеру в станицу Пресновскую или г. Курган» [3].

О Екатериновке начала XX века писал в своих воспоминаниях известный казахский писатель Сабит Муканов, впервые оказавшийся в поселке в 1913 году:

«К вечеру этого дня мы доехали до желанного Кутурлагана. До сих пор я знал о нем только понаслышке, и сейчас он меня поразил своим великолепием. В первый раз я видел поселок, состоящий из одних деревянных домов. Ни саманных построек, ни землянок, ни юрт, а именно просторные пятистенные избы, дома, состоящие из двух комнат. Большинство их стояло под тесовой крышей, но изредка попадались и крытые железом. В центре поселка – площадь и деревянная церковь с колокольней. Главная улица длиной версты на полторы, и, только проехав её всю, мы выехали на окраину. На самом краю поселка-станицы стояли два длинных многооконных здания. Болтабай объяснил, что это маслозавод и школа. За ними мельница, болотистый луг, камыш, осока и две еле-еле видимые точки, наверно стога сена. Но когда подъехали ближе, мы увидели: то, что я издали принял за стога сена, оказались двумя юртами... Кутурлаган (так называли поселок казахи – прим.С.В.) не обычный русский поселок, а одна из казачьих станиц на линии Гурьев – Уральск – Оренбург – Троицк – Пресновка – Петропавловск – Омск и вдоль по Иртышу дальше, до самого Зайсана. Это все форпосты. Царское правительство опоясало и заковало этот

край цепью крепостей – станиц. В станицах и условия другие землепользования особые: если на одну мужскую душу переселенца полагалось пятнадцать десятин, то в станицах надел не меньше тридцати. Поэтому казачьи поселки были, по крайней мере, в два раза больше обыкновенных русских деревень. Кроме того, казаки получали еще много земель за выслугу, в награду и т.п. Таким образом, получалось, что соседний поселок Исаевка (современная Чапаевка) и станица Кутурлаган занимали одинаковые площади, хотя хозяйств в Исаевке было в три раза больше. На земле Кутурлагана много лесов и озер. У самой станицы два больших озера, они настолько велики, что противоположенные берега их скрываются в тумане. Сеяли в станице помногу, полосы отдельных хозяйств доходили иногда до двадцати гектаров и больше, много земли было под выгонами».

Сабит Муканович упоминает Токарева, возможно, родственника Семена Георгиевича: «Шодыр – Федор Токарев – пожилой человек, в его волосах и длинной красивой бороде уже блестят серебряные нити, а около глаз и на лбу много морщин. Жена его, рыхлая, одышливая женщина, такая полная, что ей трудно подняться со стула. У Шодыра четыре сына, но с отцом живет только младший, а в то время, о котором я рассказываю, и его взяли на фронт, дома осталась его жена Марфушка, статная, красивая молодуха. Хозяйство у Шодыра не маленькое: десять рабочих лошадей, десять пар волов, сорок-пятьдесят овец и коз, около двадцати свиней и поросят, гусей два десятка, уток штук пятнадцать да кур с полсотни»[6].

В Первую мировую войну Семен Токарев служил в 1-м Сибирском казачьем полку на Кавказском фронте. В 1916 году за личное мужество получил георгиевский крест IV степени.

Подхорунжий отнесся к февральской революции 1917 года доброжелательно, «так как сочувствовал раскрепощению народа». После октябрьского переворота по демобилизации отправился в Екатериновку, где занялся хлебопашеством и, хотя революционной «программы не знал», в марте 1918 года был избран председателем станичного исполкома и находился на этой должности до ноября 1918 года. После белогвардейского колчаковского переворота должность свою сдал, занимался хлебопашеством до мая 1919 г. Токарев отрицательно отнесся к приходу к власти Верховного правителя, из-за опасения быть мобилизованным в белую армию. Однако мобилизации ему избежать не удалось. В мае 1919 года его призвали и назначили в 4-й Сибирский казачий полк взводным командиром.

В Омске он пробыл до июля 1919 года, «когда за агитацию с сотней был арестован Колчаком, отвезен в село Красноярское Ишимского уезда под стражей пробыл 2 ½ месяца и был при отступлении вновь взят в свою часть». В конце ноября 1919 года в станице Ильинской на Ишиме, южнее Петропавловска, сотня Токарева сдалась в плен частям Красной армии. 28 ноября бывшего подхорунжегопустили домой, где до весны 1920 года он «занимался хлебопашеством». В марте он был вызван в Омск и направлен служить в отдельный рабочий батальон. Уже в мае губернский военком

отправил Семена в родной Петропавловский уезд, в Новоникольскую на Ишиме, в составе ремонтной комиссии по регистрации конского состава. До начала широкомасштабного восстания Токарев проживал в этой станице.

Ход Западно-Сибирского восстания 1921 года достаточно широко освещен в исторической литературе. В документах и исследованиях историков прослежена картина действий повстанцев приишимских станиц после того, как они были выбиты частями Красной армии из Петропавловска и отступили вверх по Ишиму. Здесь, в долине реки, располагался целый ряд зажиточных станиц, население которых было настроено враждебно против советской власти

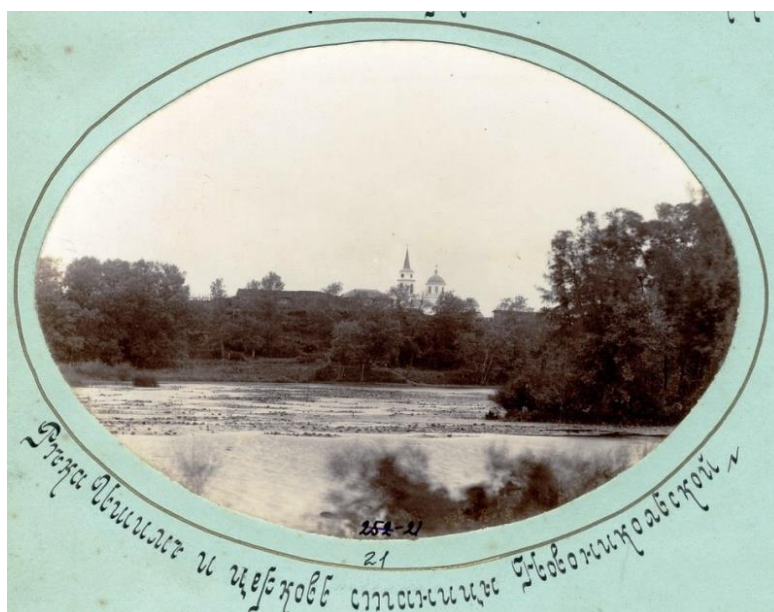
Семья Федора Токарева (с бородой). Расстрелян в 1929 году.
Семейный архив Токаревых

После отхода из уездного города Петропавловска, 16 февраля 1921 года в станице Архангельской был сформирован конный 1-й Сибирский казачий полк, состоявший из жителей приишимских станиц – Вознесенской, Архангельской, Надеждинской и Боголюбовской. Его командиром стал вахмистр О.П.Зубков. 2-й полк сформировали в Вознесенской – командир подхорунжий И.Винников.

В этот же период был создан Главный штаб во главе с рядовым Алексеем Федоровичем Кудрявцевым, работавшего до восстания заведомо Петропавловского уездного военкомата по учету конного состава.

Токарев Семён Георгиевич

18 февраля в Петухово был создан главный штаб Сибирского фронта (главком Владимир Алексеевич Родин, бывший поручик колчаковской армии, учитель из села Белого Соколовской волости). Штаб фронта обосновался в станице Новоникольской.

К 23 февраля из двух созданных ранее полков была сформирована 1-я Сибирская казачья дивизия со штабом в Вознесенской. Её начальником выбрали командира конной сотни станицы Новоникольской георгиевского кавалера Семёна Георгиевича Токарева. «Вскоре я был избран в Михайловском комбригом» – писал Токарев, полагая, что дивизия не может состоять из двух полков.

Возможно, бывший губернский военком Кудрявцев, а ныне начальник Главного штаба, рекомендовал его на эту должность. Сам же комбриг-комдив о начале восстания писал:

«В организации восстания участия не принимал и о ней ничего не знаю, хотя и были слухи, что в Ишимском уезде идёт восстание. По приезде в

нашу станицу приверженцев повстанцев из Боголюбово и станицы Архангельской ремонтная комиссия сдалась добровольно, и красноармеец Кудрявцев Алексей Федорович стал руководить движением в Красноармейском районе. Был ли он уполномочен на это, я не знаю. По его приказанию и по просьбе крестьян я принял сотню, сформированную в Ново-Никольском, и с ней ходил для организации восстания в Явленское

По прибытии туда я видел, как крестьяне вилами и топорами расправлялись с коммунистами. Свой авторитет для ликвидации безобразия не использовал, т.к. боялся крестьян. Было ли восстание организованным, я не знаю, знаю, что по станице разъезжали и призывали к восстанию.

Новокаменская, 1910 год

Военной организации предварительно никакой не было, т.к. сотни формировались уже после восстания. Восстание шло под лозунгом «Долой коммуны, да здравствуют Советы». Кто выкинул этот лозунг – хорошо не знаю, кажется, крестьяне. Вспыхнуло оно по рассказам на почве разверстки. Говорили, что собирают женское молоко и волос, но я этому не верил. Непосредственно в расправе с коммунистами я участия не принимал, для этого избирались в каждом поселке следственные комиссии. При бригаде следственная комиссия организовывалась в селе Корнеевка при отступлении с целью следить за правильными действиями бригады. В боях я участвовал 4 раза: в Явленском, Михайловском, Каркаралинске и в степях. Пленных мы не расстреливали. Незадолго до отступления Кудрявцев был смещен с должности начальника Главного штаба Ишимского фронта, а взамен избран Зубков Иосиф Петрович из ст. Боголюбовской. Через неделю Главный штаб был упразднен и организована дивизия, коей командовать выбран был я, а начальником штаба подьесаул Сизухин, именовавший себя Барбетовым. Более подробно рассказывать о восстании не могу, я сам не был в это посвящен» [4].

С частями Красной армии шли непрерывные бои. 18-го ими была взята Архангельская, и с этого момента наступление регулярных частей в долине Ишима продолжалось непрерывно до 26 февраля. Повстанцы медленно отступали вдоль Ишима на юг, теряя одну станицу за другой.

1 марта Главный штаб объединенного Сибирского казачьего войска во главе с Кудрявцевым переместился в Новоявленное. Дивизия Токарева действовала в районе Новоявленного - Новоникольской.

В разведсводке помглавкома по Сибири от 4 марта говорится, что в Петропавловском районе, у озера Кабанье, в 30 верстах юго-западнее Мамлютки, группируется до 1000 повстанцев. В районе Новоникольского находится Главный штаб. В районе оперирует казачья дивизия в составе трех полков, начдив Токарев, комполков Рогачев, Зубарев, Зубков. Адьютант дивизии (?) Кудрявцев. Один из вдохновителей – сын дьякона села Никольского Филиппов»[11].

Церковь в Архангельской

4 марта дивизия понесла тяжелые потери в ходе боя под Новоявленным, её основные силы отступили в Никольскую. В это время было принято решение – собрать на правобережье Ишима все отряды, находящиеся на Пресновской линии и влить их в дивизию для отхода в Кокчетавский уезд.

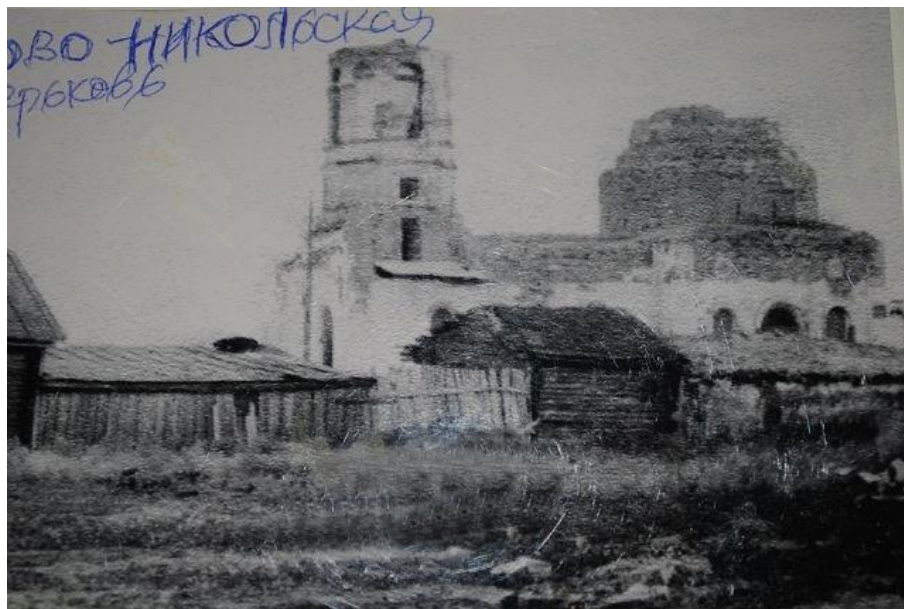
Об этом решении свидетельствует приказ №20 начштаба передовых отрядов Народной повстанческой армии Петропавловского уезда от 5 марта 1921 года:

«Ввиду продвижения противника, который воспользовался разложением народных войск, мы вынуждены теперь отойти для присоединения к южному фронту дивизии Токарева, находящейся в селе Николаевское для слития с ними и ведения наступления. Гарнизон станицы Пресновская, находящиеся в ней и проходящие войска из Лапушного,

Казанского, Островского должны двигаться на Рождественский, Троицкая, Спасское Кубичи, а всем отрядам в районе поселков Железный и Богатый двигаться через Новорыбинский, Троицкий, Спасское, Кубичи. В Кубичах будет сформирована из всех частей дивизия, которая волеется в расположение главного штаба, а также с присоединением кокчетавских войск к дивизии Токарева будет совместное наступление. Лица, отставшие от отрядов и перешедшие на сторону коммунистов, по занятию тех поселков народными войсками, будут караться также как и коммунисты». Начштаба Дуцев, адъютант Мануйлов [7, с.355].

В начале марта штаб 1-й казачьей дивизии и штаб 1-го казачьего полка находились под Пресновской, в поселке Новомихайловском.

7 марта 1921 года заместитель начальника штаба группы Ушаков отправил в Петропавловск донесение, в котором говорилось:

«По показаниям захваченного казака станицы Боголюбовская Арсения Белоусова, командовавшего второй сотней первого Сибирского казачьего полка, последний был сформирован бывшим вахмистром Зубковым, помощниками его были Рогачев Андрей, Звягин Ермолай. Второй Сибирский казачий полк формировался в станице Вознесенская, командовал которым бывший подхорунжий Винников Иван. Полки были разбиты на две сотни численностью 170 человек каждая. На полк приходилось около 100 винтовок. 1-й казачий полк имел пулемет. Полки подчинялись штабу Народной армии, начальником штаба последнего был Кудрявцев, начдивом – Токарев. Штаб дивизии и 1-го казачьего полка находится в Ново-Михайловке. В настоящее время Зубков занимает должность начдива, полк принял Погребных. При штабе дивизии находится учитель станицы Боголюбовской Акинишев как организатор. Священник Боголюбовского Федюшин скрылся»[11].

В 10-х числах марта дивизия Токарева действовала в районе: станция Михайловская (ныне село Новомихайловка), поселки Владимирский, Спасский. Архангельский, село Николаевское (Никольское), деревня Кубыши, села Семипольское и Дмитриевское. 14 марта повстанцы отступили к селам Новоявленное и Ильинское (у которого в ноябре 1919 года белая сотня Токарева сдалась в плен красным – прим. С.В).

15 марта между станцией Михайловской и Новоявленным «1-й полк Кубанской кавалерийской бригады навязал бой 1-му Сибирскому казачьему полку. Казаки, деморализованные поражениями, без патронов, потеряв много вооружения, были разгромлены наголову. Много казаков попало в плен, но основные силы дивизии Токарева (до 1500 человек) бежали в юго-восточном направлении» [8,с.226] и ушли в Кокчетавский уезд из деревни Корнеевка.

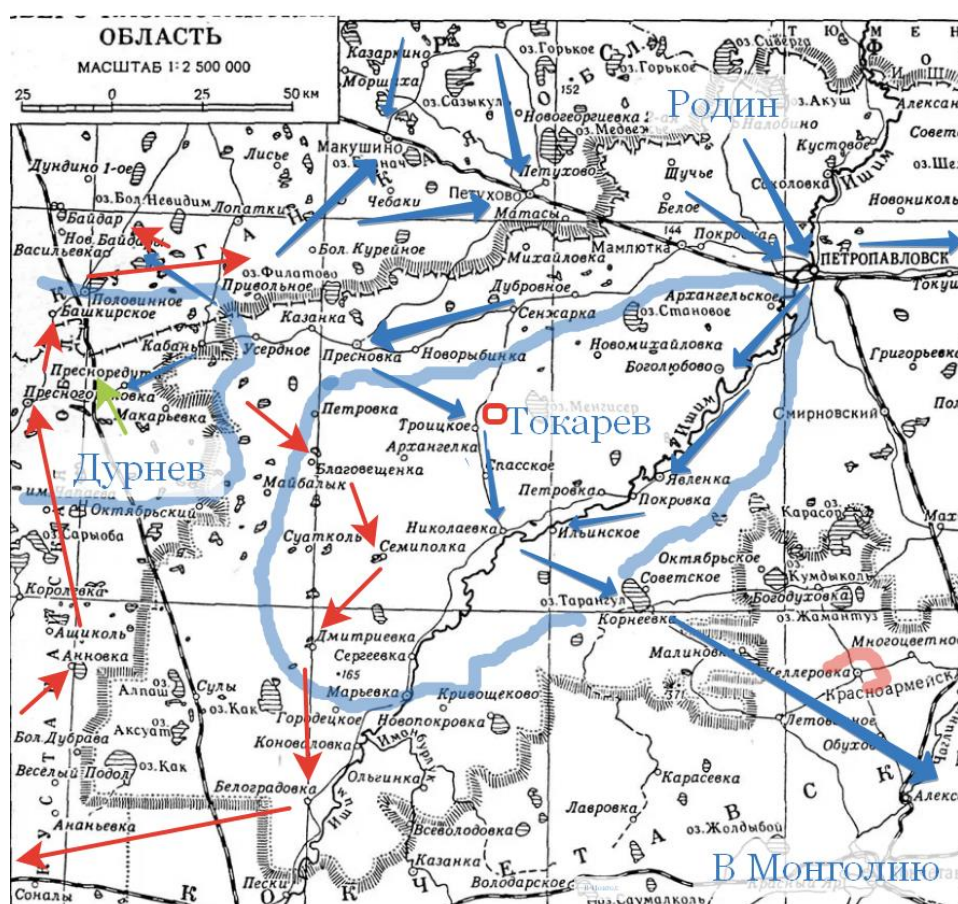

Схема действий повстанцев в феврале-марте 1921 на территории Казахстана. Синим показан район действий Токарева и Дурнева. Красные стрелки – походы Ковалева. Реконструкция автора.

Из показаний полковника С.Г.Токарева на допросе 4 мая 1922 года в Новониколаевске:

«В конце февраля 1921 г. в Корнеевку (Кокчетавского уезда) сбежались 4 штаба повстанческих частей, отступавших на Кокчетав. Туда же приехал Гноевых из Ишимского уезда. По предложению Гноевых и Сизухина эти четыре штаба объединились в дивизионный штаб, и из всех отрядов была

составлена дивизия, названная Народной дивизией. Состав штаба: командир дивизии – я, начштаба – Сизухин, пом. нач. дивизии – Гноевых. Выбрана была следственная комиссия: председателем Капустин, остальных членов он набирал сам. На собрании под председательством Гноевых было постановлено всей дивизии уходить за границу. По сообщению Гноевых, на китайской территории были русские отряды. Был издан приказ по всей дивизии, что идти должны только желающие, нежелающие могут оставаться в России. Остающимся выдавалось удостоверение, что они были взяты в отряд в качестве подводчиков. Это делалось для того, чтобы избавить их от преследований Соввласти.

Из Корнеевки в конце февраля вся дивизия в составе около 8000 пошла на юг. До трех тысяч осталось в Корнеевке, по дороге разошлось тысяч шесть. Границу перешло 1800 человек. По дороге дивизия крупных боев не имела»[4]. Надо отметить, что многие казаки до революции проходили действительную службу на границе в районе озера Зайсан и дважды верхами проходили степью через весь Казахстан – на службу и со службы. Поэтому путь был им знаком.

6 апреля дивизия вошла в Каркаралинск. Здесь были захвачены и расстреляны несколько десятков человек – коммунистов, активистов и сочувствующих. Об этом Токарев поведал на допросе 4 мая 1922 года. «Прибыли в Каркаралинск в половине (так в тексте – прим.С.В.) марта. Город был занят после небольшой перестрелки.

Комендантом города был назначен Гноевых. Захвачены были списки членов партии в партийном комитете и по ним произведены аресты. Захвачено было заседание коммунистов. Арестами и расстрелами руководила Следственная комиссия под председательством Капустина и коменданта города Гноевых. По их словам, расстреляно было человек сорок. Особенными зверствами отличался отряд Новикова, который в подчинение мне почти не входил. Новиковым самовольно была освобождена Каркаралинская тюрьма. Я и Сизухин старались остановить расстрелы, но не могли повлиять на свой отряд, в особенности на Новикова(4 мая).

Командир партизанского отряда Новиков – уголовный преступник, сидевший в Петропавловской тюрьме за убийство 9 семейств в районе Петропавловска и за грабежи. Он был выпущен из тюрьмы повстанцами Ишимского уезда. Его отряд (состоявший из 30 чел.) отличался наибольшими зверствами. Как выяснилось впоследствии, уже в Шара-Суме, Новиков во время восстания и отхода за границу занимался грабежом и убивал не только коммунистов, но просто обывателей с целью грабежа. Новиков был убит в одном из боев после ухода отряда с Эмиля. О зверствах и грабежах Новикова я узнал с Эмиля от партизан его отряда, которые раньше этого не разглашали, опасаясь мести Новикова (5 мая) [9].

О Новикове Иван Сизухин дополнил:

«Мне известно, что в дивизии, в отряде Новикова, был и уголовный элемент. Сам Новиков до восстания сидел в тюрьме, как уголовный, по

какому именно делу мне неизвестно. Из его ряда мне известно двое уголовных: Данилов, а второго фамилию не помню. По слухам, Данилов вырезал в Петропавловском у[езде] целую семью. Эти лица отличались особенной кровожадностью и грабежами. Отряд состоял из 50–60 человек. Попытки подчинить отряд Новикова воинской дисциплине не удались, а прибегать к репрессиям мы не решались, опасаясь мести. Новиков был убит в разъезде, после отступления с Эмиля. Данилов и другой из его отряда расстреляны за грабежи в Шара-Суминском округе, среди киргиз (казахов–прим.С.В.)»[4].

Дивизия покинула Каркаралинск 12 апреля и в середине мая присоединилась к корпусу А.Бакича, имея 1700 человек личного состава и 700 винтовок.

Новосибирские историки Д. Г. Симонов и А. И. Савин установили точное количество жертв уголовно-повстанческого террора в Каркаралинске: в период с 6 по 13 апреля 1921 г. повстанцами были убиты 58 коммунистов и 12 беспартийных; еще около ста человек, в том числе около пятидесяти красноармейцев, ушли из города вместе с повстанцами [5].

Бакич А.С.

Со слов Токарева: «По прибытии в район Чугучака мы узнали от местных жителей, что в этом районе стоит отряд Бакича, и Сизухин поехал для переговоров к Бакичу. Наш отряд вошел в подчинение Бакичу и интернировался на р. Эмиле. В это время у нас не было никаких планов о наступлении на Советскую Россию. В августе 1921 года в Шара-Суме среди Народной дивизии начались разговоры о необходимости наступления. Я отговаривал их, но в это время, ввиду моей болезни, отрядом руководил войсковой старшина Васильев, который был сторонником наступления. В это время и весь отряд Бакича уже готовился к возможному выступлению. Во всех частях были заготовлены красные флаги с маленьким трехцветным флагом в углу. Лозунгом отряда Бакича (корпуса) было: долой коммуны, пусть народ изберет такую власть, какую сам пожелает. В нашем отряде был такой же флаг, и мы присоединились к этому лозунгу.

В Кобдо мы соединились с Кайгородовым, который настаивал на скорейшем выступлении на Алтай, утверждая, что все подготовлено для

восстания. Кайгородов заявлял, что у него есть приговора от 12 волостей, что крестьяне обещают восстать как один для свержения коммунистов, обещают оружие и продовольствие. Начштаба Кайгородова Сокольников был офицером отряда Бакича (полковник генштаба); в конце 1920 г. он уехал на восток, но по дороге остался в Кобдо у Кайгородова. По рассказам офицеров, многие из отряда Бакича, стремившиеся уехать на восток, по дороге оставались у Унгерна и Кайгородов»[4].

В отряде Бакича повстанцев стали называть «народниками». Надо отметить, что так их называли и в покинутом ими уездах Северного Казахстана. В течение полугода продолжалась борьба на территории Монголии. За боевые отличия Бакич произвел в полковники Токарева. Сизухина, Дурнева [8, с.126].

Народная дивизия распалась после поражения при Шара-Сумэ. Две сотни ушли к Кайгородову в Горный Алтай. С ними ушел подьесаул Погребных, в 4-м полку которого было много починовцев и пресногорьковцев. Начальник штаба Народной дивизии Сизухин сдался красным вместе с корпусным обозом в Урянхае (10.12.1921), а начдив Токарев еще позже в городе Улангоме, видимо, вместе с самим Бакичем.

В ночь на 30 декабря 1921 года генерал Бакич и семьсот его бойцов капитулировали перед монголами.

3 февраля 1922 года 20 руководителей были переданы Советам. Остальных погнали пешком по Чуйскому тракту в Бийск. Генерала Бакича и офицеров корпуса судили судили в Новониколаевске 25 мая 1922 года здании театра в саду «Сосновка».

На суде 25 мая 1922 года Токарев на вопросы обвинителя отвечал: « В Петропавловском восстании я принял участие благодаря движению в то время, т.к. был выбран на командную должность. На моих глазах явлинские крестьяне расправлялись с коммунистами. Я уговаривал их не делать того, но что я мог сделать с толпой. Что Соввласть объявила разверстку на женское молоко и волосы, я не распространял, но слышал, что это было в Ишимском уезде. Виновным в убийстве в Каркаралинске я себя не признаю, я и сам боялся уголовного преступника Новикова с его отрядом. На вопрос обвинителя каким образом он боялся Новикова и его 150 человек, тогда как у Токарева было 1700 человек – Токарев отвечал, что, хотя у меня и было людей больше чем у Новикова, но они были не организованны и бороться против 150 человек хорошо организованного и вооруженного отряда Новикова не могли. При Колчаке я перешел на сторону красных, за что при обратном захвате меня Колчаком отбывал наказание»[4].

Сизухин И.З. 1909 год

Иван Сизухин на вопросы обвинителя отвечал: «Барбетовым я назвался чтобы спасти своего брата, в Китае я ни одного часа не называл себя Барбетовым. До службы в белой армии я был лесничим, хотел уехать с красными повстанцами, но не мог вследствие того, что за мной опоздала телега. В занятии Каркаралинска я не участвовал, прибыв туда уже после его занятия и были ли там расстрелы и грабежи, я не знал. В дивизии Токарева было 1700 человек, у Новикова в отряде 150 человек»[4].

На суде зачитали характеристику из дневника полковника В.Н.Троицкого: « Начдив Токарев. Повстанец, из крестьянских кулаков, боится Соввласти. Малоразвит, с небольшой военной подготовкой. Боится возразить и может принять все обиды на себя, не заступившись за себя» [4,с.234].

Из последнего слова подсудимого Токарева: «За указанный поход и вследствие моего должностного положения Бакич произвел меня в чин полковника. В дальнейшем я переживал все то, что и корпус Бакича, участвуя во всех его походах. Вернуться в Россию и думал, лишь бы тогда не так строго за мои преступления судили. Виновным себя признаю в том, что участвовал активно в [восстании в] Петропавл[овском] уезде. а) в том, что своим авторитетом и положением не удержал подчиненную мне массу от бесцельного и жестокого уничтожения коммунистов, а содействовал этому постольку, поскольку командовал воинской частью б) в том, что, придя на территорию Китая, ложными слухами о действиях Соввласти внес безведомо искажение в понятие последней среди состава Корпуса Бакича, чем противодействовал возвращению их на территорию РСФСР. Больше показать ничего не имею. Протокол написан с моих слов»[9].

Токарев и Сизухин на процессе над Бакичем (Новониколаевск, 25.05.1922) проявили «наибольшее упорство в своих убеждениях» [2, с.173] и были расстреляны вместе с ним 17 июня 1922 года [1,с.58].

Документы обвинительного процесса
[Дело генерала Бакича...Новосибирск,2022].

Из обвинительного заключения 12 мая:

В мае 1921 г. на р. Эмиль прибыла из Советской России, так называемая Народная Дивизия под командой есаула Гноевых и полковника Токарева и вошла в подчинение генералу Бакичу. Дивизия состояла из повстанцев Ишимского и Петропавловского района. Установлено, что народной дивизией в Каркаралинске расстреляны и зарублены все коммунисты и советские работники.

Избегая еще столкновений с частями Красной армии, народная дивизия и Оренбургский корпус, под общим командованием ген[ерала] Бакича 24 мая 1921 г. снялись с р. Эмиль и двинулись походным порядком к китайской крепости ШараСуме, 2-го июля, заняв с боем Шара-Суме, ген[ерал] Бакич остановился в ней лагерем (том 18, стр. 5).

Красноармейским частям и к населению рассылаются воззвания с призывом к борьбе с Советской властью. Лозунгами наступления намечаются: «долой коммунистов, да здравствует Советская власть», «долой коммуны, да здравствует власть свободного личного труда». Приказом по корпусу и Народной дивизии объявляется, что все части должны завести красные знамена, левый верхний угол которых должен быть трехцветным.

Генерал-лейтенант Бакич говорил 12 мая о роли дивизии Токарева в дальнейших действиях 4-го корпуса:

С Оренбургским корпусом я не предполагал выступать на территории России до тех пор, пока меня не позовет народ. Народная же дивизия под командой Токарева все время требовала от меня наступления на Сов[етскую] Россию, почему мною части Народн[ой] див[изии] не пускались.

25-го мая был оглашен приговор, перед которым дали подсудимым последнее слово:

Токарев: с [19]19 года, когда я был мобилизован Колчаком, я все время подчинялся воле народа, прошу снисхождения и помилования.

Сизухин: Мне предъявлено обвинение в убийствах в Каркаралинске, в чем виновным себя я не признаю и прошу снисхождения.

Из приговора 25 мая 2022 года

Токарев и Сизухин оба в том, что [во 1)], командуя так называемой Народной дивизией, принимавшей участие в вооруженной борьбе с Советской властью в 1921 г. в районе Ишимского и Петропавловского уездов, во главе этой дивизии в мае 1921 г. ушли из пределов России с целью продолжения борьбы с Советской властью, присоединившись к отдельному Оренбургскому корпусу и в составе этого корпуса принимали участие в вооруженном наступлении на Советскую Россию и, во 2) в том, что уходя из пределов России на соединение с отдельным Оренбургским корпусом, в г. Каркаралинске и его уезде подвергли полному истреблению попавших в их руки коммунистов, ввиду чего, руководствуясь социалистическим правосознанием и революционной совестью, приговорила:

Из книги «Дело генерала Бакича»

1) б[ывшего] генерал-лейтенанта Бакича Андрея Степановича, 2) б[ывшего] генерал-майора Смольнина-Терванда Ивана Ивановича, 3) б[ывшего] капитана Козьминых Виктора Константиновича, 4) б[ывшего] полковника Токарева Семена Георгиевича, 5) б[ывшего] полковника Сизухина Ивана Захаровича и 6) б[ывшего] корнета Шегабетдинова Михаила Назаровича – подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять. Амнистии не применять.

Из статьи В.С.Иванова «Суд на генералом Бакичем и К» (*В. Таежный*). //«Советская Сибирь» 1922. 30 мая. № 117 (767). С. 3

Совсем иного типа полковники Токарев и Сизухин, приведшие к Бакичу «народную» дивизию после неудавшегося Ишимско-Петропавловского восстания. Первый – ярко выраженный упорный враг трудового населения, кулачок из казаков, совершил довольно трудный поход, ознаменовавший грабежом, убийствами, зверским истреблением коммунистов, второй типично выраженный урядник, выступающий на вторых ролях в трагедии трудового казачества. Страшной смесью лжи, религиозного одурачивания, кровавого разгула и безудержного человеконенавистничества веет от их показаний! Это в его «народной» дивизии подвязался уголовный отряд бандита Новикова и здесь же развозилась игуменом Ионой чудодейственная Табынская божья мать.

Обвиняемые по делу Бакича. Новосибирск.1922год.

Подпись Токарева под обвинительным приговором. 25 мая 1922 года

Из статьи Е.М.Ярославского «Генерал Бакич и эсеры» //«Правда», 1922. 8 июня №125.с.1

А сами эсеры организовывали в это время «Народную дивизию» под командой кулаков Токарева, Гноевых и других. В этой «народной» дивизии был специальный отряд Новикова, состоящий из уголовных преступников, освобожденных из уголовных тюрем. Вот эта-то народная дивизия прошла по Ишимскому, Петропавловскому, Каркаралинскому и другим уездам и в *одном только Каркаралинске* вырезала около 270 коммунистов и беспартийных советских работников. Никакими красками не изобразить зверства, совершенные этой «дивизией». Полковники Токарев и Сизухин также предстали перед судом.

Источники

1. Ганин А.В. Урянхайский поход Бакича // Родина. 2014 №7 с.52-58.
2. Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. – М.: Русский путь, 2004. 240с.
3. Голошубин И. Омская епархия. – Омск. 1914
4. Дело генерала Бакича: сб. документов и мат-лов / отв. ред. Д. Г. Симонов, А. И. Савин. Новосибирск, 2022. С. 212.
5. Курышев И. В. Повстанческий террор в период Западно-Сибирского восстания 1921 года // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 2. С. 333–345.
6. Муканов С.М. Школа жизни. Т.2.–Алма-Ата, 1965
7. Сибирская Вандея. 1920–1921. Т. 2. С. 603
8. Шуддяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1920–1922. Кн. 2.– М., 2004. С. 31
9. ГАО (Государственный архив Новосибирской области)
10. ТФ ГАТО (Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области) Ф.154.Ревизская сказка за 1782 год
11. РГВА.Ф.42, оп.1, д.1912 – операт. сводки.

Приложение

Казачи, сдавшиеся красным частям в Монголии в 1921 году и проживавшие на линии в 1930 году.

Сопоставление по данным О.А.Винокурова сделано автором.

Починовка - Дедов Егор 45лет, Дедов Егор 22 года, Кретинин Иван Васильевич, 1908 г.р, Кретинин Иван Алексеевич, 1910 г.р

Пресноредуть - Черепашкин Павел, 29л, Ларюшин Прокоп, 29л, Ряписов Михаил 35л, Черепашков Михаил, 45л, Черепашков Степан, 17л, Лавринов Афанас, 29л, Устенеев Иван 25л, Еремин Сергей, 35л, Ушаков Иван, 25л, Бутаков Егор, 49л, Воротев Александр, 33г, Бутаков Николай 27л, Ларионов Захар 43г, Батырев Никандр, 42г

Починовка - Пожидаев Артемий, 41г, Ширяев Федор, 44г, Алехин Павел, 30л, Головин Антон, 36л, Тагозин Яков, 37л, Пожидаев Михаил, 45л, Пожидаев Николай 18л, Приходов Андрей, 40л, Никитин Кирилл, 30л, Матальнин Григорий, 30л, Ханин Николай, 24г, Пожидаев Алексей, 30л, Чирков Владимир, 35л, Метальников Петр, 36л, Метальников Парфен, 29л, Веневцев Егор, 35л, Веневцев Михаил, 38л,

Метальников Филипп Тимофеевич, 1880 г.р, пос.Починный, пресногорьковцы - Головин Антон Миронович, 1884 г.р, Головин Григорий Миронович, 1893 г.р, Метельников Григорий Васильевич, 1880 г.р, Ханин Николай Иванович, 1897 г.р, Никулин Кирилл Сергеевич, 1888 г.р, Олехин Павел Андреевич. 1893 г.р, священник Андреев Степан, 50 лет, хорунжий Грязнов Григорий Еремеевич, 1888 г.р.

В списке 4-го повстанческого Сибирского казачьего полка есаула Погребных значатся казаки Пресногорьковской станицы:

Пономарев Никита, Черепанов Иван, фельдшер Петров Алексей, Степанов Павел(дожил до 70-х годов – прим. автора), Степанов Александр, Седельников Павел, Черепанов Кирилл, Тимофеев Яков, Коломин Владимир, Столяров Семен, Ермолаев Филипп, Головин Яков, Кузнецов Иван, Попов Александр, Петров Андрей.

По спискам поселков Пресногорьковской станицы за 1930 год вернулись из плена:

Ст.Камышловская:Пономарев Никита Григорьевич,6, середняк.
ст.Пресногорьковская:Черепанов Иван Георгиевич,9 середняк.
ст.Песчаная: Петров Андрей Ларионович 5, бедняк.

ст.Пресноредутская: Тимофеев Яков Николаевич, 5 середняк, выехал всей семьей на заработки в 1930 году

Черепашков Степан Михайлович 5 ижд. Бедняк (других Черепашковых по 4 станицам нет)

Ларишин Прокоп (скорее – Ларюшин) - в списках нет.

Лавринов Афанасий Никифорович,6 ижд. Бедняк.

Еремин Сергей Петрович, 9 ижд. Средняк.

Ушаков Иван Семенович,7 ижд.средняк.

Бутаков Николай Егорович,9 ижд. Кулак. (Бутакова Егора в списках нет), Ларионова, Воротева, Устенеева - в списках нет.

Ст. Починная:

Дедов Георгий Егорович, 6 иждивенцев, середняк.

Кретинин Иван Васильевич, 5 иждивенцев, середняк.

Кретинин Иван Алексеевич, 4 иждивенца.

Пожидаев Артемий Григорьевич 5 ижд, середняк.

Николаев Пожидаевых четверо – Николай Прокопьевич, 7 середняк, Николай. Михайлович, 5 середняк,еще один Николай Михайлович, 5 середняк, Николай Иванович 3,средняк.

Пожидаев Михаил Федорович, середняк.

Пожидаев Алексей Алексеевич, середняк.

Ширяев Федор Савич.7 середняк.

Алехин Павел Андреевич 7 середняк.

Головин Антон – нет в списках по 4 станицам.

Головин Григорий Миронович,8 середняк.

Ханин Николай Иванович,средняк.

Чирков Владимир Семенович, 9 середняк.

Веневцев Михаил Григорьевич. 7 середняк.
 Веневцев Егор – Георгий Веневцев, георгиевский кавалер.
 Пригородов Андрей Изотович (в списке Приходов), 7 середняк.
 Метальников (в списке Матальников) Парфен Иванович, 6 середняк.
 Метальников Петр Иванович 7. Средняк.
 Метальников Григорий Кузьмич. 3 середняк.

Список 4-го повстанческого Сибирского казачьего полка есаула Погребных (из архива Олега Александровича Винокурова):

Есаул Пудовкин Петр	Вахмистр	Кузнецов
Нагайкин Константин	Николай	
Пономарев Никита	Прапорщик Назаров	
Черепанов Иван	прапорщик Борисов	
Веревкин Ксенофонт	урядник	Телятников
Маликов Дмитрий	Григорий Сергеевич,	ст.Лебяжье
фельдшер Петров Алексей	Петропавловский уезд	
вахмистр Быков Иван	вахмистр Тяпкин Иван	
Гребенщиков Петр	Степанов Матвей	
Гребенщиков Николай	Ильин Александр	
Волкон Роман	Акимов Герасим	
Крапивин дмитрий	Поторочин Андрей	
Чернов Андрей	Черкашин Валерий	
Васильев Ефим	Боярчиков Ефим	
Степанов Павел	Петров Андрей	
Шульга Степан	Морин Иван	
Егорин Николай	Челдаков Яков	
Степанов Александр	Томарулов Гаврил	
Начпульткоманды Слотин	Копылов Кузьма	
Яков	Шурыгин Федор	
Слотин Сергей	Еременко Федор	
Петров Алексей	Шелков Никифор	
Седельников Павел	Коломин Владимир	
Григорьев Алексей	Шамояров(?) Иван	
Соловьев Георгий	Столяров Семен	
Сувоков Сергей	Кавкаев Герасим	
Утюгов Дмитрий	Акимов Николай	
Черепанов Кирилл	Степанов Александр	
Васильев Ефим	Клепиков Максим	
Васильев Георгий	Сазонов Илларион	
Зайцев Василий	Ермолаев Филипп	
Бедров Михаил	Лямкин Иван	
Тимофеев Яков	Голищев Андрей	
Градов Егор,	Семенов Степан	
Сазонов Илларион	Волков Яков	
Ищенко Иван	Челбаков Яков	
	Нексин Николай	

Молдин С		Фоминых Егор
Каин Оюм		Поваренкин Ефим
Кобиков Сарандай		Лямкин Егор
Дядюк Пуха		Плахов Дмитрий
Чардинцев Иван		Шипулин Федор
Зырянов Семен		Нефедов Митрофан
Буштакин Василий		Солодовников Ларион
Бурундуков Петр		Нелюбов Федор
Поваренкин Елистрат		Владимиров Михаил
Федин Степан		
Фомин Егор		
Стренков Григорий		
Нефедов Николай		
Нефедов Петр		
Нефедов Митрофан		
Андрющенко Иван		
Казаков Андрей		
Говалин Андрей		
Белков Фома		
Фирсов Николай		
Евдокимов Григорий		
Головин Яков		
Кошкаров Иван		
Кривых Тимофей		
Кривых Федор		
Волков Константин		
Кудрявцев Маркел		
Коновалов		
Завьялов		
Головин Ананий(?)		
Штырин Егор		
Косых Алексей		
Белков Константин		
Сайфулин		
Командир 2-й	сотни	
Казанцев Егор Софонович		
Кузнецов Иван		
Печенкин Андрей		
Тяпкин Варфоломей		
Попов Александр		
Бушуев Михаил		
Шестаков Яков		
Пастухов Степан		
Стрешников Иван		
Кардаполов Иван		
Поварикин Калистрат		
Нефедов Петр		
Нефедов Николай		

Гноевых Александр Афанасьевич (1889-1921), из казаков Петропавловской станицы, казак 1-го полка Отдельной Сибирской казачьей бригады, награждён Георгиевской медалью 4-й ст. (1915 г.), сотник (1917 г.), младший офицер 2-го Сибирского казачьего отдельного дивизиона, подьесаул (1919 г.), в 1921 г., в Степном крае и Китае – подьесаул, начальник повстанческой 1-й Сибирской казачьей дивизии, Сибирской народной дивизии, впоследствии полковник.

Эхо крестьянской войны в краю озёр

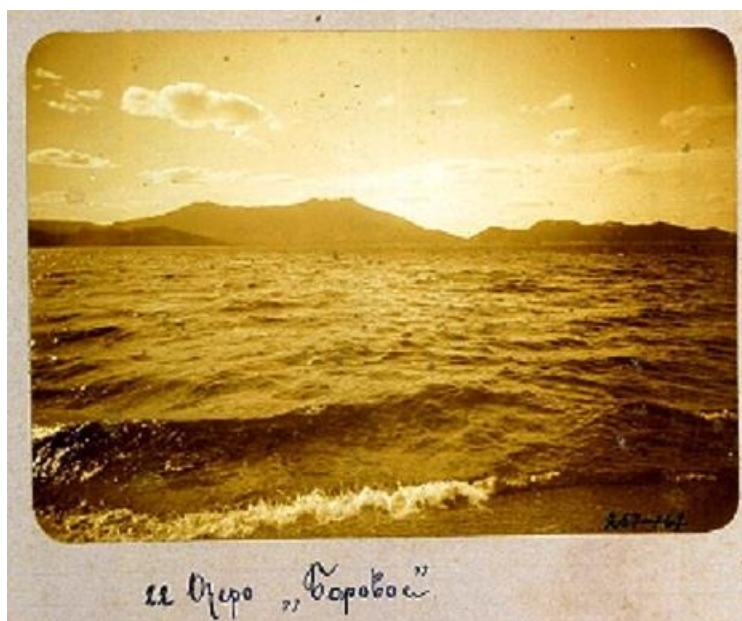
Далеко за пределами нашей страны известен курорт Боровое, настоящая жемчужина Северного Казахстана. Писатель Александр Чудаков в книге «Ложится мгла на старые ступени» с огромной любовью описал свой родной город Щучинск, нарисовал яркую картину жизни в этих местах в советское время. Книга стала бестселлером, и автор получил премию «Русский Букер». Однако, мало кто из многочисленных посетителей, приезжающих полюбоваться на красоты казахстанской Швейцарии, знает о грозных событиях столетней давности. Давно нет на свете очевидцев событий, но в архивах остались сухие строки оперсводок, рапортов и приказов, пожелтевшие страницы которых по-прежнему заряжены небывалым напряжением тех лет...

После подавления Западно-Сибирского восстания 1921 года и ухода в Китай и Монголию основных частей повстанческой армии Токарева в северных уездах Акмолинской губернии было неспокойно. Те, кто не был арестован и не пожелал навсегда покинуть родные края, продолжали сопротивление, пользуясь поддержкой местного населения. В документах частей особого назначения (ЧОН) они названы бандитами, что во многих случаях соответствовало действительности. Непримиимые идейные борцы против большевизма оказались в одной связке с обычными уголовниками. Таковы были неумолимые реалии того времени. Количество бойцов в таких

группах постоянно менялось – от незначительного до весьма внушительного. Это обстоятельство зависело от места расположения отряда, количества припасенного довольствия, воли командира, времени года. Характерной чертой действия банд в конце 1921-1922 годов была их повышенная активность в лесах у родных станиц и сел и в районах, через которые проходили торговые тракты. Понимая свою неспособность воевать с вооруженными и обученными красноармейцами и даже с коммунарами из батальонов ЧОН, отряды нападали в ночное время на милиционеров, убивали активистов, комсомольцев из недавно созданных первичных ячеек. На большой дороге караулили слабоохраняемые обозы с продовольственным и семенным зерном, стоившим дороже золота в эти смертельно голодные годы.

Оружия у банд хватало – в станицах шашка была обычным предметом казачьего быта, а трехлинейки, дробовики, револьверы, гранаты и даже пулеметы, были припрятаны на всякий случай у любого уважающего себя селянина. Чекистские обыски и карательные меры в отношении любителей припрятать оружие чуть позже сделают свое дело. Заставили сдать все, вплоть до пластунских ножей. Но даже в 70-е годы находили, в уже постаревших и осевших хатах, то заржавленную шашку, то завернутый в промасленную тряпку наган, спрятанный в балочном перекрытии чердака. Часть этих находок становилась экспонатами музеев, другая часть пополняла коллекции собирателей старины. В редких случаях была даже своя артиллерия. Например, 22 октября 1921 года чоновцы из Петропавловска пустились в погоню за отрядом Ветрова и Богданова и в сорока верстах севернее Мамлютки неожиданно напоролись на орудийный и пулеметный огонь. Две трехдюймовки калибром 76.2 мм, прошедшие две войны, оказались на вооружении повстанцев. Такой случай был чрезвычайной редкостью для этого времени.

В Кокчетавском уезде активно действовала банда Карпа Кожедуба, уроженца Никольской волости Акмолинской губернии. Сопки, густо поросшие лесом, огромные озера, отсутствие дорог делали район Щучинска очень удобным местом для партизанских действий. Тем более что местное русское и казахское население в основной массе сочувствовало отрядам.

4 октября в пятнадцати верстах севернее Макинского леса чоновцы пленили трех местных жителей из банды Кожедуба. На допросе они дали признательные показания. По их словам, банда разделилась на три части – десять казаков под командованием Габченко и Балташа Даутова скрылись в густых макинских лесах. С Кожедубом к озеру Ащикулово восточнее Макинска ушли сорок человек. Погоня за этими группами результата не дала. Около двух месяцев на их след выйти не получалось. Кожедуб «оседлал» тракт и отбирал оружие у одиночных красноармейцев и хлеб, отправляемый из сел и станиц в Петропавловск.

В январе 1922 года чекисты приняли решение окончательно покончить с Кожедубом и более мелкими бандами, терроризировавшими уезд. Стянув к озеру Мамай имеющиеся силы, чоновцы к концу месяца расплыли банду Кожедуба на пять частей по четыре человека в каждой, но им удалось проскользнуть сквозь заслоны и уйти к границам Петропавловского и Омского уездов, где они растворились в селах и аулах.

В связи с нарастающим голодом весной 1922 года участились случаи нападения на продовольственные обозы, появились новые бандгруппы. 16 марта севернее Кокчетава в Карачевке появилась банда из двух десятков человек, на счету которых были многочисленные грабежи и двадцать убитых красноармейцев и возчиков зерна. Их добыча составила более тысячи пудов хлеба. Банда была полностью ликвидирована 21 марта чоновцами, преследовавших атамана Ивана Агафонова после разгрома его банды в районе Горшевской.

15 марта в 130 верстах юго-восточнее Кокчетава у села Вознесенское на почве голода толпа местных жителей численностью около ста человек напала на семенной транспорт, следовавший из Акмолинска в Петропавловск. После неоднократных предупреждений конвой открыл стрельбу и ранил десятерых. У села Белоцерковка жителям удалось растащить часть хлеба и спрятать его.

Документы частей особого назначения тревожны: «Несмотря на ряд отданных приказов по ликвидации бандитизма и водворении полного революционного порядка на территории губернии, констатирую факты группировок уголовного бандитизма, организованных нападений на Семтранспорт и заметного оживления разбитых банд и переход их к активным действиям. Отмечается вновь появление в Кокчетавском районе банды Кожедуба в крупных населенных пунктах и открытое сопротивление нашим частям, и потери со стороны коммунаров, благодаря неумелому командованию и инертному руководству боеоперациями».

Речь идет о том, что 31 марта в аулах Жаворок и Швор, в ста верстах северо – восточнее Алексеевской, обнаружили Кожедуба с тремя бандитами.

Военком Чекуров выслал агентурную разведку из пяти коммунаров, которые отслеживали передвижение бандитов.

Но утром 10 апреля отряд Кожедуба и Габченко с сыном из десяти человек местных казаков из станиц Щучье и Котуркольской, был замечен уже станции Щучье Кокчетавского уезда.

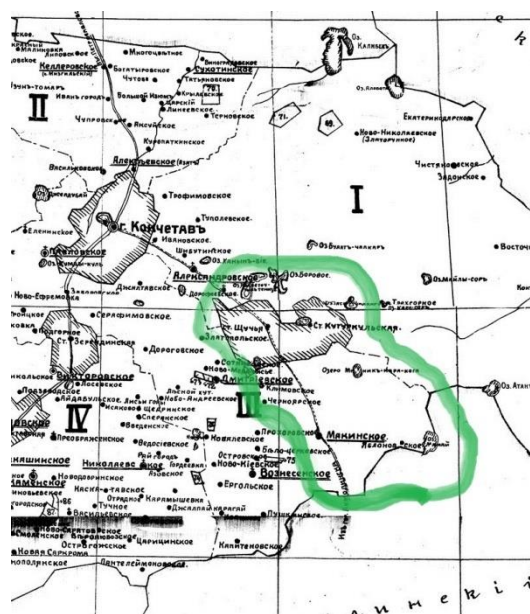
Акмолинский отряд ЧОН.1921 год.

14 мая начальник штаба ЧОН Акмолинской губернии Бобыкин писал в рапорте о ходе ликвидации банды:

Агентурной разведкой 15 ОН Кокчетавского батальона 10 апреля в 10 верстах восточнее станицы Щучье в Котуркольском лесу обнаружена банда под командой Кожедуба, численностью 12 человек. Кожедуб и Габченко с сыном, остальные завербованы из местных казаков станиц Щучье и Котуркольская. Сформирован отряд для ликвидации банды под командованием комэска Мечалкина в 60 штыков. Из Борового прибыли 14 пулеметчиков пулькоманды и пулеметом «максим» из 2-го батальона 255-го полка. Отряд в 2 часа дня 13 апреля занял позиции в лесу и начал атаковать землянку. Банда вступила из бойниц в перестрелку и бросив землянку беспорядочным строем бежала в чащу леса. Убит один бандит и один взят в плен. С нашей стороны убито четыре коммунара и трое ранено. Банда рассыпалась в полосе дорог, ведущих на станицу Котуркольскую и курорт Боровое, скрываясь в заросших лесом сопках».

При преследовании чоновцы захватили в плен казака из Котуркольской станицы Николая Мельника. Местные жители при опросе показали, что он участвовал в прошлогоднем февральском восстании и состоял комендантом в банде Кожедуба. При дальнейшем преследовании разведка установила, что бандиты рассыпались по несколько человек и скрылись в лесу в десятке верст от Котуркольской.

И вновь «батька» ушел от неминуемого плена. Целую неделю его преследовали два конных отряда по десять сабель в районе озера Боровое, но ему удалось оторваться от погони.

Район действия Кожедуба в Кокчетавском уезде

Через три недели он вновь объявился в казахских зимовках Майнаевых на озере Джукей неподалеку от станицы Котуркольской. Командир кавалерийского эскадрона Озимин повел отряд в тридцать штыков, впереди которого шла конная разведка в десять сабель, на соединение с отрядом Писунова (десять штыков и пулемет) и Пороха (тринадцать штыков и пулемет). Объединенная группа двинулась на юг, к озеру Мамай.

Для заслона района выдвинулся отряд Черняева в двенадцать сабель. Севернее, на границе с Петропавловским уездом, расположился отряд Арсеньева из 14-го Петропавловского ЧОН.

3 июля был издан приказ ЧОН Акмолинской губернии. Командиру Кокчетавского ЧОН предписывалось в кратчайшие сроки ликвидировать банду Кожедуба и принять меры для охраны пролетарского курорта Боровое и транспортов больных и медгрузов следуемых по тракту Сухотино-Боровое.

14 июля конная разведка из шести кавалеристов была обстреляна неподалеку от Щучинска и потеряла двоих бойцов убитыми, одного – пропавшим без вести.

Люди Кожедуба действовали группами в трех местах: по дороге Боровое-Котуркольская, Боровое-Щучье, Макинское - Щучье. Два участника банды добровольно сдались властям, предложив указать местонахождение отряда.

В середине августа согласно разведсводкам действовали четыре банды – по одной в Петропавловском и Кокчетавском уездах и две в Акмолинском. Политической окраски банды не имели – их целью был

грабеж. Обычной тактикой было нападение на одиночно следуемых по дорогам и их ограбление. Лишь бандиты Кожедуба отличились в убийстве ответработников и коммунистов. Взятие сорока заложников из семей бандитов и арестовав снабжающих банду продовольствием снизило активность Кожедуба, который продолжал скрываться в Щучинских лесах, имея намерение осенью уйти в Семипалатинскую губернию или в Петропавловский уезд в район Булаево, где планировал объединиться с бандой Черкасова.

Кем же был Карп Кожедуб? На этот вопрос дают ответ документы, собранные историком Александром Дубовицким. Карп Кожедуб, служивший лесничим в 1920 году появился в Акмолинске и представился уездному военкому Пассиковскому героем Первой мировой войны, сбежавшим из белой армии. Военком назначил его командиром караульной роты. До Пассиковского стали доходить слухи, что Кожедуб занимался разбоем, а награбленное продавал в собственной сельской лавке. Крестьяне опознали грабителя и потребовали наказания для него.

«В марте 1921 года Пассиковский назначил его начальником команды колчаковских дезертиров и вместе с красноармейцами караульной роты отправил в отдаленное село Красный бор для заготовки дров».

Тут-то Кожедуб объявил дезертиров вольными людьми, открылся красноармейцам, что он против коммунистов, и объявил себя атаманом. В селе Лебедевка Карп основал штаб, стал собирать вокруг себя всех недовольных продразверсткой, ведь у крестьян безжалостно изымались для нужд государства все запасы продовольствия. Ближайшей целью атаман объявил захват большого богатого села Никольского, где его поддерживали богатые крестьяне. Еще во время службы в Акмолинске Кожедуб со своими сторонниками в городе сумел похитить и тайно переправить в Лебедевку ящики с оружием. Узнав об этих событиях, Акмолинский продовольственный отряд и часть особого назначения, занятые в селах продразверсткой, срочно покинули Никольское и ушли в Алексеевку (ныне город Акколь). Так Кожедуб обосновался в Никольском и нацелился на Алексеевку, ну а конечной «станцией» на его победном пути должен был стать Акмолинск».

Карп Кожедуб при содействии отряда Бороздина взял Алексеевку и устроил в ней жестокую расправу. Весной 1921 года Кожедуб действовал в рядах «народников», направлявшихся в Монголию. В документах есть упоминание о Кожедубове, командовавшем дивизионом в 1-й Сибирской казачьей дивизии Токарева, но с «народниками» Карп не ушел, остался в родных краях. Проживал, по-видимому, недалеко от с. Никольского (ныне Буландынского района) в с. Лебедевка (рядом с Никольским есть «Лебедевская сопка»).

Кожедуб прятался с отрядом в горах близ Щучинска, дерзко нападал на советские учреждения, убивал на дороге в Акмолинск чекистов и коммунистов. В Акмолинске появилась антибольшевистская организация «Штаб действия исполнения». Весной 1922 года этот штаб поставил цель

совершить вооруженный переворот в Акмолинске, с учетом ошибок прежней неудавшейся попытки. Основной ударной силой должен был выступить отряд Кожедуба.

В одну из июньских ночей он и подпольщики должны были встретиться в Акмолинске. Однако в штабе оказался предатель.

Коммунисты выставили в городе вооруженные посты и засады, но захватить Кожедуба им не удалось. Вскоре руководство контрреволюционной организации было арестовано. Тут же чекисты прислали из Петропавловска отряд для ликвидации банды Кожедуба. Переодетые крестьянами, под видом переселенцев на бричках, закрытых пологами, и днем, и ночью чекисты ездили по дороге из Акмолинска в Щучинск. Они выпрашивали местных про Кожедуба, побывали даже на стоянках банды, но так ее и не нашли.

Следили и за женой Кожедуба в Лебедевке. Однажды заметили, что она начала варить самогон. Тут-то чекисты и поняли, что Кожедуб вскоре наведается домой. В лесочке у деревни устроили засаду с пулеметом. Кожедуб действительно пришел домой с товарищами. Началась перестрелка. Кожедуба ранили в ногу, убили под ним коня, но он все равно ушел от преследователей. От взрывов гранат и выстрелов разбежались кони чекистов, догнать бандитов они не смогли.

После декабря 1922 года Кожедуб со товарищи перестал фигурировать в чекистских оперсводках. Вскоре выяснилось, что Кожедубу удалось добраться до Украины, где был застрелен. Отряд же его, оставшись без предводителя, распался, люди разошлись по домам [1].

В своих исследованиях историк Константин Сергеев о Карпе Кожедубе писал:

«М. Порох в своих мемуарах отразил: «Наш отряд преследовал их в лесах 2 месяца. Сам Кожедуб с ним 6 человек приближенных, скрылись, запаслись документами у убитых ими коммунистов. Пробравшись на Украину в Полтавскую губернию устроились там на руководящую работу. В 1924 органами ГПУ они были все разоблачены и расстреляны, о чем было сообщено в газетах «Правда» и «Известия»». Несмотря на поиски, подтверждающей информации в газетах того периода я не нашел» (из переписки автора с Сергеевым К.В.).

Сергеев считает, что база Кожедуба располагалась в труднопроходимой, болотистой местности, в районе 26-го разъезда (местное название «белоказармы»). Отсюда можно было контролировать Акмолинскую дорогу и поддерживать связь с атаманом Габченко.

Из села Ерголка в отряде Кожедуба был Яков Максименко, бывший командир повстанческого отряда того села.

Именно Максименко довелось в составе отряда Кожедуба, случайно встретится, с Мистюртным Василием из села Ерголки, который активно помогал советской власти. Встреча с односельчанином окончилась для Василия весьма плачевно, он был расстрелян на кладбище села Сергеевка

Аккольского района. Тело долго лежало на погосте, лишь спустя время труп захоронили на площади с. Ерголка.

С началом летней спецоперации, Кожедуб понял, что пока его отряд не будет уничтожен, власти не успокоятся. Судьба его сподвижника, Балташа Даутова погибшего в начале 1922 года, Кожедуба явно не прельщала.

Оперативные донесения того периода указывают: «Два участника банды добровольно сдались властям, предложив указать местонахождение отряда». Летом 1922 коммунистами началось практиковаться массовое взятие заложников из членов семей и сочувствующих повстанцам. Было понятно, что вскоре коммунисты получат сведения о всех укромных местах отряда. Силы были явно неравны. Видимо потому, распустив слухи об уходе в Семипалатинск или Петропавловск, костяк отряда решил по документам убитых коммунистов уйти на Украину.

Так почему не могут найти следов «Кожедуба»? Да потому что он вовсе не «Кожедуб».

Житель с. Никольского, Г.М. Анциферов называет его в воспоминаниях «прапорщик Козодуб»[2].

В. Савельев, в своей книге «Веселое горе» упоминает, что крестьяне с фамилией Козыдуб были переселены в Акмолинскую губернию из села Еремеевка Золотоношенского уезда Полтавской губернии[3].

В.Я.Ревегук. исследовавший материалы повстанческой борьбы на Полтавщине в период гражданской войны, написал о действиях отряда Савченко в районе Золотоноши.

Иван Григорьевич Савченко («Нагорный») 1895 г.р., проживал в селе Золотоноша Еремеевской волости Полтавской губернии. Послужив в Красной армии и милиции, в 1920 году Савченко под кличкой «Нагорный» начал партизанить. Отряд «Нагорного» разгонял в разных волостях большевистскую власть, подчинив ряд других повстанческих отрядов, за что был назначен Симоном Петлюрой «Главным атаманом повстанческих сил Левобережной Украины».

В 1922 году «Нагорный» планировал начать восстания в Киевской, Полтавской и Кременчугской губернии.

«Нагорного» изловил черкасский ЧОН в районе села Еремеевки.

Еремеевский отряд самообороны был напрямую связан с «Нагорным». Командир отряда Иван Цокало, «Белый», тесно общался с «Нагорным». 30 января 1923 года «Белый» и его помощник «Черный» были убиты в селе Золотоноша при разоружении отряда сотрудниками ГПУ. Членов отряда «Нагорного» и связанных с ним лиц ждал суд, по решению которого Савченко расстреляли. С ним же к смертной казни были приговорены И.А. Козедуб и Г.К. Козедуб. Так же 2 года получил К.М. Козедуб.

Интересна телеграмма из Петропавловска за подписью Бобыкина от 16 декабря 1922 года. В ней говорится:

«3 декабря в урочище Беркуты в 28 верстах юго-восточнее Щучинска на восточном склоне сопки в искусственно замаскированных кожами погребках обнаружена банда Габченко в количестве 4 человек. 5-й ОН

Кокчетавского батальона силой 10 штыков под командованием Сыченко вступил в перестрелку, бандиты упорно сопротивлялись ружейно-гранатным огнем. Был убит главарь банды Габченко, трое взяты в плен. Трофеи 5 винтовок, браунинг, кольт, шашка, 2000 патронов, около 60 пудов продовольствия».

Об этом событии в газете «Красный пахарь» была опубликована заметка: «В лесу, в урочище Беркуты, в двадцати верстах южнее Котуркуля, отрядом ЧОН поймана шайка бандитов. При взятии банды, засевшей в специально выстроенной и хорошо замаскированной избушке, главарь этой шайки Дмитрий Габченко был убит, остальные трое взяты и обезоружены. Пойманы еще шесть человек, кои являются основным звеном банды Габченко. Обезоруженные бандиты показали скрытый погреб, где обнаружено их имущество: семь возов холодного и огнестрельного оружия, патронов и одежды. Как банда, так и принадлежавшее ей оружие доставлены в город Кокчетав. Ура нашему отряду, избавившему от бандитов население окрестных сел и станиц, которое они постоянно терроризировали!».

Дмитрий Никитич Габченко был старожилом этих мест. Его предки основали станицу Котуркольскую в 1848 году. Он был зажиточным казаком, пользовался большим авторитетом в станице, бывал с депутацией казаков в Санкт-Петербурге, встречался с императором, имел в степи влиятельных тамыров среди казахов. В 1917 году вахмистр Габченко был избран станичным атаманом. В документах его фамилия часто встречается рядом с Кожедубом, но станичный атаман был идейным противником большевизма, чем и отличался от последнего. В сознании обывателя закрепилось мнение о единых действиях Кожедуба и Габченко и многие преступления «батьки» молва приписала Дмитрию Никитичу.

Треугольником отмечено место пленения Габченко у горы Беркуты у озера Джункей

Из воспоминаний дочери атамана Анны: «В сентябре 1919 года неожиданно военный отряд окружил наш дом. Отец только что помылся в бане и не успел ещё одеть верхнюю одежду. Так его полураздетого и вывели во двор, посадили посреди двора, и пока дома делали обыск, угрожали оружием, требовали указать, где спрятано награбленное добро. Ничего, конечно, не нашли, кроме его личной одежды. Забрали отца, угнали лошадей и скот. Мать просила пожалеть малых детей, оставить хотя бы корову, плакала. Сжалились, корову оставили».

В февральско-мартовском восстании 1921 года Габченко участия не принимал, понимая бесплодность попыток свержения новой власти. Но чувствуя угрозу для своей семьи, спасаясь от красного террора, Габченко решает скрыться, а лесу вместе со своим старшим сыном Прокопием. К ним присоединились брат Фёдор Габченко вместе с сыном Василием и несколько станичников.

В центре – атаман Дмитрий Габченко. Из архива Сергеева К.В.

В июле 1921 года от Габченко сбежали трое казаков и сдались властям. О них упоминает в своём донесении председатель Котуркольского ревкома Фёдор Полиенко: «Щучье. Ревком. тов. Панасенко. После отправки трёх человек явились конные граждане станицы Котуркольской Дмитрий Хомулло и Семён Хомулло и заявили, что если этих трёх не расстреляют, то все котуркольцы придут домой, кроме двух головорезов Габченко Василия и Дмитрия. Ввиду всего этого нельзя ли с этих трёх снять допрос и отпустить? Или же снести с уездом по телеграфу. Относительно всего этого жду ответа. Пред. ревкома Ф. Полиенко. 1 августа 1921 года».

Беглецы выбрали себе место под горой Беркуты, в окрестностях озера Джукей, выкопали там землянку с потайным ходом, а сверху для верности

навалили берёзу. Скрывались до наступления зимы. Чекисты арестовали жену атамана и служившего у красных сына Георгия. Существует две версии пленения атамана – проговорился по пьяному делу Михаил Аверьянов, носивший в схрон еду, или лесник при обходе обнаружил землянку под упавшим деревом. Дмитрий Никитич не вышел вслед за сыновьями, застрелился в землянке. Командир Кокчетавской роты особого назначения Сыченко отдал тело родственникам и разрешил похоронить, что было необычно для того времени. Сын Георгий, служивший в частях ЧОН, пытался заступиться за братьев, но их расстреляли в Кокчетаве. Впоследствии он жил в Алма-Ате и Ленинграде, закончил институт, стал известным биологом, руководил научно-исследовательским институтом. В 1932 году был отправлен в Афганистан, где успешно боролся с саранчой. Погиб в годы Большого террора, как и Федор Никитич Габченко, атаман Котуркольской в годы русско-японской войны. Тогда же были расстреляны сыновья Федора Павел и Николай. Писатель В.М.Боговицкий в книге «Трудная любовь», изданной в 1971 году, описал события в соответствии с принципом социалистического реализма – герой книги Георгий, а репрессированные казаки – те, которых новый мир должен был уничтожить и забыть.

Озеро Джункей

Источники

- Анциферов Г.М. Вас расстреляют на закате// Синие шинели.–Алма-Ата,1967.
Дубовицкий Н.Жизнь и смерть Георгия Габченко// Ленинградская милиция.21.05-30.05.1991
Прохоров И. <https://mysl.kazgazeta.kz/news/15945>, Мысль. 5.04.2023
Ревегук В.Я. За волю Украины!– Полтава,2007
Сергеев К.В.Казачья вендетта//Материалы научно-практической конференции «Четвертые Омские военно-исторические чтения». – Омск,2023
Государственный архив города Астаны. Фонд 407, «Дубовицкий А. А.».

Эпилог

Эхо февральско-мартовского казачье-крестьянского восстания 1921 года (мятежа – в советской историографии) еще долгое время отдавалось кровавым гулом в уездах Северного Казахстана. Белогвардейцы из Оренбургской армии Дутова, корпуса Бакича, Отдельной Семиреченской армии Анненкова, повстанцы Токарева и Дурнева, эсеры, непримиримые казаки, авантюристы всех мастей, не желающие подчиняться требованиям Советов, постепенно растворялись и исчезали во временном водовороте наступившей новой эры, в которой им не нашлось места. Выхода из этой мглы для них не было. В красноармейских книжках периода Великой Отечественной войны непременно была запись «служил в армии Колчака», заверенная печатью НКВД. Несмотря на проявленные подвиги в войне с фашистами «бывшие» постоянно находились в поле зрения органов безопасности.

Многие участники подавления восстания были репрессированы и разделили судьбу побежденных через два десятка лет – в годы «Большого террора». Революция поглотила своих бойцов.

Без преувеличения можно сказать, что события, происходившие в 1917-1922 годах на просторах бывшей империи на берегах Дона, имели место быть на Днестре и Кубани, на Волге и Енисее, на Амуре и Лене, на Тоболе и Ишиме. Они сохранены в документах и воспоминаниях свидетелей.

Содержание

Тень Ванягина: от Кургана до Атбасара.....	6-30
Красная стена.Кустанайское антиколчаковское восстание	31-39
«Военный коммунизм» и «зеленые».....	40-48
Мятеж: Ковалев, Дурнев, Лидберг и другие	49-117
«Народная дивизия»: от Ишима до Уланкома.....	117-136
Эхо крестьянской войны в краю озер	136-147
Эпилог	147
Содержание.....	148
Фотографии	

Фотографии минувшего времени из архива автора

Ширяев, сидит

Степанов Григорий Васильевич

Крутоярка. Поповы. 1907 г.

Пресновка. Лагерные сборы. 1906 год

Пресновские школьники в музее Пресногорьковской СШ, 2023 год

Карагач в монастырском саду. Татьяна Виниченко. 2010 год

Здесь был Архистатиго-Михайловский монастырь (1896-1921)

Паломницы в монастыре. 2015 год

Виниченко, Винокуров, Дедов. Май 2012 года.

Книги и публикации автора

Книги:

В поисках минувшего времени: опыт историко-краевед. исслед. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2020. – 228 с.

Живая старина Пресногорьковской линии. – Половинное, 2012. – 231 с.

Исход: Трагедия горьколинейных станиц в начале XX века. – Половинное, 2012 – 260 с.

Листая старые страницы. – Курган, 2014. – 178 с.

Пресногорьковка. Страницы истории. – Костанай, 2007. – 201 с.

Пресногорьковская казачья линия: (очерки истории). – Половинное, 2011. – 317 с.

Пресногорьковские были: (ист. хроника). – Костанай, 2006. – 169 с.

Растворилась в туманах весна. Нескучные рассказы. – Половинное, 2023. – 147 с.

Историческое краеведение: Учебное пособие. – Костанай, 2017.

Свет [Электронный ресурс] : сб. стихов / С. Н. Виниченко. – Костанай : [б. и.], 2022. – 1 <https://www.kstounb.kz/ru/ebiblioteka> электрон. опт. диск.

В лабиринтах времени. Краеведческие очерки. В 2-х томах. Издательство «Дамми». Курган, 2025. – 1156 с.

(В двухтомнике собраны 5 электронных книг автора, опубликованные на КАЗНЭБ и сайте библиотеки им. Толстого. <https://www.kstounb.kz/ru/ebiblioteka>).

Горькая линия: время и люди. – Костанай, 2025 (электронный ресурс). – 291 с.

Публикации:

Статья в журнале «История Казахстана. Преподавание в школах и вузах», №4.2004

Статья автора на <http://pkzsk.info/2019-2026> гг.

Пастырь добрый // В кн.: Тимоновские чтения. I-я международная научно-практическая конференция. – Костанай, 2022.

Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года: духовный подвиг православного духовенства Северного Казахстана // В кн.: Тимоновские чтения. II-я международная научно-практическая конференция. – Костанай, 2023.

На ветрах времени // В кн.: Тимоновские чтения. III-я международная научно-практическая конференция. – Костанай, 2024.

Об учёбе Михаила Журавлёва // В кн.: Услышать можно шёпот звёзд. – Костанай, 2020.

Крестный путь игуменьи Евпраксии // в альм.: «Тобольск и вся Сибирь». – Тобольск, 2011.

Статьи в литературно-историческом журнале (г. Томск) № 5, 6, 7.

Статьи в сб. «История Костанайской области в краеведческих исследованиях». Издание Лисаковского музея и культуры Верхнего Приоболжья» (ред. Буданова Ю. П.) 2017, 2018, 2019 гг.

О Свято-Никольском храме // В кн.: Храмы и монастыри Костанайской области. 9-20 века. Костанай, 2021.

Из истории Пресногорьковского района // В кн.: Узунколь, любимый сердцу край. Костанай, 2019.

Станица Пресногорьковская и сибирские казаки в восстании 1921 года // В кн.: «Двадцать первый. Красная весна». – Ишим, 2022.

Статьи на <https://uchitelskaya.kz>, <https://kstnews.kz> (2010-2022 гг.).

Статьи на <https://www.proza.ru/2019/12/03/1547>

Сайт <https://stihi.ru/avtor/serg44>

Книги на <http://kazneb.kz/site/catalogue?flt=simple&q=Виниченко+Сергей>

Стихи в книге «Половинские родники»: 20 лет спустя, – Куртамыш, 2024.

Книги на <https://presnogorkovka.kz/account/?user=2>

Против трёх империй // Материалы IV Военно-исторических чтений. – Омск, 2024.

Сын за отца // Литературно-публицистический журнал «Тобол», №46. – Курган, 2025.

Жизнь и судьба генерала Кубрина // Материалы II Международной конференции, -Новочеркасск, 2024. Опубликованы публичной библиотекой им. В.И. Ленина (Москва).

Сергей Виниченко

ТИХИЙ ИШИМ